

Диана Кан

Подорожная

*Книга
избранных стихотворений*

Русское эхо
2021

**Автор сердечно благодарит
Российский фонд мира
за финансовую помощь
в издании этой книги**

Кан Д.Е.

К 19 Подорожная: Книга избранных стихотворений. — Самара: Русское эхо, 2021. — 320 с.
ISBN 978-5-9938-0028-8

Кан Диана Елисеевна — выдающаяся российская поэтесса. Включена в список классиков XX века по версии Пушкинского Дома Российской Академии наук. Автор книг «Високосная весна», «Согдиана», «Междуречье», «Бактрийский горизонт», «Подданная русских захолустий», «Звёзды окликающая» и др. Член редакционных советов ряда российских литературно-художественных и общественно-политических журналов. Неоднократный лауреат всероссийской ежегодной премии журнала «Наш современник». Лауреат Всероссийской литературной премии им. Святого благоверного князя Александра Невского в номинации «Особая премия — Служение России» (Санкт-Петербург). Лауреат литературной премии «Аргатак-Татарстан». Лауреат Международной литературной премии им. Марины Цветаевой (Татарстан, 2016 г.). Лауреат литературной премии «Волжская пристань» им. Николая Благова (Ульяновск) и др. Член Союза писателей России.

ISBN 978-5-9938-0028-8

© Кан Д.Е., 2021.

© Русское эхо, 2021.

ГЛАЗЫНЬКИ САМУРАЙСКИЕ

В современной русской поэзии минувшие полтора десятка лет отчётливо связаны с именем Дианы Кан. Лирика и гражданские стихи, миф и жёсткая инвектива — все эти формы органичны для художественного дарования поэтессы. Её интонации меняются от проникновенно мягких до саркастических, а лирический сюжет вполне может включать в свои пределы надмирное созерцание и геополитику.

Способность к строгой поэтической речи парадоксально соединена у Дианы Кан с чувством воли, берущим начало в русском фольклоре. Её слово порой отличается волшебной детскостью: так ребёнок переливает смыслы из одного звучания в другое, соединяет несоединимое, чувствует себя хозяином произносимых имён и определений.

В поэзии Кан есть широта охвата русской жизни, поразительный спектр сюжетов, множество характеров людей, которые однажды встретились автору, попали в стихи и остались в них образами — художественно ясными и живыми. Жизнелюбие, твёрдость характера её лирической героини удивительны на фоне того

плача о «погибели русской земли», что длится до сих пор в отечественной поэзии с начала 90-х годов.

Историзм — скрытая черта многих произведений Дианы Кан. Время от времени он проявляется в видимых формах, как, например, в стихах о Табынской иконе Божьей Матери или о волжских атаманах. Но прежде всего — пронизывает все без исключения поэтические размышления автора о судьбах России. Так сложилось, что поэтесса с азиатским разрезом глаз впитала в свою душу огромное сюжетное и интонационное богатство русской жизни. Универсальность её взгляда на происходящее вокруг, при очень личном оттенке речи, как правило, оценивается позже — когда стихи звучат в памяти, когда реальность машинально называется по её строке, когда другой человек плавно вписывается в её характеристику, которая, оказывается, вмещает в себя очень многих.

При очевидной склонности к лирике у Дианы Кан очень заметно глубокое дыхание, которое мы привыкли находить в эпических произведениях. Двадцатый век, разбивший множество судеб, склонил русскую поэзию к фрагментарности, «осколочности» поэтического высказывания. В полной мере, возможно, только Юрий Кузнецов в своих поэмах о Хри-

сте дал современной русской литературе парадоксальный образец эпического жанра. Но у него уже сама авторская речь была умягчена лирикой, и это драгоценное соединение большого с малым есть замечательное достижение поэта.

У Дианы Кан нет больших поэм, она не стремится воплотить какую-либо важную тему в пространной литературной форме. Однако свод её стихотворений о родине, кажется, выдохнула грудь самой русской земли: столь велики пространство и время, что укрыты словами поэтессы, будто невесомой и прозрачной тканью, под которой видны горы и бездны, одиночество и единство, покой и стремительное движение.

Её отношения с Богом в очень малой степени выплывают в стихи, в которых нет громких «православных» деклараций. Но есть тихое упование на милосердие и смирение, в которых небо соединяется с землёй. Не однажды поэтесса упоминала русское родовое начало, для неё это важнейшая опора отечественной культуры. Соединяя чувство рода с интуитивным переживанием правды, которое на Руси в последнее тысячелетие связано со Спасителем, она являет собой пример русского человека в единстве его противоречий и жажды справедливости.

Невозможно заранее представить, какая тема в самых общих чертах явит себя в стихотворениях Дианы Кан. Непредсказуемость, столь важное качество для поэта, в её случае оказывается органической чертой творчества. Все книги Кан, от первых небольших сборников до последних по времени объёмных изданий, сохраняют главные линии её поэзии. Однако любая новая вещь почти всегда у неё читается как первая в тематическом ряду.

Между тем существует ещё одно измерение этого имени. Не перечислить молодых поэтов, которым Диана Кан так или иначе помогла обрести себя. В эпоху, когда нарушены взаимные творческие связи, Союз писателей России ослаблен целым рядом организационных проблем, она стала своеобразным центром, в котором объединяются самые разные дарования, налаживаются журнальные связи. Постепенно — месяц за месяцем, год за годом — создаётся поле горизонтального взаимодействия творческих сил русских поэтов и прозаиков. И сегодня уже многие известные литераторы могут сказать о ней с сердечной теплотой: «Наша Диана!»

Принято считать, что у неё трудный характер и вспыльчивый нрав. Очень часто такая характеристика, кажется, отодвигает в сторону её поэзию. Однако способность к со-

страданию и отходчивая душа удивительным образом перекликаются со строками Дианы Кан, подтверждают их человечески, лично. И делают её стихи достоверными, незримо совмещая литературу с жизнью — как бы далеко друг от друга они не отстояли в наше горькое для правды и таланта время.

Вячеслав Люгый,
руководитель секции критики
Союза писателей России

* * *

Ну, какое же мне прощение?
Обо всём я знала заранее:
Не любить тебя — преступление,
А любить тебя — наказание.

Очаруешь до помутнения.
Наизнанку мне душу вывернешь.
Окаянное самозабвение
Есть в твоём погибельном имени.

Для всего остального мира я
Навсегда отныне потеряна:
Без тебя — удручённо сирая,
Хоть в любви твоей не уверена.

Ох, уж эти мне песни грустные!
Ох, уж эти пляски разбойные!
Ох, уж эти волосы русые —
Неприкаянно своевольные!..

И какая тут, право, разница,
Кем ты мне повсюду мерещишься —
То уральским ясенем блазнишься,
То таёжным мраком ощеришься.

Усмехнёшься из омута тёмного,
Горным эхом окликнешь: «Милая!..»
Непутёвая я, непутёвая!
Никого до тебя не любила я!

Не зову тебя всеу по имени.
И уже не прошу взаимности:
«Ты люби, ты люби, ты люби меня!..» —
В этом нету необходимости.

Просияй же звездою в моей судьбе,
Но останься тайно заветною.
Несу свет тебе, несу свет тебе,
Ой ты Русь моя несусветная!

* * *

Кто-то едет на Мальдивы,
Кто-то едет на Канары.
Кто-то берегом турецким
Очарован-околдован.
Шлях-дороженька, куда ты?
— Не кудыкай! К Светлояру.
Кто куда, а ты, родная,
К русским северам за словом.
— Что мне это слово, право?
Я за ним в карман не лезу!
Я уже давно мечтаю
Нежиться на пляже южном...
Что мне проку в этой славе,
Что горька и бесполезна?
Мне от этой лютой стервы
Ничего уже не нужно.
— Что ты поднимаешь кипеж,
Как спесивая девчонка?

Разве русскому поэту
 Так вести себя пристало?
 Ждёт тебя заветный Китеж...
 Кипятись, да помни это!
 Ты по праву — китежанка,
 А тебе и горя мало!
 Шлях-дороженькой была я.
 И во что я превратилась?
 В путь единственно возможный...
 Так что сокрушаться поздно.
 ...Шлях-дороженька, родная,
 Сделай божескую милость!
 Я хочу туда, где светят
 С неба ласковые звёзды...

* * *

Белый и чёрный князь
 В битве сошлись упорной —
 Белый, благословясь,
 И, чертыхаясь, чёрный.

Тьмы ледяная пасть...
 В прах разметав созвездья,
 Белый небесный князь
 Скорбно вершил возмездье.

Замер засадный полк
 Близ Куликова поля.
 «С Богом!» — сказал Боброк,
 Зубы сцепив до боли.

Гнев голубых очей...
 Родина, дай нам силы!
 Лязг боевых мечей
 В грозах моей России!

* * *

Багрец всему — и тополям, и клёнам,
 Калине, что пустили на вино.
 И нам, столь непростительно влюблённым
 Во всё, что смертно и обречено.

В преддверье неизбежной вечной стужи
 Ни мускулом не дрогни, ни лицом,
 Когда стоишь, боса и безоружна,
 Лицом к лицу с кровавым багрецом.

Пойми, ревнуя к малахитам лета,
 В себе попутно лучшее губя,
 Он по стихам твоим и по приметам
 Прицельно выждал, выследил тебя.

Он не забыл, как ты, пренебрегая
 Его огнём, что царственно горит,
 Смеясь, простоволосая-босая
 Сбежала в летний звонкий малахит.

Ты не привыкла жить наполовину,
 Помилovanja, стало быть, не жди...
 Любуясь кистью пламенной калины,
 По яголке с улыбкой в рот клади.

Пусть ветер-конвоир толкает в спину
 Навстречу золотому багрецу...
 ...Кровавая окалина калины
 На удивленье Родине к лицу.

* * *

Край мой мятежный.
 Край мой крамольный...
 Ветер-ведьмак пугачёвщиной дышит.
 Край мой, далёкий от Первопрестольной.
 Горем завейся — Москва не услышит.

Горем завейся, ветром укройся,
 Песней утешься, а я буду рядом...
 Ойся ты, ойся! Столицы не бойся,
 Край мой крамольный, оно тебе надо?

Царь ли царевич? Король королевич?
 В баньке уважь их да в печь на лопату.
 Кроток в молитве и страшен ты в гневе,
 Край мой, кровавым рассветом объятый.

Что приуныл, опечаленный в стельку?
 Что пригорюнился, счастья не чая?
 Где ж он твой царь — самозванный Емелька?
 Чай, ты случаем по нём не скучаешь?

Тёплым платком оренбургским закутай
 Зябкую степь, что от ветра продрогла...
 Вспомни свою залихватскую удаль
 И выходи на большую дорогу.

* * *

Приснилась ночью дочка Стася.
 Она взяла меня за руку.
 Сказала строго: «Улыбайся!
 И не вводи коллег во скуку!»

Я улыбалась так прилежно,
 Что спазмом мне сводило скулы,
 Меланхолическою нежной
 Улыбкой ласковой акулы.

То книксены, а то поклоны —
 Равно с друзьями и с врагами...
 В бокал набулькав самогона,
 Я обходила зал курагами.

Я больше не впадала в аут,
 Витая мыслями далече,
 Пока литературный раут
 Блистал умом и красноречьем.

Сказать бы дочке-поэтессе,
 Предупредить её заранее
 Про утонувших в литпроцессе
 Акул пера и всех пирааний.

Но мне ли говорить об этом?
 Мне ль бередить родимый омут?..
 Тому, кто был рождён поэтом,
 Предупрежденья не помогут.

Вослед звучит: «О, Белла Донна!..»
 Сквозь суетливый плеск оаций...
 О, торжество мегаладона
 На стыке всех цивилизаций!

**ПАМЯТИ
 АНАТОЛИЯ ПЕРЕДРЕЕВА**

Переезды. Перегоны.
 Пересуды. Передреев...
 Кто такой? Поэт в законе,
 Чьи стихи в морозы греют.

Только ты предпочитаешь,
 Мой попугчик, греться водкой.
 Только вряд ли ты читаешь.
 Только был поэт не кроткий.

Только... Он тебя бы вряд ли
 Осудил — был сам не промах
 Горечь намахнуть до капли
 Средь знакомцев незнакомых.

Дух околиц и окраин
 Овевает наши лица...
 Не тоскою странствий ранен,
 Едет мой сосед в столицы.

Не считая километры,
 В Уренгой из Оренбурга
 Едет он по белу свету...
 Говорит, с деньгами туго.

Выживаем, выживаем,
 Но не из ума, надеюсь,
 Хоть стихи воспринимаем
 Как неслыханную ересь.

Пахарь и поэт-изгнанник...
 Перед небом все едины.
 Что ж ты наши души ранишь,
 Анатолий Константиныч?

Душ людских путеводитель,
 Как положено поэту,
 Носит в сердце (не хотите ль?)
 Еретическую мету.

Перемены. Передряги...
 Но сердца стихами греет
 Вдохновенный работяга
 Анатолий Передреев.

Даже неважно, с кем засыпать,
 А просыпаться надо с любимым...
 Палец о прялку уколешь опять —
 Тысячелетья проносятся мимо.

Встречи-прощания материков.
 Выдох и вдох мировых океанов.
 Протуберанцы кровавых эпох
 И содроганья душевных вулканов.

Что это, ежели не суета?..
 На сквозняках безразличной вселенной
 Гроб мой хрустальный парит, как мечта,
 Самонадеянно самозабвенно.

Ну, почему не спешит он сюда —
 Тот, самый лучший на свете мужчина,
 Что не разлюбит меня никогда,
 Хоть и мечтал видеть первенцем сына?..

Где ж королевич мой, свет-Елисей?
 Что ж он никак не вернётся из странствий?
 Пусть поцелует меня поскорей:
 «Дочка моя, Елисеевна, здравствуй!»

* * *

*Эдуарду Константиновичу
 Анашкину*

Ох уж эти пестравские бабушки,
 Что тебя называют «желанная».
 Наколдуют такие оладушки,
 Что сидишь, аки гостьюшка званая.

А ведь ты нежданно-непрощенно
 Заскочила узнать, сколько времечка?
 «Ешь оладьи, моя хорошая!»
 И тебя поцелует в темечко.

И, забыв, что зашла ты наскоро,
 Наклонишься над старенькой чашкою.
 И навстречу качнётся ласково
 Духовитый чаёк ромашковый.

В нём степные просторы пестравские
 Уместились, вовек неоглядные...
 И сидишь, словно гостя заправская,
 Ешь оладушки, бабушку радуя.

Угощаешься всласть смородиной.
 Ищешь повод продлить гостевание.
 Хоть Пестравка тебе не родина,
 Разве знала ты это заранее?..

* * *

Любимой меня не зови:
 Не холодно мне и не жарко!
 Давай посидим визави
 Над нашей прощальной чаркой.

Напрасно, заученно рад,
 Улыбчиво нам докучая,
 Услужливый официант
 Шампанское вновь предлагает.

Ты скажешь: «Тащи ананас!
 Шампанское — нет! Мораторий!..»
 Печальная сказка про нас —
 Одна из обычных историй.

Историй про то и о том,
 Что вечного нет и не будет.
 Иллюзии пустим на слом...
 Делов-то! От нас не убудет!

Смеясь, ананас доедим,
 Запьем поминальною чаркой...
 И пыли веков предадим
 Всё то, что искрилось так ярко.

Всё то, что ты мне не простил,
 Лукавою славой обласкан...
 И в сумерки цвета чернил
 Глушил ананасы с шампанским.

Не прячь опечаленных глаз.
 Неважно, кто более ранен...
 О нас и задолго до нас
 Поведал поэт Северянин.

Мы поэты... А значит, нам так и надо!
 Не впервой терять, что с лихвой имеем,
 Истекая жгучим змеиным ядом,
 А отнюдь не сладкозвучным елеем.

Мы поэты... И место наше в буфете.
 Не на сцене и даже не на галёрке.
 Не в борделе, тем паче не в госсовете,
 Где прозаседались тузы-шестёрки.

Хоть буфетчица не похожа на музу,
 Но зато без всякого промедленья,
 Видя в каждом потенциального мужа,
 Нам плеснёт в бокал сто грамм вдохновенья.

...Мы пощады у Господа не просили,
 Хоть и падали перед Ним на колени.
 Мы влюблялись, вскрывали вены, тусили,
 Предаваясь самой изысканной лени.

Да не только Лене! Светлане, Кате...
 Ну а пуще — Вере, Любви, Надежде...
 Мы, поэты, всегда приходим некстати.
 Поименно — другие. По сути — те же.

Пусть поэзия — площадная девка —
 Откликается на любое имя.
 Но при этом помнит с тайной издевкой,
 Что от веку зовут её — Магдалина.

Самару в Оренбурге помнят чаще,
 Чем Оренбург в Самаре, ну, так что ж?
 И там, и тут я прослыла пропащей.
 То и другое — истина и ложь.

Но этой самой истинною ложью
 Спасается подлунный грешный мир,
 Где дураки похлеще бездорожий,
 Чумы похлеще хлебосольный пир.

Ни в Бога и ни в чёрта не поверю,
 Когда уже который век и год
 Чумных пиров полынное похмелье
 И порохом, и кровью отдаёт.

Текут века, а мне и горя мало.
 Степным простором допьяна упыюсь...
 ...Здесь, в междуречье Волги и Урала,
 Моим стихом заговорила Русь.

Уральская печальная приبلуда,
 Самарская лукавая змея...
 Как жаль, что я давно не верю в чудо,
 Ведь надо верить — чёрт возьми! — в себя!

ПАМЯТИ МИТРОПОЛИТА ИОАННА

Ваши пальцы пахнут зыбким ладаном.
 Наши пальцы — крепким никотином...
 С этим, право, что-то делать надо бы —
 С этим неизбывным русским сплином.

С этим, право, что-то делать надо же,
 А не делать вид, что так и надо...
 Зябкий свет осеннего Приладожья
 Не пророчит чаемого лада.

И почти на равных — до обидного! —
 Наш вопрос не одарив ответом,

Прочь струится фимиам молитвенный
 И дымок лукавый сигаретный.

...Мы не извращенцы и не нытики,
 И не суицидники по пьяни,
 Но боятся психоаналитики
 Нас, великий Отче Иоанне!

Крепким никотином заарканены
 В этой зябкой северной столице,
 Чем мы так смертельно в душу ранены,
 Что и смерть нас до смерти боится?..

* * *

Причешись, причепурись,
 Улыбнись, примерь обновы!..
 — Свет мой, зеркальце, заткнись!
 Мне и без тебя хреново.

По спирали жизнь бежит...
 Поспирала, поспирала
 Годы юный шёлк ланит,
 Что остался в зазеркалье.

Эвон дочка подросла,
 Красотой меня затмила...
 Всё вы врите, зеркала!
 Хоть я правды не просила!

Строчка встала на крыло
И далёко улетела...
Ах, ты, мерзкое стекло!
Ну, твоё какое дело?

Бон суар, мон шер ами?
Ни фига! Ещё не вечер!
Свет мой, зеркальце, храни
Память нашей первой встречи.

В зазеркальных тайниках
Пусть живёт девчушка эта,
Что не ведает пока,
Что сулит судьба поэта.

* * *

Овладев античным гекзамэтром,
Я вдыхаю сумрачный простор,
Где всю шарашится под ветром
Петербургский пьяный светофор.

С ним в обнимку грустный гастарбайтер
Провожает взглядом лимузин.
И столичным стритом лунным найтом
Рассекает хипстер, сукин сын.

Время хипануть и удивиться,
Стоило ли ехать далеко,

Чтобы в этой западной столице
Встретиться с ташкентским земляком?..

Помнится, в Ташкенте кентовали,
Обнимали пьяный светофор,
Также хипповали, шизовали,
Никого не видели в упор.

Словно неизбежная издержка
Всех житейских и душевных драм,
Еле уловимая усмешка
Прикипела намертво к губам.

Я бы и хотела улыбаться
Ранюю запёкшегося рта
Так, как будто мне опять семнадцать
И не смыслю в жизни ни черта.

Но глядит с ответною издевкой,
На меня глядит со всех сторон —
Петербург — от Лиговки до Ржевки —
Что похож на обморочный сон.

Презируя суетные контры,
Он летит гекзаметром в зенит!..
Он меня, конечно, пересмотрит,
Только всё же не переглядит.

* * *

Накануне ночью, жёстко жизнь итожа,
Я была жесточе, но зато моложе.
И, бордо с бургундским намешав по-русски,
Я пила азартно, то есть без закуски.

Своеволью губы закусив до боли,
Всех, кто были любы, вспомнила неволью...
Ах, любовь-чахотка! Ты неизлечима!
Не спасала водка, не спасут и вина.

Вовсе не пытаюсь врачевать печали,
Вновь бордо с бургундским кровно воевали.
Не щадя постылых, не жалея милых,
Ледяным коктейлем закипали в жилах.

Кто сказал, что вина уврачуют вины?
Грянет день январский с брызгами рябины...
И любовь склонится тихо к изголовью,
В белую перчатку покашливая кровью.

* * *

Пусть вы не торжество добра и света,
Как ни крути, вас не любить нельзя —
Сценичные циничные поэты.
Заклятые самарские друзья.

Ведь я была одной из вас когда-то.
Хотела б откреститься, да никак!

Разбойные запойные ребята,
Отечеством считавшие кабак.

Рассадин, Чепурных, Олег Портнягин...
Ах да, Сиротин! Как забыла я!
Немало вы попортили бумаги...
...И Семичев — особая статья.

Немало вы кровей моих попили
Вприхлёб с самарским пивом Жигули.
Немало, как княжну, меня топили,
Но утопить в итоге не смогли!

Не утонула, породнилась с Волгой...
Она во мне свою признала дочь.
И с той поры — увы и слава Богу! —
Ни помешать нельзя мне, ни помочь.

И разве я могла в вас не влюбиться,
Как ни крутили пальцем у виска,
Когда взлетали странныцы-страницы
И строфы-катастрофы в облака?

Когда, презрев досужие советы
И больше не желая быть как все,
И я взлетала с ними против ветра
По этой чёрной взлётной полосе?..

* * *

Здесь растут без всяких привилегий
Придорожной сорною травой
Россыпи прилудных аквилегий,
Принятых Россией на постой.

Здесь в дожде купается купена,
Предвкушая солнечный потоп.
И ромашки всходят белопенно,
Обживая фронтовой окоп.

Это всё она, моя Россия!
Это я, её родная дочь!
Кашки сами в руки попросились —
Их сорвать хотела, да невмочь!

Прикорнул к плечу татарник милый,
Даже не пытаюсь уколоть...
...Эх, напрасно мама попросила
Доченьку картошку прополоть!

* * *

Эх, не ето, не пито, не курено,
Не целовано девок взасос!..
Знать, в деревню Большое Никулино
Неспроста нас нечистый занёс.

Здесь оконца намыты-надраены —
Ни сказать, ни пером описать!

Николаевна свет Нидвораевна
За околицу вышла встречать.

Распростёртыми встрела проклятьями:
«Нет креста на вас, скройтесь с глаз!..»
И — привычное, право, занятие! —
Приголубила матерно нас.

Мы б ушли, ведь дорога проторена,
Ветер воли пьянит, как нектар.
Для кого же ворота отворены,
Стол накрыт и кипит самовар?

Гость незванный получше татарина!..
Для кого же, не званного в дом,
Банька топлена, липа заварена,
И расшиты кисеты крестом?

И не верится, братцы, не верится,
Ну, нисколько не верится мне
В то, что здесь не для нас красны девицы,
Словно маковый цвет, по весне!

Николаевна свет Нидвораевна,
Пусть у нас ни кола, ни двора...
Полыхает закатное зарево —
Приюти дураков до утра!

* * *

Жигулёвская вольница стонет: «Вернись!...»
 Новгородская вольница чаёт: «Приди!...»
 Это смех, это грех, это жесь, это жисть,
 Это вольная воля в разверстой груди.

Заплутавшая в северном синем бору,
 Целовавшая питерский гордый гранит,
 Эта вольная воля звенит на ветру
 И, шутя, обживает имперский зенит.

Что ей труб водосточных крикливая жесь
 И слезливая жисть прошлогодних снегов?
 Пьяный смех, свальный грех и бездарная месть
 Тех, кто тщились стяжать себе званье врагов?

Что ж, попытка не пытка, и где наша не
 Пропадала, печалилась, пела, летала...
 Я вернусь по весне... Я вернусь по весне —
 Високосной весной — разве этого мало?

* * *

Редька-триха и редька-ломтиха,
 Редька с мёдом и редька так...
 Как бы ни было, братцы, лихо,
 Никакой нам не страшен враг!

Не впервой нам врагов увечить.
 Не единожды в том помог,

По усам утекая в вечность,
 Не попавший в роток медок.

Редька с маслом и редька с квасом,
 И с хреновиной редька — ах!
 ...Пьёт шампанское с ананасом
 Респектабельный олигарх.

Пусть погасит свою улыбку,
 Недоделанный супермен,
 Ободравший страну, как липку,
 А на нас положивший хрен.

Гадом буду — не позабуду
 Голливудский его оскал...
 Но у нас тут не голливуды!..
 Рот захлопни — я всё сказал!

* * *

Щелчком смахнула пепел с папиросы.
 Заметила: «Тебя, наверно, ждут!...»
 И разом улетели все вопросы,
 Как дым, в невозмутимый абсолюте.

Прихваченные отчуждённой стужей,
 Они теперь летят за облака —
 Вопросы, что испепелили душу,
 Но так и не слетели с языка.

Болтаете о чём-то несерьёзном,
Ведь надо же о чём-то говорить.
И ты вдруг понимаешь: слишком поздно
Пытаться что-то в жизни изменить.

Да, ты любил. Но был ли ты любимым?..
Ты вовремя его не произнёс —
Сегодня улетевший вместе с дымом
Всего один-единственный вопрос.

Что ж, ты не сотворил себе кумира.
Ты победил... Гляди издалека,
Как, абсолютно безучастны к миру,
Дымятся над землёю облака.

* * *

Здесь ещё чужая. Там уже чужая.
Полно!.. То потеря в жизни небольшая.
Ну-ка, ногу в стремя, в руки — удила.
Отродясь насильно милой не была.

Покури в сторонке, разлюбезный враг!
Бьёт копытом звонким звёздный аргамак.
И течёт дорога аж до самых звёзд
Вдоль реки Мологи через млечный мост.

* * *

*Заживём в кувшинковом раю,
Милый мальчик, всем другим
на зависть...
...Бедный мальчик, баюшки-баю,
Я в реке живу, а не купаюсь...
Диана Кан (из второй книги)*

*В полуденном солнце сверкнув
чешуёю,
Прощаюсь, прощаюсь, прощаюсь
с тобою...
Диана Кан (из третьей книги)*

Волгой, Волгой, а потом Мологой.
Из Мологи напрямиком в Китьму...
Я слыла когда-то недотрогой —
Чушь, непостижимая уму.

Я слыла капризную русалкой,
Искусив блаженством и бедой
Невзначай поймавших на рыбалке
Ту, что назовут своей судьбой.

Все они вели себя как дети.
Волокли русалку под венец.
Для добычи расставляли сети
И — добычей стали наконец!

Ох, жена — не сыщешь расчудесней! —
Разменяла жизнь на ерунду.
Всё поёт неведомые песни
Да топиться бегаёт к пруду.

Всякая лягуха ей — царица.
Всякий лотос — чуть ли не жених!..
Ну а ты живи себе как евнух!
Али не смирился, не привык?

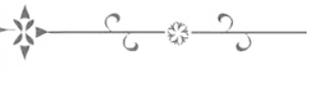
...Не смирились и не привыкали,
Становясь угрюмой и грустней...
И глаза их, полные печали,
Не забыть мне до скончанья дней.

Как с женой-русалкой ночи долги!..
В полнолуние не смыкая глаз:
«Шла бы вниз по матушке, по Волге!» —
Думали, болезные, не раз.

Волжский взгляд русалий с паволокой
Тоже манит по теченью плыть...
Ведь к первоначальному истоку
Ничего уже не возвратить!

Почему же супротив теченья
Плыть извечно я обречена?..
Реки, речки, реченьки, реченья...
Не упомяну ваши имена!

...Волгой, Волгой, а потом Мологой...
Да не всё ль равно, куда идти,
Если сам к себе придёшь в итоге?..
А другого, видно, нет пути.

ПУШКИН

*...В конце письма
поставить «Vale»...*

В конце письма поставил: «Vale...»
Ох, Валентина! Ох, змея!
Ведь он писал ко мне вначале,
В его душе царила я.

Расставшись вроде с Терпсихорой,
А также много с кем ещё,
Дианы грудь ланитам Флоры
Он благосклонно предпочёл.

Но как винить его за это?..
Своей не чувствуя вины,
Так все великие поэты
Всегда в кого-то влюблены!

Не помышляя об измене,
Презрев душевный уют,
Они влюбляются мгновенно
И за любовь на смерть идут.

Идут... За ними не угнаться.
Они заложники любви.
Нет, обойдусь-ка без нотаций,
Скажу с улыбкой: «Отвали!»

Вали-вали к змеице Вальке.
In vino veritas, не трусь!
Переживу свои печальки,
Да и латыни подучусь.

* * *

Левый берег правой Волги?
Просто кругом голова...
Что гадать и думать долго?
Волга царственно права!

Хоть сто раз вспыли от гнева —
Вариантов прочих нет:
Право царское на «лево» —
Завсегда приоритет.

То не Волга ледовитым
Встречным взором полоснёт,
Не она глядит сердито —
Церемониальный лёд.

По весне освободится
И сбежит ко мне опять

От морозов, что царицей
Возомнили управлять.

Назовут побег аферой,
Разобидятся до слёз
Вьюга — склочная юнгфера
И кавалергард-мороз.

А метели-камеристки
И шталмейстер-ураган
Зашипят: «Вот аферистка
Эта поэтесса Кан!..»

Ох, собьёт с пути царицу!
Ох, налево уведёт
Колобродить да искриться,
Да кормить простой народ...»

...Расхохочемся над свитой
Неприкаянной на вид,
Что сосульками сердито
От бессилия звенит.

И друг в друга вновь поверим.
И строка взлетит в зенит...
Правой Волги левый берег
Той строкою знаменит.

* * *

Не надо цитат из Рубцова,
Ведь наши невольные слёзы
Чужие осудят сурово...
Не надо, покуда не поздно!

Не нужно цитировать Блока!
Что Блок нам? Ну, гений и гений!
Звучат беспощадно жестоко
Цитаты великих творений.

Что? Пушкин? Прошу вас, уймись!
Неймётся сегодня вам что-то...
Небесный классический витязь
Немыслим в кругу идиотов.

И про Достоевского тоже
Не будем... К чему эта пытка?
Ведь нам современных ничтожеств
Сегодня хватает с избытком.

Пусть Тюткин и Мутькин читают
Поэмы свои и баллады...
И пусть вездесуще порхают
Цитаты бездарной баланды.

О классике, братцы, не надо!..
Пусть в сердце живут сокровенно
Мотивы небесного склада,
Сжигая озябшие вены.

* * *

Соратник, друг, товарищ, враг
Парадоксально рады встрече.
Наш поэтический сходняк —
Содружество противоречий.

Хоть назовут потомки «съезд»
Товарищей заклятых стаю,
Здесь никого никто не съест:
Поэт поэта понимает.

Грустим, хохочем, пьём вино,
Витийствуем, исходим желчью...
Мы все равны. Нам всё равно —
Хотим утешиться, да нечем!

Не каждый тут друг другу мил,
Но держим небо, как атланты:
Посильно каждый — в меру сил
И в силу своего таланта.

И в том, кто сердцем изнемог,
И в том, кто пребывает в вере,
Одновременно, видит Бог,
Живут и Моцарт, и Сальери.

РАЗГОВОР С ПСИХИАТРОМ О РАЕ

*...и смотрят последние
астры в саду
На то, как топиться хожу
я к пруду...*

Диана Кан (из раннего)

Хотела утопиться в тихом омуте
Без лишних элегических затей...
Но психиатр сказал с улыбкой: «Полноте!
Да пожалейте ж бедненьких чертей!

Ни перед кем ни в чём не виноватые,
Без потрясений и душевных ран,
Они живут не клятые, не мятые,
А тут бултых-пардон — Диана Кан!..»

Сказала психиатру: «Пыл умерьте-ка!
Я не за это деньги вам плачу.
Ведь не к лицу подобная патетика,
Любезный, ни врачу, ни палачу!

Чертям для драйва я необходимая:
Мысль утопиться — это неспроста.
Умеют же устроиться, родимые, —
В раю позанимали все места...»

Всю жизнь рифмуя розы и морозы,
Всю жизнь воюя с собственной судьбой,
Я не унижусь до презренной прозы,
А значит, не унижусь пред тобой.

Перед тобой, дарившим вдохновенье.
Перед тобой, ушедшим в злую мглу.
Перед тобой, мой непутёвый гений,
Хвалу воспринимавший как хулу.

Любовь и кровь пожизненно миксуя
И раскрываясь на сквозных ветрах,
Господне Имя не тревожа всуе,
О сокровенном как сказать в словах?..

Буксуя на житейских бездорожьях
И матом кроя брентную тщету,
Назло всем тем, кто жизнь мою итожит,
Остаться поэтессой предпочту.

Он вёл их молча по былинным,
По диким муромским лесам —
Иуд, что верили наивно
В то, что и он иуда сам.

Вёл, обходя в пути святыни,
 Не тратя понапрасну слов,
 Духовно-ядерной твердыни,
 Что называется Саров.

Он вёл их, Китеж огибая
 И светлый болдинский приют...
 Знать, на Руси судьба такая,
 Что первыми героев бьют.

В пути не раз им повстречался
 Шальной разбойник-соловей.
 Вослед ведомым так смеялся,
 Что листья сыпались с ветвей.

Вёл, обходя Урал и Волгу,
 Хоть их никак не обогнуть...
 Во временах-пространствах долгий —
 Единственно возможный путь!

И мысль одна терзала сердце,
 Ведомым вовсе не в укор:
 Как миновать в пути Освенцим,
 И Саласпилс, и Собибор?..

...А дальше, братья-ляхи, сами.
 Эх, ни покрышки вам, ни дна...
 «Кажись, пришли! — вздохнул Сусанин. —
 Варшава-матушка видна!..»

* * *

Мир озарён прощальной улыбкой
 Ультрамарина, что целует просинь.
 Кармином, охрой, киноварью пылкой
 Поделится аксаковская осень.

Здесь пурпура и терракоты встреча,
 Что сходятся в лесах стеной на стенку.
 Но никакого нет противоречья
 В прощальном буйстве красок и оттенков.

И так щедро осенняя палитра
 Волшебного аксаковского слова,
 Что как тут обойдёшься без пол-литра...
 Дождя животворящего грибного?

* * *

Стихи, неожиданные, как дети,
 Даруются поэтам свыше...
 Цыц, графоманы, пыл умерьте!
 Но графоманы пишут, пишут.

Пока поэт в пылу мятежном
 Прикладывается к бутылке,
 Они скрипят пером прилежно,
 Стихи выводят из пробирки.

Отбиты премиальным налом
Мёртворождённые стишата,
Заполонившие журналы...
Обматерить не хватит мата!

Не любят мата графоманы,
А вот поэт подчас бестактен.
И кроет словом окаянным
Натужный дактиль-птеродактиль.

Уймись, поэт! Тебя читая,
Не минешь зависти к таланту.
Не потому ль предпочитаю
Читать нетленки дилетантов?

Любви, уж если откровенно,
Мне графоманы не внушают.
Но вот зато самооценку
Весьма конкретно повышают.

Ну, что же? И на том спасибо!
Стремясь к лауреатской цели,
Меня, такую не улыбу,
Они развеселить сумели.

Смеюсь над ними в полный голос
Испепеляющее игриво.
Моя надменная весёлость
Похлеще ядерного взрыва.

*Ножки, ручки, щёчки
и так далее...*

А при мне — сварливая жена...

Евгений Семичев

Сама себя спросила нынче: «Та ли я?»
Сама себе ответила: «Не та!»
Куда-то, на хрен, подевалась талия —
Неоднозначна жизни полнота.

Клянусь себя, не ведая усталости —
Жесток удел великих поэтесс.
Намедни обруч покрутить пыталась я —
Он еле-еле на меня залез.

Воскликнул: «Ручки, щёчки и так далее...» —
Меня увидев, Семичев-поэт.
Подлец, тактично умолчал про талию,
Как будто бы её в помине нет.

Как мать-земля я стала по экватору,
А ведь была стройна я, словно ель.
Не помогают платья-мотиваторы
Размера вожделенного икс-эль.

Я на саму себя теперь — пародия.
Из зеркала глядят, мечты поправ,
Издержки моего чревоугодия
И следствие вакхических забав.

О, Русь моя! Сплошная вакханалия!..
 Быт заедает скудость бытия!..
 Вернись ко мне, моя беглянка-талиа?
 Тебя разыщет родина твоя.

* * *

*Чудище обло, озорно, огромно,
 стозевно и лайй...*

Василий Третьяковский

Распилы-откаты. Откаты-распилы.
 И это, ребята, не лесоповал.
 Чиновная шобла почуяла силу
 И нас превратила в доходный товар.

А впрочем, стозевное чудище обло,
 О коем ещё Третьяковский писал,
 Себя почитает нисколько не шоблой,
 А — солью земли и началом начал.

От веку всегда при чинах и в законе.
 Её не касается смутная хмарь.
 Стальной ли генсек восседает на троне,
 Сусально-елейный помазанник-царь.

Будь имя её не помянуто всуе.
 Осыплет себя мишурою наград
 И так венценосца искусно танцует,
 Что сам, бедолага, порою не рад.

Забавно, что так прозаично-неброско —
 Без гнева, патетики, пафосных слов —
 Похожий на стёб неформала-подростка,
 Звучит мой проворный стишок про воров.

Бюджет распилили проворно и ловко,
 И не презирая презренный металл..
 Знать, самое время с державной сноровкой
 В Сибири осваивать лесоповал.

* * *

Ах, зима! Столбовая боярышня!
 Щеголиха, каких поискать.
 Нищета поздней осени давешней
 И сиротство тебе не под стать.

Жемчугами корона украшена.
 Самоцветы на шее горят.
 Ты носи-ка, носи не изнашивай
 Свой волшебный ношебный наряд.

Ты цари-ка, цари не истаивай,
 Всех сияньем вогнавшая в дрожь!..
 Пусть под шубой твоей горностаевой
 Прорастает озимая рожь.

Шей по синему млечными тучками,
 Ограняй бриллианты в горсти
 И холёными белыми ручками
 Хрустали через реки мости.

Ах, не верю, не верю, не верю я,
Глядя сквозь кружева на окне,
Что твоя ледяная империя
Вдруг растает, как снег по весне.

Ох, неужто же, всеми заброшена,
Побредёшь по овражьям, боса,
Прикрываясь обносками роскоши
И сумой перемётной тряся?..

«О, подайте, подайте, подайте ей!» —
Усмехнётся всяк встречный ручей,
Под твоей горностаевой мантией
Всё ж дождавшийся вешних лучей.

НОВАЯ МАРСЕЛЬЕЗА

Пролетая, пролетая,
Как фанера над Парижем,
Пролетарий, пролетарий,
Революция всё ближе.

На гербе орёл двуглавый,
Вырезанный из фанеры.
И ни левым, и ни правым,
Ни центристам нету веры.

Толстый поп кадиллом машет,
Отгоняя дух советский.
Двадцать первый век пустяшный
Тупо занят жизнью светской.

Бесноватые уроды,
Что страну разворовали,
Про какие-то свободы
Будут мне читать морали?

Пролетарская Мадонна.
Православная аскеза.
Цвета марсала знамёна,
А над ними — Марсельеза.

* * *

Неприкаянно, неприкаянно
Я свивала пути в кольцо...
И когда набрела на Каина,
Не узнала его в лицо.

Я сказала: «Богатым будете
Вы, проливший родную кровь...»
Он ответил: «Вы строго судите
Эту родственную любовь...»

Это что ж за любовь, идущая
Из библейских тёмных глубин —
Дочь, родную мать предающая,
На отца восстающий сын?

Мы к согласью прийти не чаяли —
Каждый правду свою искал.
Но лишь речь заходила об Авеле,
Собеседник глухо смолкал.

И в возникшей неловкой паузе
Мы тайком вздыхали с тоской:
«Почему же товарищ маузер
Нам роднее, чем брат родной?..»

Погорюем так и — расстанемся.
Впредь не встретимся: жизнь коротка.
А пока... А пока... Апокалипсис
На Руси моей длится века.

* * *

Пора отрешиться от чепухи —
Чем я, собственно, хуже?
Бросила пить, курить и писать стихи.
Пора подумать о муже.

Был ввесь устремлён белопенный наив
Ветвей, расцветающих в мае.
Настала пора — и осенний налив
Строптивные ветви склоняет.

Часами над милою Волгой-рекой
Сижу — само благонравие.
Неужто надо — за упокой,
Чтобы закончить за здравие?

Пора влюбляться негорячо,
Подонков судить нестрого.
Пора перестать подставлять плечо
Тому, кто подставил ногу.

Пора... Золотая пришла пора.
Рябины пылают гроздья.
А там, где была я ещё вчера,
Не ждут меня нынче в гости.

* * *

Куда от прошедшего деться?
Залить покаянным вином?
Романс «Разорванное сердце»
Надрывно звучит за окном.

Лишь юность способна так гордо,
Презрев прегрешенья свои,
На два примитивных аккорда
Пропеть о высокой любви.

А голос всё выше и выше...
О, как же походит на нас
Котов расшугавший на крыше
Наивный жестокий романс!

Ты морщишься. Ты не в восторге.
Но вспомни, забывчивый мой,
О том, как наивно жестоки
Мы были с тобою весной!

А ты, как котяра домашний,
Вольготно и сытно живёшь,
Забыв о любовном бесстрашье,
Жестокий романс не поёшь.

БЕЛГОРОДСКИЙ КИСЕЛЬ

*...Разве можете перестоять нас?..
Ибо имеем мы пищу от земли...
«Повесть временных лет»
о белгородском киселе*

Горделивой походочкой-лодочкой,
Затаив за ресницами грусть,
Мне навстречу плывут белгородочки,
В чьих бровях раскрывается Русь.

Православная русская вотчина —
На губах и на сердце ожог.
Белгородчина — речка молочная.
Да кисельный крутой бережок.

Здесь разбойные тропы найдены...
Не зорно здесь — так твою мать! —
Заявляться незванно-непрощенно
За семь вёрст киселя похлепать.

Шли сюда печенег и половцы,
Чтоб вкусить белгородский кисель...
Белгородские добрые молодцы
Провожали незваных отсель.

Провожали незваных-незнаемых,
Что без спросу пришли на постой.
Провожали в закатное зарево
И булатным мечом, и сытой.

Поляница-душа Белгородчина!
Супостату показывай нрав.
Крепость русской державы упрочивай,
Богатырской заставою встав.

* * *

Нам спасение с неба Принесший
И Вззирающий скорбно с икон,
Пригвождённый, Распятый, Воскресший,
Неужели и Ты побеждён?

Неужели неостановимо
Вновь на Русь наползает орда?..
Третий Рейх против Третьего Рима,
А четвёртым не быть никогда!

Это тьма против русского света.
Это свастика против звезды.
Это вран против сокола... Это
Заметают убийцы следы.

Это выздоровленье больного —
Волей Вышнего неистребим,
Восстаёт из неверья былого
Кумачом обезбоженный Рим.

* * *

Осерчавшая вьюга бранится
В тесноте родовых курмышей...
Не впервой ей в казачьих станицах
Выпроваживать пришлых взашей.

Я не пришлая, бабушка-вьюга!
Почему ж мне нисколько не рад
Свои ставни захлопнувший глухо
Оренбургский угрюмый форштадт?

Ну, так что ж?.. И на этом спасибо,
Родовой звероватый курмыш.
Я такая ж, как ты, неулыба,
Да и ты-то хорош, пока спишь.

Непроглядью родной, непробудью
Ты меня не жесточь, не морочь.
Без того посторонние люди
Истерзали мне душеньку вклучь.

Ты пойми, я смертельно устала
На разлучной чужой стороне
От радушных улыбок-оскалов,
Что не тонут в банкетном вине.

...Месяц-серп кровянится на небе,
И сугробы встают на пути...
На Пикетную улочку мне бы
По фуршетным бульварам дойти!

ВЬЮЖНАЯ СОНАТА

Наивная молоденькая дурочка,
Озябшая от безутешных слёз,
Бредёт по оренбургским тихим улочкам,
Бредёт-бормочет странное под нос.

Никем ещё ни разу не целована
И ни в кого ещё не влюблена.
Ничем покуда не разочарована,
Ни разу не сходившая с ума.

В шубейку-ветродуйку зябко кутаясь,
За вьюжною вуалью пряча взгляд,
Она бредёт, наивная и мудрая, —
Совсем как я так много лет назад.

Она бредёт навстречу мне из прошлого,
Прокладывая стёжки на снегу.
Вновь, как в бреду, посмотрит:
«Что хорошего?..»
И снова я ответить не смогу.

Сейчас свернёт с Уральской на Пикетную,
Оставив мне лишь стёжек снежных вязь...
В таинственное-странное-рассветное
Уйдёт, в сонате вьюжной растворясь.

Стишками, между стёжек заплутавшими,
И тем, что у поэта жизнь горька,
Сонатами, сонетами не ставшими,
Она не озабочена пока.

Она бредёт, покуда безымянная...
 Она не знает, как она слаба!
 Она в бреду бормочет что-то странное —
 Ещё не рифма, но уже — судьба.

И некому сказать наивной дурочке,
 Пока её мечтания тихи,
 Пока пустынно утренние улочки,
 Что это — гениальные стихи!

* * *

Измельчали мы, измельчали...
 Мы не те, что были вначале.
 Где косая сажень в плечах?
 Где Перунов огонь в очах?

Где предания отчего края?
 Расклевала картавая стая...
 Где любовь, что веками нам снилась?
 Триаршинной косой удавилась.

Алой лентою кровь утекла...
 Вот такие, мой друже, дела.

* * *

Коварной волей фотомастера
 Однажды и уже навеки
 На коллективном фото замерли
 Друзья, завистники, коллеги.

Мгновенья дружного бодрчества
 Не выглядят на фото зыбкими...
 А ведь чего только ни прячется
 За белозубыми улыбками!

Тщеславье, зависть, честолюбие...
 А пуще прочих — хуже некуда! —
 Израненное самолюбие
 Любви, что некогда отвергнута.

«Столь разные, что вместе делаем?..» —
 Невольно думается с ужасом.
 Здесь даже ревность застарелая
 Галантностью прикрыта дружеской.

Но вновь, лучась улыбкой тихою,
 Со всеми жду: вот птичка выпорхнет
 Из объектива юным соколом,
 Рождённым только для высокого!

Не потому ль так страстно хочется
 Остаться дурочкой наивною
 И вновь свершать от одиночества
 Побег в то фото коллективное,

Где среди притворства изошрённого
 Лишь ты один — вконец растерян! —
 Стоишь с лицом приговорённого
 Ко мне, как к самой высшей мере.

* * *

На землю снизошед с небесной выси,
Влачу века сквозь призрачный туман.
Мечу пред кем попало скатный бисер
И подливаю воду в океан.

А океан не только многотуманный,
Космично выводящий свой напев...
Во гневе он порой бывает буйный
И на меня свой обращает гнев.

Я б в небеса вернулась, может статься,
Как люди возвращаются домой.
Увы, удавками электростанций
Стреножен бег укротимый мой.

Но я другой судьбы себе не чаю.
Хоть путь земной неласков и тяжёл,
Но кровь моя небесно-голубая
Горит огнями городов и сёл.

Она горит, пронзая мрак упрямо,
Познав и высоту, и глубину.
А я храню затопленные храмы,
Баюкаю персидскую княжну.

А я горжусь горою Девьей статной
В преданиях, как будто наяву.
И голью, словно жемчуг, перекастной,
Что жигулёвской вольницей зову.

* * *

Средь тёмной ночи, среди бела дня
(Молчи, молчи, не говори ни слова!)
Я знаю, слава, ты найдёшь меня,
Но всё же адрес сообщу почтовый.

Хоть ты пока не очень-то спешишь
Меня подвергнуть головокруженью...
Я знаю, слава, ты меня простишь
За все мои былые прегрешенья.

Простишь за то, что, лишь тебя любя,
Я не была упрямой до предела.
За то, что в ожидании тебя
Я замуж пару раз сходить успела.

Пусть верности в тебе и ни на грош —
Не только рядовым, но — знаменитым.
Зато меня ты, как никто, поймёшь.
А, значит, слава, мы с тобою квиты.

Пусть я не раз продрогну на ветру,
Шепча твоё единственное имя...
Но я проснусь однажды поутру,
Согретая объятьями твоими.

* * *

*В следующий раз они попытаются
взять нас изнутри...*

Маршал Г.К. Жуков, 1945 год

И вновь мы устоим, когда, мечи попрятав,
Они вползут в наш дом, рядясь в друзей.
И станут, опоив заморским ядом,
Морить старух и развращать детей.

Допустят наших дунек до Европы —
Пусть пляшут по борделям нагишом.
И переоборудуют под «шопы»
И школу, и завод, и космодром...

Мы устоим... Хотя и поневоле
То влево нас, то вправо занесёт.
Мы даже убедить себя позволим —
Мол, рынок нас не выдаст, Бог спасёт!

И будет счастье, словно локоть, близко —
Мы по-американски заживём.
Мы, может, даже выучим английский
(Немецкий-то учить нам было в лом!).

Маркетинг, киллер, диллер, супервайзер,
Промоутер, бэбиситтер, бэби-бум...
Мы думали: из грязи — прямо в князи.
А на поверку выйдет — русский бунт.

Сметающий содомские пороки
От гатчинских болот и до Курил,
Бессмысленный, кровавый и жестокий —
Тот, о котором Пушкин говорил.

* * *

Ты взахлёб с другими целовался,
Словно был со мною незнаком.
Но как был дурак, так и остался
Ты в меня влюблённым дураком.

Ты удары солнечные в сердце
Воплощал в лирический угар.
Но с годами никуда не делся
От удара лунного пожар.

Щедро ты дарил цветы любимым —
Уж таков широкий твой размах!..
Но мерцал почти неуловимо
Лунный свет, осевший на цветах.

Почему же, как это ни странно,
Через столько окаянных лет
Отрешённый свет луны-дианы
Пересилил солнечный привет?

* * *

Сбежавшая с картины Хокусаи
(Да так, что ветер взвизгнул за спиною!),
Я в русских несуразных снах витаю,
И дым печной клубится надо мною.

О, Хокусаи-сан, как вы неправы,
Мне душу посыпая жгучим перцем!..
Большой волной несчастной Канагавы
Тоска нет-нет да и подкатит к сердцу.

И поддаюсь великому соблазну —
Цветенье сакур узнаю во вьюгах...
Какой непредсказуемой и разной
Бывает Русь в своих сынах и внуках!

Они порою не светловолосы.
Дела их не всегда богоугодны.
Они таят коварные вопросы...
И только в снах своих они свободны!

Но не востока утренняя свежесть
Под восходящим ввысь японским солнцем,
А снится им заснеженная нежность
Руси сквозь индивелое оконце.

* * *

Пускай меня зовут последней стервой,
В пример мне ставят бабушку Ягу,
Но всё равно я буду только первой,
Ведь быть второй я просто не могу.

Вот так — и только так! —
надменно мнилось
Мне в молодом запальчивом бреду.
Но если вправду предсказанье сбылось,
За свой успех отвечу я в аду.

Простите, нерождённые сыночки!
И вы простите, гневные мужья,
Что за предошущенье главной строчки
И жизнь, и душу заложила я.

За то, что мне всегда казалось мало
Любви земной и радостей земных...
Но строчка-дочка тайно вызревала
Под певчим сердцем, воплощаясь в стих.

Она ревниво всю меня хотела —
Чтоб ею лишь дышала и жила...
Вот с губ вспорхнула, в небо улетела.
Ну а меня с собой не позвала.

* * *

Когда заря запылила ало
 И волжский окровавила прибой,
 Я выплакаться к Волге прибежала
 И долго причитала над водой.

Печали, что копились долго-долго,
 Слезами и словами излила.
 Так долго я рыдала, что лишь Волга
 Меня понять и выслушать могла.

О том, что жизнь не оказалась гладью,
 И что любовь земная так горька,
 Рыдала я над волжскою быстрядью:
 «Прими обратно, матушка-река!..»

Полночных звёзд рассеянный стеклярус.
 Зари вечерней сумрачный пригас...
 И — плыл ко мне поднявший алый парус
 С проть-берега отчаливший баркас.

* * *

Неуёмное сердечко уйми —
 Не удержишь ветра в грешной горсти.
 И колико сокола ни корми,
 А с руки его — хоть плачь! — отпусти.

Воронья-то, воронья над тобой!..
 Помогала ты им стать на крыло.

Но, лишь крылья ощутив за спиной,
 На тебя же и закаркали зло.

Что им неба золотой окоём,
 Денно-нощное раденье твоё?..
 По полёту соколов узнаём.
 По помёту узнаём вороньё.

Сколько ворона с руки ни корми,
 Всё равно в его глазницах мертво.
 Ясна сокола на небо вздыми —
 Свет Отечества в очах у него.

* * *

Вокруг твердят: ты сущий Лель!
 Второго не отыщем!
 А ты — разбойник-соловей
 С ножом за голенищем.

Я этот пламенный металл,
 Что золотом заточен,
 Вчера, когда ты крепко спал,
 Увидела воочью.

Клинок, какому нет цены
 В раздрай и в лихолетье.
 В нём сонмы звёзд отражены
 И гулкие столетья.

Зенитом собственным пьяна,
Светло и окаянно
В нём отражается луна —
Надменная Диана.

В нём отсвет болдинских дубрав,
Ночных терцин мерцанье,
Разбег торкватовых октав,
За Родину ристанье.

И что свирель?.. В родном краю
Смолкают даже пули,
Когда он запоёт в бою
Иудам аллилуйю.

* * *

Ю.К.

Уснул и не проснулся.
И — в небеса ушёл.
Ты никогда не гнулся,
Хоть был твой крест тяжёл.

Безрадостно светало...
Любимая жена —
Россия промолчала,
В себя погружена.

Не выла, причитая,
Соломенной вдовой.
Скорбяще дождевая,
Склонилась над тобой.

И в вечность утекала...
И каплями дождя
Всё в губы целовала
Холодные тебя.

* * *

Мой гений, ты умён и мил,
Но скуден твой удел:
Поэта ты во мне любил,
А бабу проглядел.

О, сколько милой чепухи —
Припомнить не берусь! —
Ты гневно записал в грехи,
А люди думали — стихи,
Учили наизусть.

Наивно веря словесам,
Рождённым наугад,
Увы, читатель наш и сам
Обманываться рад.

О том, что слава — сущий вздор,
Безделица и хлам,
Осознаём, себе в укор,
Лишь к сорока годам.

И тянем, тянем вновь и вновь
Томительный напев
О том, как кончилась любовь,
Начаться не успев.

* * *

Ужель тебе к лицу твоя судьба,
Ты, прежде ветром крытая крылатым,
Бревенчатая русская изба,
Обложенная сайдингом, как матом?..

Здесь синий март — протальник-зимобор —
Сменял апрель — зажги снега, играй
овражки.

И обрусевшим розам не в укор
Вновь палисады обживали кашки.

Где этот палисад? В разгаре дня
Я помню, как, от зноя неподвижны,
Заморские гортензии тесня,
В нём безраздельно царствовали пижмы.

Красавишны, царишны мои,
Форштадтским ветром венчаны на царство,
Судьбой своей с моей судьбой сродни,
Они так любят мне во снах являться.

В растерянности на ветру стою
И думаю: «Зачем пришла? Не знаешь?..»
...Родной Форштадт, тебя не узнаю!
И ты меня узнать не поспешаешь.

* * *

Если женщина обмолвилась: «Ты мой!..» —
Одевайся и скорей беги домой.
А иначе — голова лихая с плеч:
Будешь мыть и убирать, стирать и печь.

Будешь мусор выносить в одних трусах.
И лететь домой на всех на парусах.
И кричать, как пионер: «Всегда готов!» —
Разгоняя озабоченных котом.

Одевайся потеплее... Видит Бог —
Мир в преддверии весны совсем продрог.
Не спасает даже женское тепло —
И с погодой тебе не повезло.

То капель звенит, то вьюга за окном.
То поманит вдруг обманчивым теплом.
То февраль вступает царственно в права...
Ну, соври мне, ну, соври, что я права!..

Ты обманно-переменчив, как февраль.
И такой же, как и он, банальный враль.
Настроение меняющий подчас
Не один и не другой десяток раз.

...Если женщина обмолвилась: «Ты мой!» —
Одевайся и скорей беги домой.
Не совсем же ты ещё сошёл с ума.
Возрази мне: «Дорогая, мой сама!..»

По соседству с могучим бурьяном,
Пред грозой отливающим в синь,
У подножья крестов покаянных
Чуть горчит луговая полынь.

Это я, непутёвая дочка,
Принесла тебе, мама, букет...
Ох и тёмная выдалась ночь,
Когда я появилась на свет!

Хоть и майским победным салютом
Осенил эту ночь Господь,
Но страдать безрассудностью лютой
Он обрёл мою душу и плоть.

Так живу — меж восторгом и стоном
Воплощая стихию в стихи,
В гонорар конвертируя гонор,
За любовь принимая грехи.

И моя сиротливая строчка
Волочится за мною вслед...
Это я, непутёвая дочка,
Принесла тебе, мама, букет!

Когда на небе полная луна,
Когда на Волге ты совсем один —
Кувшинкою персидская княжна
Всплывает из отверженных глубин.

Пускай ты не назвал её женой.
Слов запоздалых — нет! — не говори.
Пусть, осиянна синею луной,
Она цветёт до утренней зари.

Пленённая персидская княжна,
Тебя навечно взявшая в полон —
Пускай она качается, нежна,
Кувшинкою на дрёмной глади волн.

Ей безразличны и людская мольвь,
И свойственный преданьям приукрас,
Что злее зла была твоя любовь
И холоден огонь кинжальных глаз.

Под крики: «Нас на бабу променял!» —
Она, струя потоки стылых слёз,
Лишь спросила с грустью: «Кинешь мя?..»
В казачьем оре потонул вопрос.

Не говори, как ты её любил,
Ватажеству шальному предан в дым...
Ведь ты не виноват, что выбор был
Меж нею и всем миром остальным.

* * *

Да что же вдруг случилось с нами?
Куда нас чёрт с тобой занёс?
«Прош-ш-шло...» — бумажными цветами
Шуршит заброшенный погост.

Прошло ли? Ой ли? Не вчера ли
Здесь дождик лил, закат кровил?
И, полный блоковской печали,
Бродил мальчишка меж могил.

Я подошла к нему поближе,
И он воззрился на меня...
Ах, этот мальчик ярко-рыжий,
Как сполох майского огня!

Он молча взял меня за руку,
И я подумала: «Поэт!»
Он первый преподал науку
Влюбляться в тех, кого уж нет.

И, пыль столетий с фотографий
Смахнув, мы постигали вслух
В щемящей грусти эпитафий
Поэзии бессмертной дух.

Мне пригодилась та наука —
Да будет проклята она! —
Ведь я на грани смертной муки
Не раз бывала влюблена.

Так безоглядно, безответно,
Закусывая губы в кровь...
Всё уходящее бессмертным
Способна сделать лишь любовь!

* * *

Не Самара, не Саранск,
Не Москва, не Абакан —
Снится мне ночами Канск,
Что стоит на речке Кан.

Снится Канск, ветрами битый
Так и эдак, там и тут.
Снится Канск незначительный,
Ссылно-каторжный — забытый
В глубине сибирских руд.

Провидением хранимый
Город, мне принесший в дар
Ту фамилию, что имя
Пожирает, как пожар.

Знать, недаром, знать, недаром,
Обретённый мной в боях,
Высверк этого пожара
Проступает на стихах.

...Снится, снится, снится, снится...
То ничья ни в чём вина!
Отдарится, отдалится
Золотая сторона.

* * *

Там, где вставали в полный рост хлеба,
И где полынь мешалась с лебедой,
Дышали страстно почва и судьба...
...Но почвовед не стал моей судьбой!

Он говорил: «Мужчина должен знать
Ту землю, на которой он рождён...»
А я мечтала в небесах летать,
Поскольку на земле впадала в сон.

Летать, не зарекаясь от сумы.
И петь — чем безысходней, тем звончей.
Ну, как могли понять друг друга мы?
Мы стрекоза и хмурый муравей!

Он говорил: «Какой забавный бред!
От печки до порога — женский путь!..»
Мой почвовед, мой милый почвовед,
Простишь ли ты меня когда-нибудь?

Я этот путь с годами обжила...
Ах, кабы раньше, кабы раньше знать!
Я б виноватой тучкой притекла
К земле, какую нам не выбирать.

Пропела жизнь — такие-то дела.
Немного сумела рассказать.
Судьбой, что в почву намертво вросла,
Способна ль стать рождённая летать?

Я обожаю росные поля
И уважаю грозные леса...
Для бренности сгодится и земля,
Но почва для поэта — небеса.

Пусть этот мой неукротимый бред
Когда-нибудь в земной заляжет пласт.
И новый в жизнь влюблённый почвовед
За все мои терзания воздаст.

* * *

Тот сказ до сих пор не прочитан.
Задвинут на пыльную полку.
Пунцовый от гнева очиток
Роняет соцветья-осколки.

Осеннее детище солнца,
Он солнцем не шибко заласкан.
И всё ж над уныньем смеётся
Обносками мантии царской.

Сиротство октябрьской картины
Озябшую душу не греет...
И только очитка куртины
На сером вовсю пламенеют.

«Скрипун» — его бабки окликнут.
Капустою зайцы считают.
Прохожие старцы-калики
Очиток в суму собирают.

Далече ли путь они держат?
 В кровь сбиты усталые ножи.
 По древней бредут, мимоезжей —
 По Муромской стёжке-дорожке.

Туда, где на печке, могутный,
 Лежит богатырь небывалый...
 России, растерзанной смутой,
 Такого давно не хватало!

В кровь ноги усталые сбиты
 Несущих свой груз сокровенный.
 Насколько чудотворен очиток —
 Настолько неприкосновенен!

Заваренный с крепкой молитвой,
 Очистит от зла-окаянства —
 Боярин ли будь родовитый,
 Крестьянин ли будь безымянный.

Пока ещё незнаменитый,
 Лежит, обезножен, на печке.
 А выпьет отвар из очитка —
 Встряхнёт богатырские плечи.

Сверкнёт боевой булавою,
 Пойдёт с лютым недругом драться...
 И будет всей Русью Святою
 Илюшею Муромцем зваться.

Блинный дух и дух былинный
 Поизветрились Постом...
 Раскалённая калина
 Кровянеет под окном.

Раскалилась, словно печка,
 Всласть отведавшая дров.
 Бабка Настя теплит свечку,
 Взгляд серьёзен и суров.

Свежей сдобой тянет сладко.
 Скоро Пасха. По ночам
 Непоклонистая бабка
 Бьёт поклоны куличам.

На муку слегка подует.
 Бухнет масла дюжий ком.
 И колдует, и волхвует,
 И орудует пестом.

На пасхальной на неделе
 Не из нашей ли печи
 Куличи в трубу летели,
 Золотые куличи?

...С бабой Настею не спорьте,
 Хоть она добра на вид.
 «Масло пёчи́ва не портит!» —
 Баба Настя говорит.

Из печи кулич достанет.
Цыкнет: «Рученьки уйми!»
И, возрадуясь устами,
Опечалится очми.

Ах, как пахнут сладко-сладко
Золотые куличи...
Что ж печалуется бабка,
Пригорюнясь у печи?..

Почему она печальна,
Если с самого утра
Благолепно-величально
Льют елей колокола?..

Не с того ли, что былинный
Дом вот-вот пойдёт на слом?..
...Сгустки ягоды калины
Кровянеют под окном.

* * *

Спеша из ниоткуда в никуда,
И увозя с собой чужие жданки,
Встречаются ночные поезда
На Богом позабытом полустанке.

Два фирменных, два скорых, вдаль спешат...
И встретятся ль ещё на свете белом?

Лишь две минутки рядом постоят
Под семафорным бдительным прицелом.

Покуда пассажиры крепко спят,
Наговорившись и напившись чаю,
Ночные поезда стрелой летят,
И время, и пространство побеждая.

Я выйду в тамбур, молча закурю.
И задохнусь от приступа бессилья.
Вот так однажды и любовь мою
И время, и пространство победили!

Прижмусь к стеклу разгорячённым лбом
У сумрачной эпохи на излёте.
И взгляд, что до озноба мне знаком
Поймаю вдруг в окне купе напротив.

Сорвётся с губ произвольный вскрик,
Сигналом тепловоза заглушаем...
И тронутся составы в этот миг,
И мы навек друг друга потеряем...

И заметёт мой путь усталый снег
На роковом последнем повороте,
В пространстве русском растворясь навек
У сумрачной эпохи на излёте.

Медной горы хозяйка!
Где же твоя гора?
Или ты просто зазнайка
И поумнеть пора?

Где твой Данила-мастер?
Каменный где цветок?
Эвон, какие страсти
Бьются тебе в висок!

Жить бы, не беспокоясь,
Не замечать обид...
Где он, твой Каменный пояс?
Что ж он тебя не хранит?

Мерцают твои самоцветы
Тысячи долгих лет...
Чёрт догадал поэтом
Родиться на Божий свет!

И самоцветные фразы
Разбрасывать напоказ...
Светятся хризопразы
Лунных усталых глаз.

Слёзы в камень отлиты...
Знает о том одна
Чара из чароита,
Выпитая до дна.

Событий смутных нам темно значенье,
Но Судный день грядёт:
Исполнится библейское реченье,
И гада гад пожрёт.

И, не суля безоблачного рая,
К нам наконец,
Овец от злобных козлиц отделяя,
Придёт Творец.

Господь придёт пожар лечить потопом,
И — ной, не ной! — библейский ладь ковчег.
На скорбном стыке Азии с Европой
Ты призван свыше, русский человек!

Пусть неоглядна матушка-Расея —
Пожар, потоп, поклёп, сума, тюрьма...
Но даже на семи ветрах Рифея
Живи, не выживая из ума!

Живи — от Бога в вековечном шаге,
Что одолел за несколько минут!..
...Пусть вострубит пикирующий ангел,
Призвав земное на небесный суд.

* * *

Вновь одна на пристани стою.
Вслед смотрю большому кораблю...
Неужели ты меня покинул?
Неужели я тебя люблю?

Солнце вновь встречается с луной.
Чайки парой кружат надо мной.
И волна целуется с причалом...
Ну а мне доколе быть одной?

Подо мной качается причал...
Ну, отколе эта грусть-печаль?
И доколе вслед волной влачиться?..
Милый ничего не обещал!

Ну, доколе, Коля-Николай?!
Сиди дома, Коля, не гуляй!
Посажался на корабль мой Коля.
«Лихом, — говорит, — не поминай!»

* * *

Здесь время течёт иначе.
Здесь суетное не в счёт...
Под окнами старой дачи
Крапива всюю цветёт.

Цветёт, не ведая скуки,
С повадками злой снохи.

И, словно к бабуле внуки,
К земле льнут лопухи.

Здесь время течёт, как Крымза
Несуетная течёт...
А то, что свекровку гримзой
Здесь кличет сноха, не в счёт!

Не в счёт, что сноха сварлива.
Крапивный у сношки нрав.
Уварится в щах крапива,
Судьбою-едьбою став.

Здесь времени и пространства
Навек неразрывна связь...
Твоим тридевятым царством
Отверженным становясь.

* * *

Собирай, зима, котомку
Ледяных напрасных слёз!
Трясогузку-ледоломку
На хвосте журавль принёс.

И, верна своей привычке
Быть первой в деле том,
Эта птичка-невеличка
Разбивает лёд хвостом.

В поднебесье не летает,
Но усердием её
Лёд, сковавший сердце, стает
И стечёт в небытиё.

Припасла для всех подарки,
Несмотря на суету:
Юной яблоньке-дикарке —
Подвенечную фату.

Речке-старице — свиданье
Со стремниной молодой.
Иве-брошенке — страданья
Над высокою водой.

Снежной бабе-несложёнке —
Солнечной любви оскал..
...Всё, что мне, дрянной девчонке,
Ты когда-то обещал.

* * *

Если от горя народ обезножен —
Прялку под лавку, шашку — из ножен.
Свистнешь — и конь пред тобою — огонь!
И под копытом ковыль одолонь.

Не богатыршей-микулишной вроде
Кличут тебя, величают в народе —

Дочка, сестрица, супружница, мать...
Статочно ль прялку на шашку менять?

Слышко, по пьяни куражатся: «Ухнем!» —
Богатыри по пивнухам и кухням?..
Всё о Руси неустанно радеют —
То похмеляются, то фанатеют.

Ну, проявила бы бабью смекалку
Да поменяла бы прялку на скалку.
Скалкой сподручнее — так твою мать! —
Богатырей в честный бой подымать!

Ой, поменяла бы!.. Только вот жалость:
Богатырей-то почти не осталось!
Надо нам, бабоньки, вот о чём речь,
Богатырей на племя поберечь!..

Али мы, бабоньки-девоньки-сёстры,
Лишь на язык боевиты да востры?..
Аль богатырски у нас не крепка
И прикипела лишь к скалке рука?

Не осудите, родимые, строго!
Да пожелайте удачи в дорогу,
Ведь унывать нам никак не годится,
Матушка-шашка да прялка-сестрица!

* * *

Царевщина, примай-ка на постой!..
 Ведь я готова гостевать по-царски.
 Здесь зелень проросла сквозь сухостой
 И русский клён не побеждён канадским.

Горящая багрянцем октября,
 Горчащая рябиновою гроздью,
 Царевщина-царевишна моя,
 Почто зарделась в царском взоре грозном?..

Ай ты гостям не рада? Не лукавь!..
 Они ль не покуражились на славу?
 И листьев позолоченная ржавь
 Навек сроднилась с отсветом кровавым...

Здесь вьюги — дебютантки декабря
 И февраля шальные фаворитки —
 Имперские подарят соболя
 Тебе, допрежь обобранной до нитки.

Здесь сквозь века обнимет речка Сок
 Сокольных гор воздушную громаду.
 И небосвод пронзительно высок:
 Взмахни крылом и — обожжёшься взглядом.

Здесь я пою с ветрами в унисон,
 Учусь у них быть вьюгой и подругой.
 ...И в небо, словно сокол, вознесён
 Царёв Курган, парящий над округой.

* * *

«Рус...» — читаю нынче на заборе.
 Время удивляться, не шутя.
 Помнится, писали тут другое,
 Три весёлых буквы приплетя.

Нынче вспоминается с улыбкой,
 Как в кратчайшем из возможных слов
 Ухитрялся допустить ошибку
 Некий вольнодумец-острослов.

Нынче все мы вроде вольнодумцы.
 И на всё у нас готов ответ.
 Скажешь: «Русь» — тебе в лицо смеются,
 Словно слова неприличней нет.

Мы не то чтобы умом не вышли,
 Но живём-то, братцы, снова!
 От избытку чувств-с порою пишем
 На заборе всякие слова.

Вроде никого не порицая,
 «Русский» написать пыталась ты.
 Тут же подоспели полицаи,
 Извиняюсь, бывшие менты.

Всю Россию превратив в казарму,
 Наводя кладбищенский уют,
 Хорошо, ещё хоть не жандармы
 Нам урок грамматики дают.

* * *

*...Я усталым таким ещё не был...***Есенин**

Ты любимым таким ещё не был...
И не будешь! Уж ты мне поверь!
Не с того ли сбежавший с неба
Ветер воет, как раненый зверь?..

Он не меньше любви был достоин
И в боях за любовь изнемог...
Неотмирный небесный воин,
Ставший пылью земных дорог.

Ветрозвонит январь, ветрозвонит.
С ветром спорить резону нет.
Не склонившись ни разу в поклоне,
Лишь поэтому он — поэт!

Но, лишившись навек покоя,
Так любви страстно жаждал он,
Что, когда повстречался с луною,
Ей отвесил земной поклон.

...Все мы, все мы любви достойны,
И у каждого — свой кумир...
Не с того ль сотрясают войны
Наш подлунный жестокий мир?..

Не с того ли, мой друг, не с того ли,
Близко родственные ветрам,
Мы так страстно мечтаем о воле,
Что покой только снится нам?..

* * *

Пью за здоровье бывших мужей!..
Здравы будьте, мужья мои милые!
Опьяняйтесь свободой своей,
Жизнь любите с удвоенной силою!

Никого и ни в чём не вина,
В женских душах блистательно властвуйте!..
Ну а что не любили меня —
И за это, мужья, благодарствуйте!

И за это, и даже за то,
Что в своей поэтической удали,
Вы, как видимо, больше никто
Юность с вечностью намертво спутали.

Не ищите такую нигде —
Во хрустальном гробу почивавшую,
Выживавшую в мёртвой воде,
Из трубы на метле вылетававшую.

Убедившую — путь ваш высок!..
Обманувшую всех и минувшую...
...Всех созвавшую на огонёк —
Лёгким дымом в трубу улизувавшую.

ПОСВЯЩЕНИЕ НА КНИГЕ

Пускай переживают нас
 Нас вдохновлявшие мужчины,
 Которых видеть без прикрас
 Не признавали мы причины.

Какою — Боже мой! — была
 Непроходимую я дурой,
 Что до небес превознесла
 Тебя, мой демон белокурый!

Тебя, ушедший в злую ночь
 В обнимку с одичалой вьюгой...
 Сумевший вьюгу превозмочь,
 Не назовёт её подругой.

...Но разве мог быть не любим
 Хотя бы на одно мгновенье —
 Лобзаньем пламенным своим
 В меня вдохнувший вдохновенье?!

* * *

Я запомню себя в заповедном забывчивом
 мае,
 Где никак меня звать, где ещё я никто и ничто,
 Где собака не лает, рябина косою не играет,
 Где плетусь я понуро с тетрадью стихов
 на лито.

А собаки притихли в форштадтских резных
 палисадах,
 И прижухли рябины, грядущую чуя беду...
 Говорила мне мама: «Оно тебе, доченька, надо?..»
 Не послушала маму, не ведая, что на Голгофу иду.

Говорила мне мама с глухим материнским
 укором:
 «Что стихи? Суший вздор!.. Ты в торговый бы
 шла институт...»
 Только что я могла, коль, докучнее всех ухажёров,
 Всюду-всюду меня карауля, стихи начеку —
 тут как тут?..

Я направо пойду — обжигаюсь молвою
 досужей.
 А налево сверну — ухажёров назойливых рать...
 Ну а мне-то, а мне-то всего только в жизни
 и нужно —
 То, что вздором считают, в тетрадь поскорей
 записать.

Пусть мутузят друг друга, отвергнуты мной,
 ухажёры.
 Пусть не сходит с лица моей ласковой мамы
 укор...
 Ну а мне бы укрыться от всех за высоким
 форштадтским забором
 И нести, и нести, и нести восхитительный вздор!

Отцветут по форштадтским резным палисадам
рябины,
Напитаются гроздьё голгофскою кровью
Христа.
И зажгутся на ветках воскресших созвездий
рубины,
Чтоб до первых морозов у смертных горчить
на устах.

«Эко я, как рябину, судьбину свою обломала!..
Ведь без вздора теперь не прожить мне ни часу,
ни дня...»
Но пока я слова для стихов, как рубины рябин,
подбирала,
Беспощадное вещее Слово прицельно стреляло
в меня.

Заповедный забывчивый май, твою заповедь
я не забуду!..
Хоть уже никогда ни за что не сумею вернуть
Тот единственный, жуткий, подобный
Голгофскому чуду,
Тот прекрасный, лучистый, тернистый,
изменчивый путь!
Нет в помине уже тех форштадтских резных
палисадов.
Нету мамы давно... Но всё слышится, словно
в бреду:

«Что стихи? Суший вздор! А оно тебе, доченька,
надо?..»
...Не послушала маму и вот на Голгофу иду.

Сколько ж можно идти, непутёвая мамина дочка?..
Говорила же мама!.. Её не послушала я.
...Написала не я золотые заветные строчки —
Это сами они написали и переписали меня.

* * *

Сладкими восславленная снами,
Проклятая трижды наяву,
Полыхнёт — о, если б куполами! —
Сторона, что отчиной зову.

Полыхнёт — от края и до края!
Кабы знать — рассвет ли то? Закат?
Угли ада или розы рая
В небесах над отчиной горят?

Поцелуй Авроры розоперстой
Воспевала я сама не раз,
Позабыв: Аврора — это крейсер!
Только так заведено у нас!

Только так — от залпа и до залпа.
От одной Авроры до другой!
Только так у нас, привыкших залпом
Пить за здоровье и за упокой.

Расцветай, Аврора, розой райской,
 Адовым угольем небо жги.
 Ведь чем дальше в нашей русской сказке,
 Тем страшней и не видать ни зги!

Пусть в кровавом роковом узоре
 Через сутемь брэнной суеты
 Встанут зори в пламенном уборе,
 Обагрив на куполах кресты.

* * *

Россия, Русь... А дальше многоточие...
 Что ж, в этот скорбный судьбоносный век
 Обочину мы приняли за отчину
 И побрели по ней и в дождь, и в снег.

Мы люди Божие, калики переходные.
 Мы эмигранты в собственной стране...
 Но как ни тщились, нас не изничтожили
 Все те, кто мимо мчались на коне.

Все те, кто напылили-накопытили.
 Все те, кому чертовски повезло.
 Все те, кто записались в небожители
 Родной земле отверженной назло...

...Под вопли автострадные-эстрадные,
 Летящие в лицо нам пыль и грязь,

Идём-бредём пообочь, невозвратные,
 На купола церквей перекрестясь.

И нам не надо с отчиной сцепления
 Шипами оцетинившихся шин,
 Когда у ног почти в благоговении
 О вечном шепчет скорбная полынь.

* * *

Небритый неприкаянный уставший
 Опальный выдающийся поэт!
 Забудь про наш, давно дуэлью ставший,
 Трагический и творческий дуэт.

Ты снова приволок букет претензий,
 Не в силах суету сует избыть.
 А мог бы — мог бы! — мне букет гортензий
 Хотя бы напоследок подарить!

Не мне клонить голову повинно долу.
 Лелеять не тебе глухой укор,
 Ведь всяк поэт своё выводит соло
 Из зябкого забвенья на простор.

Когда звучат стихи, стихают звуки
 Житейской неизбежной суеты...
 ...Подаждь нам днесь возвышенные муки
 Позволивший нам звать Себя на Ты!

* * *

Спой обо мне, обманутая Тоска!..
 А я, так и не понята никем,
 Вздохнув, запью печаль шампанским Боска
 За неимением шато-икем.

Не то чтоб вдруг. Не то чтобы некстати.
 Не то чтобы надрыв или надлом.
 Не то чтоб я продрогла от проклятий.
 Не то чтобы вся жизнь пошла на слом.

Не то чтоб мне сегодня было плохо...
 Сегодня мне, пожалуй, всё равно!
 Мерцает недопитая эпоха,
 И не таковских утянув на дно.

Не то чтоб потаскухой обозвали...
 Не то чтоб в этом не моя вина:
 Потосковав наедине с бокалом,
 В холодную постель ложусь одна.

Не то чтоб стервой оказалась слава.
 Не то чтоб прикурить не дал никто.
 Не то чтоб у вина видок кровавый...
 Не то, не то, не то, не то, не то!..

А просто дерзкой юности обноски
 Вдруг стали обветшалы и тесны...
 Не пьешь — так пой, обманутая Тоска,
 В объятиях несбыточной весны!

* * *

Караван-Сарайская — не райская!
 Улочка горбата и крива.
 Но цветут на ней сирени майские —
 Так цветут, что кругом голова!

А неподалёку Растаковская
 (Баба Настя так её звала) —
 Улица с названьем Казаковская
 Муравой-травую поросла.

Так живут — без лести, без испуга! —
 Приговорены, обречены,
 Улочки, что в центре Оренбурга
 Детские досматривают сны.

Им не привыкать! Иль это снится мне:
 Жили-выживали, кто как мог,
 Хлопавшие ставнями-ресницами
 На ветрах неласковых эпох?..

...Дерзости училась я у робких
 Улочек, знакомых наизусть...
 Железобетонные коробки
 Вытесняют из России Русь.

Сторона моя обетованная —
 Оренбуржье! Всё ты тут, как есть!
 Дремлющая Азия саманная
 И казачья яростная спесь.

Дом аспиранта МГУ.
А в просторечье — ДАС.
Хочу забыть, но не могу
Таких счастливых нас.

Таких несчастных нас с тобой
Я не могу забыть.
Ту обречённую любовь
Доселе не забыть.

Сквозь мутный гласности поток,
Сквозь плюрализма взвесь,
Демократизма едкий смог,
Сепаратизма спесь.

«Дас ист совковая страна!..» —
Нам не твердил немой.
Но на хрена нам, на хрена
Любви стесняться той —

К вдвойне обманутой войной,
Оболганной втройне,
К той ошельмованной родной
Растерзанной стране?..

...Сухой закон. Мы пьём вино,
Не чувствуя вины,
Так непростительно юны,
Так страстно влюблены!

На царской мантии зимы
Проталин вешних грязь...
Смущают юные умы
Равно и князь, и мразь.

Радеют рьяно за народ —
Не разберёт никто —
Искарיות ли? Патриот?
Иль просто хрен в пальто?..

Нам гласность не нужна с тобой!
Хотя сюжет не нов,
Но наша юная любовь
Красноречивей слов!

Не нужен суверенитет,
Сепаратизма хлам,
Ведь жизни нет и смерти нет
Поодиночке нам!

Покуда пьём с тобой вино,
Не чувствуя вины,
Сжимается спираль Бруно
На шее у страны.

Пускай обманута страна —
В том не её вина!..
Пусть в магазинах ни хрена,
Зато в душе — весна!

Пока ещё ты славой не заласкан,
Хотя уже, похоже, взят в прицел,
Несмешливо возьму тебя за лацкан,
Покуда высоко не улетел.

На лацкане медаль лауреата
Соперничает с розою любви...
Соседство их не то чтобы приятно,
Но устоял хоть кто-то? Назови!

Из тех, кто славой искушён-услышан,
Никто не озаботился всерьёз,
Что на пути, какой суждён нам свыше,
Шипов куда поболее, чем роз.

Твой путь-высок ведёт тебя далече.
Огонь и воду ты перепластал.
Но предстоит она — со славой встреча
И медных труб обманный драгметалл.

Драк и метаний истинным итогом
Да будет вдохновения полёт!
Лишь этим оправдаемся пред Богом,
Который всё простит и всё поймёт.

Да как же это, как же это вышло —
Что ты, который Богу присягал,
Превыше Бога и превыше ближних
Вдруг возлюбил Интернационал?..

Бескрайняя Сибирь лежит под снегом.
Метель надрывно стонет, плачя...
Пробьётся ссыльно-каторжным побегом
Цветущая империя твоя.

Хоть слышится порой в метельном плаче
Печальный зов отвергнутой зурны,
Побег твой обречён был на удачу —
Победное цветение весны!

Железный Коба! Ты сражён печалью,
Про все невзгоды зная наперёд...
Железо, чтобы стать поющей сталью,
Должно пройти сквозь пламень и сквозь лёд.

Знать, Бог судил — и никуда не деться! —
В плену провалов, ссылок, неудач
Суметь постичь стальным кавказским сердцем
Метелей русских горький бабий плач.

* * *

Я узнаю твой знаменитый зной...
Ты не забыл, что я тебе родная?
Но ты, такой красивый и чужой,
Глядишь в упор, своих не узнавая.

— Диана Кан, какой же ты поэт?
Разбойница, драчунья и бандитка!
— А ты, хоть и моднее стал одет,
Не городок, а сто рублей убытка!

А если так, то нечего в упор
Смотреть на то, как я вернулась в детство,
Где был мне тесен душный твой простор,
Где зной знобил доверчивое сердце.

Не здесь ли — послушание само! —
Я постигала септаккорды-гаммы?
Здесь мной разбито не одно окно
И спичек уворовано у мамы!

...Ответь же мне без горестных надсад —
И более я не задам вопросов! —
Куда ты подевал Татарский сад —
Отчизну лучших в мире абрикосов?

Там спелых яблок восковая спесь
Не раз подверглась моему набегу.
Там на любое дерево залезть
Умела я с хорошего разбега...

Ты это всё на новенький проспект
Сменял, чтоб стать как щёголь
на картинке?..

...Мой древний город, дервиш и поэт,
Не мне судить тебя, твоей кровинке!

В полночной луноликой тишине
Дожить бы, дотянуть бы до рассвета!..
От щедрых предков перепало мне
Лишь это огнедышащее лето.

* * *

Над рюмками взлетевшая бутылка
Свой соколиный совершит полёт...
Собрат-поэт, ты жив ещё, курилка?
О суетном забудь, оно пройдёт.

Не нам считаться шрамами и раны
Не нам и не сегодня беречь...
Но после первой рюмки всё же рано
На пару трубку мира закурить!

Не курится — хоть тресни! — трубка мира.
Знать, не о том не так мы говорим.
Пускай решит изменчивая лира,
Кому быть первым, а кому — вторым.

Кончай рыдать и хоронить Россию!..
Мы все у Бога в праведной горсти.

И красною писательскою ксивой,
Как белым флагом, перестань трясти!

Ну, по второй? А то всё ноешь, ноешь...
Ну что, дружок, поделаешь с тобой?
Коль в бой пойду, ведь даже не прикроешь,
А будешь маркитанить за спиной!

По третьей намахнём и — распостимся...
Не по пути поэтам завсегда.
Моё, тобою проклятое, имя
Пускай тебя согреет в холода

Не мутною брагулькой на досуге —
Настоенном на родственной крови,
Смакуемым под причитанья вьюги,
Вином братоубийственной любви.

* * *

Ты, кого я высотой окрыляла,
Далью манила, дразнила, влекла...
Ты, для кого я однажды упала
В мир, где царила полночная мгла.

Ты, для кого я сквозь сумрак окрестный
В вечность сбежала строптивой водой,
Не уловима тщетою телесной,
Не побеждаема смутой мирской.

Ты, для кого я себя созидала —
Жгла, леденила, сводила с ума.
Даже глагольною рифмою стала,
А ведь была от рожденья нема!..

Ты, в небеса выводящий из комы
Души несчастных собратьев моих,
Вечно и всюду исконно искомый —
Несокрушимый классический стих!

* * *

Январской вьюги чувственные стоны.
Разбитого окна сквозной оскал.
Вновь вовремя явилась только полночь.
А ты опять — ты снова! — опоздал.

И не надеясь, видимо, на чудо,
(А ведь оно бывает иногда!)
Услышать предпочёл: «Иди отсюда!» —
Хоть прозвучало: «Идиот, сюда!»

Я не просила твоего вниманья
Вдали от злой насмешницы-мечты —
В том городке, которого название
И не пытался выговорить ты.

Однажды попытался и — запутался...
Чуть не сломал язык, махнул рукой...
И — прочь побрёл ухабистой улицей
По городку над Волгою-рекой.

По городку, что местными хабалками
В дым обкумарен смрадом сигарет.
По городку, где фонари фингалами
Веками зверовато смотрят вслед.

По городку, где вьюжная метелица
Вскипает в подворотнях, как змея...
По городку, где очень слабо верится
В небесный смысл земного бытия.

По городку, где в списках ты не значишься
И значиться не будешь никогда...
...И городок вослед тебе тарашится
Окном, разбитым вдрызг и навсегда.

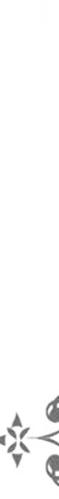
* * *

...Морская канула в моря...
Цветаева

Кровавые рябины справа.
Плакучие берёзы слева.
Твердят: «Марина, Вы не правы!»
Тебе, Марина-королева!

Пеннорождённая морская —
В стихии тесной пресноводной
Обречена была такая
На смерть, чтоб снова стать свободной!

Ты канула... О, если б в море!
Прощай, прикамское приволье!
Но это горе — всё ж не горе,
Лирическое своеволье!

Не горе, что не пожелала
Дурной эпохе стать служанкой.
А горе, горе, что не стала
Елабужанкой и волжанкой.

А горе то, что не воспела —
Как только б ты сумела! — Волгу
За всех, кто за избытком дела
Века ей верен втихомолку.

Неизречённые напевы
Шального волжского прибора,
Отвергнутая королева,
Ты унесла навек с собою.

* * *

Ты долго по миру блукал,
Всемирности русской заложник.
Среди иноземных лекал
Себя отыскать невозможно!

Ты счастья отнюдь не просил.
Ты классика принял на веру,
Который не раз говорил,
Что счастье — земная химера.

Что все мы под небом седым,
Где ветры вселенские свищут?..
Невольно о воле скорбим.
Покой, беспокойные, ищем.

Выходим один на один
С пропахшим степями култуком...
Но — вал повернёт баргузин,
Нам став и собратом, и другом!

...Ты все так долго искал
Покоя. Созвучья. Участья...
...Россия. Распутин. Байкал...
Ну что ещё надо для счастья?

* * *

Кто мы? Что мы? С кем мы? Где мы?
Как нам жить и быть теперь?..
Белокурый юный демон
Кофе мне принёс в постель.

Всё случившееся — в силе.
Всё у нас не как у всех:
Всю-то ночь проговорили
О стихах — и смех, и грех!

Нда, неладно что-то с нами...
Впрочем, может, хорошо:
Так мы увлеклись стихами,
До греха и не дошло!

Я, наверное, жестока.
Но не более, чем он.
Я люблю Сапфо и Блока,
Он — в Есенина влюблён.

Среди классиков не тесно
Нам — совсем наоборот!
Разобраться бы с небесным,
А земное подождёт!

* * *

На кобылу всадницу променяв
(Знать, в кобылах ты знаешь толк!),
Ты забудь, забудь про меня
И про то, как ты одинок.

Увлекайся, по скачкам ходи.
Ведь бывает спасительной ложь!
А мечту схорони в груди —
Не тревожь её, не тревожь!

Никого в случившемся не вина,
Не вступай в смертельную эту игру.
Позабудь прищпорившую коня,
А люби кобылу гнедую Фру-Фру.

Тёплой мордой ткнётся в твоё плечо
(Много ль надо расставшемуся с мечтой?)...
Ты целуй, целуй её горячо,
Как не смел меня целовать, друг мой!

* * *

Улица сутулится под ветром.
Горбится под ливнем старый мост...
Ну а я бегу, считая метры
До того, что невзначай сбылось.

Зонт мой нераскрывшийся, что дальше?
Я не пожалею ни о чём,
Вымокнув под самым настоящим,
Самым майским проливным дождём.

Друг, меня предавший, ну и как ты?
Не печалься, что продешевил!
Нынче у меня достанет такта
Сделать вид, что ты меня простил!

Рыжий, словно око светофора,
Кот, глядящий ночью в лица звёзд,
Привязался, чтоб отстать нескоро —
Прихвостень, бродяга и прохвост!

...На сыром ветру роняя блёстки
Всем случайным-неслучайным вслед,
Ты дождись меня на перекрёстке,
Долгожданный мой зелёный свет!

* * *

Пуглив и странен, диковат и тих,
До времени державшийся в сторонке,
Меня подкараулит мой же стих,
Похож на нежеланного ребёнка.

В какой такой сторонке он возрос?
На стороне возрос... Моей родимой!
И сколько пролил безутешных слёз,
Покуда мать фланировала мимо!

Переживая бедствие моих
Лирических любовных отступлений,
Эпических реваншей жаждет стих —
Дитя моих спонтанных вдохновений.

Напрасный труд — надеяться и ждать,
Пока мамаша в небесах витает.
Увы, не повезло тебе на мать,
Но дети матерей не выбирают!

Что матерная ласка — сторона,
Ты пообвыкся на родной сторонке.
Как поживаешь, милый?.. Тишина
В ответ звучит заносчиво и звонко.

* * *

Ныне и присно уже не приснится
(Разве во веки веков!)
Волга — усталая синяя птица,
Дочь голубых родников.

Ты ль не поила шальных атаманов?
Ты ль не топила княжон?
Не над тобой ли, от удали пьяной,
Царский штандарт водружён?

Так отчего же ты больше не вхожа
В странные песни мои?..
Азия, чёрная птица, итожит
Душу-добычу в крови.

...С чувством меня научившие, с толком
И с расстановкою петь,
Средняя Азия, Средняя Волга,
Встретимся ль, милые, впредь?

Да и какие вы средние, право,
Ежели не налегке
Насмерть форпостами русской державы
Встали в судьбе и строке?

И — рассчитались со мною сторицей...
Что ж, запевай «Бисмилля!»,
Окровавлённая хищная птица —
Азия, песня моя!

* * *

Велика кобыла — воду возит...
Сокол мал, но не тягаться с ним!
Срок настанет — сокол грянет оземь
И предстанет суженым твоим.

Он тебе напомнит, что когда-то,
Покидая свой небесный дом,
Ты была беспечна и крылата,
И негоже забывать о том!

Что ты в оправдание ответишь,
Суется попутно у печи?
Так, мол, вышло: народились дети.
Ну а муж? Ищи его — свищи!

Да, была беспечна... Только печку
Ты никак не вправе укорять
Ни единым суетным словечком:
Не свекровь она — родная мать!

До всего всегда ей было дело.
Хоть пыхла сгоряча порой,
Всё же приютила и согрела,
Наделив насущною едой.

Ну а ты, хоть и кидалась оземь,
Вновь крылатой стать не довелось...
...И судьба-кобыла воду возит
На тебе, обиженной до слёз.

Всем ты в радость, и все тебе в тягость.
 Без вины виноватых прости!
 Ты ж моя ненагляда-загляда —
 Это зеркало явно не льстит!

Разбивай покорённые души.
 Рот змеиной усмешкой улыжь...
 Только золото звонких веснушек
 По ухабам чужим не рассыпь!

Сбереги для родного простора
 И веснушки свои, и грехи,
 И смешки, и словечки, что скоро —
 Скоро вызреют в чудо-стихи.

Что мне твой скоротечный румянец,
 Пламень губ, что сгорает дотла?..
 Что мне хохота протуберанец,
 Разбивающий вдрызг зеркала?..

В окруженье цветов белопенных
 Ты покида — никто и ничья,
 Сколь заглядчива — столь же мгновенна,
 Звездоокая юность моя!

* * *

Солнышки-подсолнушки.
 Солнышки-ромашки.
 Есть осколки солнышка
 В неказистой кашке.

Солнечные зайчики.
 Солнца половодье.
 Пижма, одуванчики,
 Облепили гроздь.

На моём оконышке,
 Почитай, всё лето
 Расцветает солнышко,
 Собрано в букеты.

Плодоносит солнышко,
 Ставшее вареньем.
 Свет его не тает
 Даже днём осенним.

Свет — оближешь пальчики! —
 Нынче к чаю подан
 Мёдом одуванчиков,
 Донниковым мёдом.

В чашке — не хотите ли? —
 Солнышко-ярило,
 Зимних чаепитий
 Ставшее мерилом.

* * *

Загулял, однако,
На шальном пиру
Калин-царь, собака!
Яндекс. Точка. Ру.

То ли от побоищ
Калин злобно рьян?
То ли от попоищ
Калин — гулеван?

Калина жесточе
Не было и нет:
Русь довёл до точки,
Чёрен белый свет!

Тягловую долю
Вервием леча,
Льёт потоки крови
Цвета кумача.

Льёт, не зная сыти,
Заливает свет...
И на челобитье —
Батожьё в ответ!..

...Тщится нашу драку
Превратить в игру

Интернет-собака.
Яндекс. Точка. Ру.

Но в стране восточной,
Стороне родной,
Усмехнувшись, точка
Станет запятой.

С этой запятою
Сгинем не зазря
Даже под пятою
Калина-царя.

За пятой, за пядью
Отчины-земли
Не чужие дяди —
Сродники легли.

Сумеречь да сутемь
Затевают спор...
Унывать не будем,
Русский наш топор!

В щак не уварился.
Строил лучше всех.
И не затупился
О чужой доспех!

Знай, скрипи своим оралом.
Знай, шурши своим пером
Между Волгой и Уралом,
Между Доном и Днепром.

Пусть меж Тигром и Евфратом
Вечно соловьи поют.
Нам с тобой туда не надо.
Мы с тобой сгодимся тут.

Утечёт рекой по древу
Серебро словес людских.
И степняцкие напевы
Укротят надменный стих.

А когда слова умолкнут,
Воцарится вновь покой
Меж Урал-рекой и Волгой,
Меж Днепром и Дон-рекой.

Потому что между речью
Свыше Господом дана
Православному наречью
Золотая тишина.

*Во всех ты, Душенька, нарядах
хороша...*

Богданович

Когда я, задыхаясь от бессилья,
В бреду кошмарном окунусь во тьму,
Ты мне приснишься, юная Россия,
Царевною в шатровом терему.

В сорочке из холстины белоснежной
И сарафана, сшитом по косой.
Склонённая над прялкою прилежно,
С тугою светло-русою косой.

Не модницей-кокеткой — Бога ради! —
Блистающей французским декольте.
И не на пролетарской баррикаде
С измятой прокламацией в руке.

Примерь расшитый вешними шелками
Прабабкин сарафан, моя душа!
И ты поймёшь: лукавили веками,
Что ты во всех нарядах хороша!

* * *

Старуха, сносившая тело дотла,
Из зеркала глянула строго...
И я отшатнулась: «Всё врут зеркала!
Стекляшки, противные Богу!..»

Стереть отраженье дрожащей рукой.
Разбить. Разметать. Занавесить.
Почто же гляжу с потаённой тоской
В него, почитай, уж лет десять?

Украдкой глотая скупую слезу,
Предвижу своё поражение...
За что ж на меня ядовитый свой зуб
Имеет моё отраженье?

Во мне ещё май лучезарный сквозит
И песнь соловьиная льётся,
Но злая старуха мне пальцем грозит
И молча беззубо смеётся.

* * *

Ракитов куст. Калинов мост.
Смородина-река.
Здесь так легко рукой до звёзд
Достать сквозь облака.

И — тишина... И лишь один
Здесь свищет средь ветвей
Разгульный одихмантьев сын
Разбойник-соловей.

Почто, не зная почему,
Ступив на зыбкий мост,
Вдруг ошетинился во тьму
Мой верный чёрный пес?

И ворон гаркнул в пустоту:
«Врага не проворонь!» —
Когда споткнулся на мосту
Мой богатырский конь.

Здесь мой рубеж последний врос
На долгие века.
...Ракитов куст. Калинов мост.
Смородина-река.

* * *

В кругу молчаливых монашек
Смирив горделивую грусть,
В букет монастырских ромашек
Лицом покаянно уткнусь.
Туманы. Дурманы. Обманы.
Вот мир, где познала я тьму.
«Отыди от мене, сатано!» —
При встрече отвечу ему.
Подумаешь, дело какое!
Устав от мирской суеты,
Душа возжелала покоя,
Как птицы хотят высоты.

* * *

Мне кажется, я где-то вас встречала,
Но где-то там, у самого начала.
Но где-то там, где губы пахнут мятой,
Где мы ещё ни в чём не виноваты.

Мне кажется, я вас уже любила...
Когда и где со мною это было?

Мне кажется, я вас уже теряла.
Одной меня вам оказалось мало.
Когда ушли вы, хлопнув дверью, в полночь,
Не прокляла и не звала на помощь.

Мне кажется, я вас давно простила...
Да мало ли, что в нашей жизни было?

* * *

Отзвенели знойные мониста.
Утекли раздольные шелка.
Я очнулась... Надо мною мглисто
Плыли грозовые облака.

В грозовые вслушиваясь стоны
И некстати улыбаясь, я
Кулаки раскрыла, как бутоны,
В предвкушенье смертного гвоздя.

Вылетая из темницы тела
Раненою ласточкой, душа
На ладонь Господнюю летела,
Крыльями разбитыми шурша.

Мне ль, достигшей возраста Христова,
Суету сует сжимать в горсти?
Время надевать венец терновый,
На Голгофу тяжкий крест нести.

* * *

Первый тост за бабушку Гугниху
Возгласит станичный атаман,
Прямо в глотку опрокинув лихо
Свой гранёный, словно штык, стакан.

За Гугниху на седом Яике
Пьют по первой испокон веков...
Кто не знает бабушки Гугнихи,
Тот не из яицких казаков!

Если нас по полю брани носит
С вострой шашкой на коне лихом
И подкова удалая косит
Поле, что засеяно свинцом,

Не рыданья жён, сестёр стенанья,
Слёзы помертвелых матерей —
Бабушки Гугнихи заклинанья
До степных небес дойдут скорей.

Сдержанно, торжественно и тихо
В небесах за правнуков своих
Хмурая, суровая Гугниха
Денно-нощно молит всех святых.

За Гугниху! И никак иначе
С лезвия клинка казаче пьёт,
Потому что вольный род казачий
От Гугнихи-бабушки идёт!

* * *

Растерзанная проклятая жизнь...
Неумолимая — моё настало время! —
Я усмехнулась: «Ну, теперь держись!» —
Как в омут, ногу окуная в стремя.

О, как бодрит и как ласкает слух
Неистовая музыка проклятий!
Коль надо выбирать одно из двух,
Я откажусь от ласковых объятий.

Змеится-тает вьюжная фата
И улетает с головы, как птица.
Холодной белой розою у рта
Цветёт мороз январский и искрится.

Редее корабельных сосен ряд
От ветра, раскалённого погоней.

Мои глаза раскосые горят,
Как блики от лампы на иконе.

Божественная мне открылась высь,
И небеса сменили гнев на милость...
Ты обо мне усерднее молись,
Чтоб и во сне тебе я не приснилась!

* * *

Одиночество — Ваше Высочество! —
Боже мой! Сколько зим, сколько лет!
Знать, сбылось родовое пророчество,
Шепотком шелестящее вслед.

Непутёвая я, непутёвая.
Неверна вам была, неверна.
Голова триумфально-садовая,
Ну, какая я, к чёрту, жена?

Мотыльком безоглядно влекомая
В стылый огонь распалюющих глаз...
Что-то очень до боли знакомое
В том, как вы усмехнулись сейчас.

Одиночество — Ваше Высочество! —
Мною преданы тысячу раз,
Вы ведите себя, как вам хочется...
Пусть все шепчутся, глядя на нас!

Пятый день я сама не своя.
Пятый день дует ветер с востока.
И шумят за окном тополя,
И плоды наливаются соком.

И — щемящая жалость и грусть
К тем, когда-то покинутым, людям...
И надежда на то, что — вернусь!
И уверенность — встречи не будет.

О, треклятое чувство вины
Перед городом нынешним этим,
Что не вхож в мои песни и сны,
Не любим, хоть согрел и приветил.

Как волчица — корми не корми! —
Неславянскими злыми глазами
В это небо в закатной крови
Пялюсь долгими вечерами.

И — ловлю настороженный взгляд
Милой русской и ласковой мамы...
Это ветер во всём виноват —
Душный, бешеный, страстный, упрямый.

Это снова, поддавшись ему,
Я себя ощущая приبلудной,
Разменявшей восточную тьму
На российские серые будни.

Рояль в лирическом миноре.
Бокал с отравленным вином.
Похожий на «мemento мори»
Угрюмый дождик за окном.

Доверившись осенней гамме,
Ужели созерцать не лень
Портрет дождя в оконной раме,
Привычным ставший третий день?

Смотреть, насупясь бровью чёрной,
На этот дождичек в четверг,
Безропотно и обречённо
Переходящий в слёзный снег.

Поморщившись, припадок гнева
Запить отравленным вином...
Всё больше сумрачного неба,
Всё меньше леса за окном!

Всё беспросветнее в природе.
Всё беспробуднее печаль.
Всё безысходнее исходит
Осенней гаммою рояль.

* * *

Прости-прощай, уездный город Эн!..
 Я уезжаю, но тебе взамен
 Я оставляю звук своих шагов
 И строки ненаписанных стихов.

Пусть тополя, облитые листвою,
 Что стерегли мой здешний непокой,
 Храня воспоминанье обо мне,
 Печально машут ветками в окне.

Мечтавшие со мною о любви
 Немые собеседники мои,
 Хранившие мой хрупкий уют —
 Они уже моей любви не ждут.

Не ждут они давно любви моей!..
 Ну, разве тот — всех выше и стройней,
 Что был случайно раннею весной
 Запечатлён фотографом со мной.

Как хорошо в обнимку рядом с ним
 Стояли мы под небом голубым!..
 Он — зеленью ветвей накрыв меня.
 Я — голову на грудь ему склоня.

Меня одну из тысяч местных дам
 Он узнавал по вкрадчивым шагам.
 Меня одну из русских поэтесс
 Он возносил в мечтаньях до небес.

Но пусть простят мне небеса его,
 Что замуж вышла я не за того...
 Что на Господних роковых весах
 Моя душа в нездешних небесах.

* * *

Полуодета, полуумыта и полунакрашена,
 Только-только с поезда сошед,
 Я стою под небом града вашего...
 Вас под этим небом больше нет!

Странный город, с детства мне обещанный,
 До сих пор не знавший обо мне,
 Жарко обнимает вашу женщину,
 В вашем не сгоревшую огне.

Здесь восток навек столкнулся с западом.
 Здесь восток навек не победил...
 Мне бежмя бежать отсюда надо бы!..
 Не хватает гордости и сил.

Мне бы жить под изумрудным куполом
 (Здешние уж больно золоты!)
 И читать стихи пропойцы мудрого,
 И, смеясь, загадывать мечты.

Мирно спите вы под боком жениным.
 Мне давно ночами не до сна:
 Подступает головокружение,
 И — земля становится тесна.

ФИКЕ

Принцесса Ангальт-Цербстская Фике,
Хвала тебе и честь тебе, и слава!
Надёжно в этой крошечной руке
Покоится российская держава.

Ты смотришь из имперского окна,
Не поведёшь надменной царской бровью,
Как бьют фонтаны красного вина
На площадях дурной голштинской кровью.

Пируют твои верные полки.
По всем церквам тебе поют «Осанны».
И по щелям забились пруссаки,
Как в Ропшинском трактире тараканы.

Любуются тобой издалека
Орлиные глаза Орловых-братьев...
Мундир Преображенского полка
Преображает пуще бальных платьев!

Хоть иногда и, вздрогнув на виске,
Забьётся жилка суетной любовью...
Ты плачешь, бесприданница Фике?
На всё теперь твоя монаршья воля!

* * *

Я подданная русских захоlustий.
И тем права пред Богом и людьми.
И приступаю провинциальной грусти
Моя любовь к Отечеству родни.

Пусть кажется кому-то экзотичной,
Как в зимний день июньская гроза,
Моя великорусская привычка
Прищуривать нерусские глаза.

Вдали от многолюдных перекрёстков
Постигла я на стылых сквозняках
Кровавый привкус русского вопроса
На опалённых временах губах.

Ладонь отвергла дедовскую шашку,
Но не снискала мира на земле...
Сгорает век томительно и тяжко.
Мои пути потеряны во мгле.

Лицо слезой кровавой умываю,
Впадая временами в забытьё.
Но ни на что вовек не променяю
Божественное подданство своё!

* * *

Золотая осень разбазарена.
Стоптаны сугробы февраля.
Обнажая дымные проталины,
Снова заневестилась земля.

Тишину прозрачную хрустальную
Нарушает огненный петух,
Что с утра горланит на проталине,
Радость жизни выражая вслух.

Отощала справная поленница...
Где бы дров на топку раздобыть?
Вишь, зима-завистница кобенится,
Всё никак не хочет уходить.

Шепчет мне на ухо речи-ласковы
Белая от ярости пурга —
То грозит, то сулит боярские
Чудо-горностаевы снега.

Но гляжу с улыбкой безучастною —
Ничего не жду ни от кого.
И угрозы, и посулы царские —
Всё смешно для сердца моего.

Прорву лучших вёсен схоронившая
В оскудевший русский чернозём,
Я на этом празднике не лишняя,
Осиянна красным петухом.

* * *

Дрожь понурых станционных клёнов.
Силуэт, мелькнувший у окна.
Вихрем убегающих вагонов
Девичья коса расплетена.

Тополя надломленная ветка.
В полумраке вздрогнувший вокзал.
Не пойму — начало это века
Иль его трагический финал?

Если это всё же не начало,
То откуда — девичья коса?..
Целое столетие умчало,
Век опередив на полчаса.

Словно это юность одиноко,
Гулкими колёсами звеня,
Странная, как Незнакомка Блока,
Унеслась, не взяв с собой меня.

* * *

Что не сплыло — былём поросло...
Не томимся. Не плачем. Не стонем.
И бывшее величье своё
Величаем «проклятым застоём».

Почему — объяснить не берусь! —
Ты смирилась с глухим беззаконьем?
И безмолвствуешь, гордая Русь,
Волочась под заморским оконьем.

Что ты им? Скучный вид из окна —
 Ни конца ему нету, ни края.
 Твои песни, твоя тишина —
 Всё зевоту у них вызывает.

Но воистину скорбно велик
 Молчаливый, лишённый стенанья,
 Законно-иконный твой лик,
 Искажённый улыбкой страданья.

* * *

Степь примеряет вешние ручки...
 Немудрено, что мне опять не спится,
 Волжаночки — подруженьки мои,
 Уралочки — родимые сестрицы!

Пестравочка, Сакмара, Кондурча,
 Кривуша, Орь, разбойница-Татьянка
 Спросонья недовольствуют, ворча,
 Разбужены весною спозаранку.

Довольно стыть в крещенском сладком сне!
 Мы сотой части песен не пропели.
 О, как звонкоголосы по весне
 Речушки, тихоструйные доселе!

Пусть наша песнь порой не дорога
 Российскому степному междуречью,
 Но всё ж его колючие снега
 Питают наше грешное наречье.

* * *

Переодеваюсь впопыхах
 В штопаное штапельное платье...
 Южный город на семи ветрах,
 Принимай меня в свои объятия!

Чтобы ты узнал меня верней,
 Я оделась по старинной моде
 Триумфальной юности своей,
 Что хранилась в стареньком комод.

Но, как нищий в худшее из зол,
 Нечленораздельное канюча,
 Мёртвой хваткой вцепишься в подол
 Яростной верблюжьёю колючкой.

Почему ж ты некогда отверг
 Всё, что с нами в молодости было,
 Где братались русский и узбек,
 Отворяя голубые жилы?

Мне шептавший о своей любви,
 Ты ли это — статный и везучий?..
 Поросли оазисы твои
 Цепкой пограничною колючкой.

* * *

И заглянула в мой бокал луна...
 «Я тоже — прошептала мне, — одна.
 А он, поверх всего прищунив глаз,
 Нам говорит про ранний Ренессанс...»
 Он всё твердит: «Вы нынче, ну и ну,
 Похожи на озябшую луну
 С полотен несравненного Россо...»
 А сам не смеет мне взглянуть в лицо.
 Он по-пиратски ест икру с ножа...
 Гардения в петлице так свежа!
 И на льняную скатерть на столе
 Изысканно пролито божоле.
 В моём бокале тонут две луны...
 «Мы обе — усмеваются, — хмельны,
 Но не согреют наших лунных глаз
 Ни божоле, ни пьяный Ренессанс».

* * *

Всё чаще, неизбежней и шальней
 Ты снишься мне, казацкая фуражка,
 Степное ржанье яйцких коней,
 Имперский посвист есаульской шашки.

Уже неважно, где чужой, где свой.
 И тот, и этот стали мне судьбою,
 России предстоит последний бой —
 Смертельный бой за жизнь с самой собою.

Заплакать бы над Родиной навзрыд,
 Завыть сквозь торжество хазарских луков.
 Глядит с портрета — плакать не велит
 Мой дед-казак Андрей Степаныч Струков.

Угрюмое наследие в крови,
 А всё ж дела мои не так уж плохи,
 Покуда говорю я о любви
 Моей в любовь не верящей эпохе!

* * *

Послушайте, юный послушник,
 Как грешное сердце стучит.
 Ужель вам в соборе не душно?
 Алтарь так несносно чадит!
 Отдайте мне сердце и руку.
 Пойдёмте гулять по кремлю...
 Какую-то новую муку
 Я в городе вашем терплю!
 Златые, со счёта сбиваясь,
 Считаю его купола.
 В Софийский бегу на акафист —
 Там свечи сгорают дотла.
 И, напрочь забыв об Иусе,
 Ловлю ваш рассеянный взгляд...
 И — чувствую, чувствую Русью
 Себя, как столетье назад.

* * *

Выпей, Моцарт! И вздохни свободно.
Ты устал от жизни... Так и быть!
Вот питьё, которое способно
Все страдания мира исцелить.

За талант и дружбу с уважением
Выпей, заглянув в зеркальный круг.
Чокнись со своим же отраженьем,
Чтоб от злости чокнулся твой друг.

Ледяным огнём в зрачках убийцы
Застывает жертвенная смерть...
Потому палач всегда боится
В зеркало открыто посмотреть.

Вот он разливает по стаканам
(Сам не хочет пригубить никак!)
Терпкое питьё аква-тоффана.
На поверку попросту — мышьяк.

В сокровенной зависти неистов,
Словно флейта, сладко голосист,
Он из кургуазных сальеристов
Самый ядовитый сальерист.

По ночам надрывным воем волка
Сатане платить он станет дань...
Зеркало оскалится осколком
И — перегрызёт ему гортань.

21 ДЕКАБРЯ

Ох, и медленно ты разгораешься,
русское солнышко!
Сиротливо на сердце, и ночь предрассветно
темна.

Пробегу по студёным полам,
посмотрю в слюдяное оконышко...
И — злорадно ущербная! — прямо в лицо
рассмеётся луна.
Золотых половиц с малолетства знакомые
скрипы...

Не поверю глазам: у моих заколоченных врат
Рукоятью меча, по плечам буйны кудри
рассыпав,
Постучит алый всадник на белом коне —
Коловрат.

Впопыхах соберу ему стол карамельный
да пряничный.
Всё, что было в печи, пусть стоит и красуется тут!
Василиса Микулишна вместе
с Забавой Путятичной

Аж слезами от злости и зависти все изойдут.
Эта ночь и темна, и длинна, и, похоже,
не кончится.
Он не пьёт. Он не ест. Он с улыбкой глядит
на меня.

Я спрошу: «Почему ты не ешь?» Он ответит:
«Не хочется.
Накорми-ка ты лучше уставшего в битве коня!»

* * *

С твоими несравненными устами
Он розовый бутон хотел сравнить...
Но пальцы, уязвлённые шипами,
Не в силах были чанг разговорить.

На миг улыбкой распустился в мае
Девичьих уст пылающий бутон.
И трепетала роза, опадая
К ногам того, кто молод и влюблён.

Жизнь пролетела, как одно мгновенье...
Вздыхнул старик и — выбился из сил.
Но краткий вздох любви и вдохновенья
На древнем чанге струны оживил.

* * *

Непогода за окном ярится...
Ночь долга, и Натали строга.
Запах флорентийского ириса
Осенил российские снега.

Мрачный Дант, Петрарка огнеликий
И любой, кто был хоть раз влюблён,
Знает незапамятные лики
Неприступных теремных Мадонн.

Вновь Пегас взлетает вдохновенно
В небо, где тесовое крыльцо,

Где сияет на руке нетленной
Звонкое заветное кольцо.

Свет небесный и непостижимый!
Сквозь шальной круговорот веков
На него летим... Но снова мимо!
Просиял вдали и был таков.

Там, где не видать во тьме дороги,
Вспыхнул лепесток черновика...
На полях выводит профиль строгий
Пушкинская смуглая рука.

* * *

Со смуглых горячих ладоней твоих
Испив синевы Иссык-Куля,
Живу я с другими, влюбляюсь в других
И — ни о чём не тоскую!
А было — в объятья бросалась твои,
Как в воду — и знобко, и жутко!
А было — глядела в глаза-полыньи
Почти до потери рассудка.
А было — читала следы на песке
И слушала песни прибоя.
Щекою упрямо тянулась к щеке,
Губами шептала: «Пустое...»
Набитая мятой одна на двоих
Подушка — да было ли это?
Вода Иссык-Куля в ладонях твоих
Моими губами согрета.

РУССКОЕ ВОИНСТВО

Ты, на врата Византийской Империи
 Свой водружавшее щит.
 Ты, не вкусившее яд лицемерия
 В пору народных обид.
 Ты, сохранившее честь и достоинство.
 Ты, целовавшее меч.
 Русоволосое русское воинство —
 Буйные кудри до плеч!
 Копья врагов о щиты затупившее.
 Верное долгу, как встарь.
 Клятвенной кровью своею кропившее
 Древний Перунов алтарь.
 Славься, бесстрашная!
 Славься, былинная!
 Славься, идущая в бой
 Непобедимая рать соколиная —
 Бог и Россия с тобой!

* * *

Пора крещенских водосвятий...
 Ты поутру пораньше встань.
 Мы, помолившись у распятий,
 Молчком пойдём на иордань.

По два ведра на коромысле,
 Что всклянъ полны святой водой,
 Прогнавши суетные мысли,
 Мы в избу принесём с тобой.

Не сыщешь лучшего лекарства
 От хворей всех и всех скорбей.
 Зачем нам ехать за три царства
 Или за тридевять морей?

Дед тихо стонет на полатах.
 Сестрица дышит горячо...
 Всем хватит Божьей благодати,
 Покуда с нами Бог ещё!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Вновь боевые стремена
 Слезами вдовьими омыты...
 Русь выкликает имена
 Своих сынов, в бою убитых.

Метёт крещенская метель
 По дикому степному полю...
 Собой закрою колыбель
 И Родину, само собою.

Не плачь, родимое дитя!
 И колыбель твоя, и стремя,
 Над снежной Родиной летя,
 Равно отсчитывают время.

Усни, а я тебе спою,
 В слезах склоняясь над колыбелью,
 Как твой отец, упав в бою,
 Спит под крещенскою метелью.

А боевые стремяна
Слезами бабьими омыты.
Русь выкликает имена
Бойцов для новой страшной битвы.

И шепчет твой отец в ответ
Устами стылыми своими
На весь крещёный Божий свет
Твоё, мой грустный мальчик, имя!

* * *

Пусть трубных похвал благородный металл
Вдали поперхнулся и смолк,
Но плачет ночами на лунный овал
Собрат дикой юности — волк.

Я знаю, он так же, как я, одиночек.
Как я, отовсюду гоним.
Меня позабыть он хотел, да не смог:
Мы кровью повязаны с ним.

Одна на двоих голубая луна,
Звездой вкраплённая в стих.
Одна на двоих золотая весна,
Нас яростно бившая в дых.

Змеиная злость озверевших врагов.
Летящее в спину копьё.
И — гордость, разбившая сердце его.
И — ревность, что съела моё.

Забудут меня и огонь, и вода,
И труб победительный рык...
Но вспомнит — была я, была молода! —
Волчиный зазубренный клык.

* * *

Здесь сугробы, как волны Босфора,
И кровавая в небе луна.
И ознобным восторгом простора
Оренбургская полночь полна.

Закипают лазурные слёзы
На глазах, устремлённых к луне.
И цветут белоснежные розы
На моём индевелом окне.

Не гадаю, кто ряжен, кто сужен.
Ах, не всё ли, не всё ли равно?
Прихотливая изморозь кружев
Заплетает к рассвету окно.

Ни лазурные воды Босфора,
Ни дамасские розы в садах
Не видны с моего косогора,
Что затерян в бескрайних снегах.

Но зато в завыванье метели,
Что привычно пророчит беду,
Мне слышны соловьиные трели
Над дамасскою розой в саду.

* * *

При вас мне этот город тесен.
 Без вас мне этот город пуст.
 Здесь не пою влюблённых песен,
 Не сохну от избытка чувств.

Смеюсь, томлюсь на остановках,
 Болтаю с кем-то на бегу...
 И — чувствую себя неловко,
 Что притворяться так могу —

Сосулькой рядом с вами таять,
 Краснеть, бледнеть, смотреть вам в рот
 И ждать, как кукла заводная:
 Когда же кончится завод?

* * *

Я полюблю однажды этот город,
 Как никакой другой!
 Сюда ветра несут то зной, то холод —
 Стремятся на постой.
 Он научил писать стихи и плакать,
 Друзей отняв.
 Терпеть осеннюю безвыходную слякоть
 И умирять свой нрав.
 В нём мало самобытности востока,
 Столичности Москвы...
 И так порой бывает одиноко!..
 Но в нём живёте — вы!

* * *

Отныне даже не знакомы.
 И оказалось — не беда.
 Меня хотел ты видеть скромной?
 Так не увидишь никогда!

Я улыбаюсь всем прохожим
 Мужчинам старше двадцати.
 Да и они, признаюсь, тоже...
 Ну, как ты это мог снести?

Теперь забудь, как в чём-то алом,
 Пришпорив белого коня,
 Ты пил «Смирновскую» бокалом,
 С улыбкой глядя на меня.

Как ветром уносило шляпку
 С моей беспутной головы.
 Как преподнёс ты мне охапку
 Осенней золотой листвы...

Да, были странно мы похожи,
 Но наши разошлись пути.
 И — саблей, вырванной из ножен,
 Ищу тебя, боясь найти.

ХОМУТ*Триптих***I**

Заклятые друзья поймут...
 А что ещё им остаётся?
 Была бы шея, а хомут —
 Он обязательно найдётся.
 Но мой Пегас при всём при том
 Строптивым был, а как иначе?
 Он не ходил под хомутом
 Подобно водовозной кляче.
 Порывист был и норовист.
 Струной вытягивая тело,
 Летел на мой разбойный свист,
 Когда в три пальца я свистела.
 Презрев и повод, и узду,
 Его душа простор любила...
 И небо в лоб ему звезду,
 Как царское тавро, вlepило.
 С чего бы лезть ему в хомут
 Подобно водовозной кляче?..
 Мои враги меня поймут.
 Друзья заклые — тем паче.

II

«Подумаешь, райская лилия!..»
 В душе непотребно кляня,
 Поэт с лошадиной фамилией
 Лягнул мимоходом меня.

Уж я не припомню фамилию...
 Овсов ли? Хвостов? Хомутов?..
 Но снятся мне белые лилии
 На стылых ладонях прудов.
 Познавшие вечное мытарство,
 Презревшие нечисть и страх,
 Чистейшие символы рыцарства
 Цветут на червлёных щитах.
 Мечта человеческая-вечная,
 Что к боку мужчины прибит,
 Где мышца искрится сердечная,
 Сверкающий рыцарский щит.
 И ежели я его лилия,
 И рыцарь мой к бою готов,
 Что может сказать мне фамилия
 Овсов ли? Хвостов? Хомутов?..
 Поэт с лошадиной фамилией!
 Я храбрость не трону твою,
 Поскольку я райская лилия...
 Со мной и в бою как в раю!

III

На счастье найдена подкова
 И можно к двери прибавить...
 А злая доля хомутова
 Чужую шею натирать.
 Пред ним лошадки трудовые
 Покорно бьют земной поклон.
 Но норовит лебяжью выю
 Захомутать в объятья он.

А коль дурная кровь разыграла,
 Аж искры сыплются из глаз —
 Прогнись, седой хребет Урала!
 Не загораживай Парнас!
 Досталась дураку подкова.
 Известно, дуракам везёт!..
 Но злая доля хомутова
 Ему покоя не даёт.
 Добро бы всенародный гений
 Пегаса вздумал укротить...
 А то ведь Хомутову Гене
 Навоз с конюшни вывозить!

* * *

Под плач ночной самарской вьюги
 (Опять мне не хватило дня?)
 Задумаюсь об Оренбурге:
 «Мой город, как ты без меня?..»

Да и была ли, и была ли,
 Я вопрошаю вновь и вновь,
 Разлука наша без печали
 И без взаимности любовь?

Что бесконечная разлука,
 Когда украдкой, без сна,
 Сладчайшая для сердца мука
 Свиданья тайного дана?

Когда, кляня твои сугробы,
 Я втиснусь, с поезда сошед,
 В твой переполненный автобус,
 Плацкартный комкая билет.

И проводница с верхней полки
 Суровой щёткой — так верней? —
 Сметёт печальные осколки
 Девичьей памяти моей.

* * *

Мы на пустые сожаленья падки,
 Пока сочтётся траурный елей,
 Пронзая воздух ароматом сладким
 Цветочных обезглавленных стеблей.

Что в мире обречённой алых роз,
 Согретых благодатным солнцем мая?
 Прости мой риторический вопрос,
 Ни словом на него не отвечая!

Пусть у плетня, облезшего вконец,
 Презревшие смертельную угрозу,
 Сбежав с чертополохом под венец,
 Вновь расцветают царственные розы.

Мой милый друг, не оскверняй уста
 Ни словом, ни слезою незаметной...
 О, как красноречива немота!
 Возвышенное чувство безответно...

* * *

Дерут друг друга за грудки
 Поэты местного Олимпа...
 А я смотрю, как у реки
 Неспешно облетает липа.

Как пышно по весне цвела,
 Но вышел срок — она увяла.
 Коллеги, не держите зла!
 Я ни на что не намекала.

Решать не нам вокруг стола,
 Кто переплавит в высших тиглях
 Страданья, коим несть числа,
 Поэтов захоластий гиблых.

Тот, кто осип. Тот, кто охрип.
 И тот, кто в драке изувечен.
 Под сенью облетевших лип,
 Собратья, помолчим о вечном!

* * *

В часы унынья, грусти и печали
 Отчизны воздух горестно горчит...
 И Бог, трусливым преданный молчаньем,
 С иконы укоризненно глядит.

«В терпении стяжите души ваши...»
 Терпенья на Руси не занимать

Мгновений воли, гнева и бесстрашья
 Веками вожделенно выжидать.

От Стеньки до Емельки Пугачёва
 В разбойных песнях грусть-тоску беречь...
 Да не осудит песенное слово
 Принесший нам с небес не мир, но — меч!

Среди спалённых удалью раздолий
 Промеж идущих с тесаками в ночь
 Презрен, кто не до пугачёвской воли,
 А лишь до кладов Разина охоч!

* * *

Брови чёрные соболиные.
 Очи зоркие соколиные.
 И уста твои, словно маков цвет.
 И милей тебя в целом мире нет.

Ты не парубок. Ты парнище-хват.
 Али невдомёк тебе, невдогад:
 Вслед тебе глядят да с тревогою
 Очи девичьи с паволокою.

Не доем я днём, ночью не досплю.
 О тебе одном думаю думаю.
 О тебе одном — парне-озоре.
 Ходишь ухарем, смотришь козырем.

Уж и статный ты, и осанистый.
 Раскудрявый да расфасонистый.
 Слыхом слыханный, видом виданный.
 Подавай тебе девку с приданым!

Не зазнобушку молодецкую —
 Дочь отецкую да купецкую...
 У меня ж, мил-друг, из приданого
 Лишь лягушечья шкура драная.

В России холодное лето две тысячи третьего
 года.

В глубинной России, озябшей от смут и обид.
 С букетом чужого укропа уныло бредет с огорода
 Подраненный бомж и беззлобно судьбу материт.

Вдвоём с ним безропотно ждём переполненный
 дачный автобус

На сельской невзрачной развилке, где лужи
 и грязь.

Навряд ли достанет нам места в его
 небездонной утробе.

Ему кулаками помашем, беззлобно вослед
 матерясь.

Сердито спрощу у бомжа: «Слушай, сволочь,
 укропец откуда?»

Сама же отвечу: «Вестимо откуда оно!»

Небось, не один огород по утрянке обчистил,
 паскуда...»
 И он улыбнётся: «Тебе-то не всё ли равно?»

Вздохнёт примирительно, скажет мне:
 «Хватит браниться!

Укропу ей жалко, а больше и нечего взять.
 Не зря заповедал Господь человекам делиться...
 И надобно мыслить — кого и за что укорять...»

И станет мне вдруг от стыда нестерпимо и жарко.
 Растерянный взгляд мой случайно споткнётся
 в тот миг

О мимо снующие взад и вперёд иномарки,
 О сытых и бритых, и гладких, глядящих из них.

Брезгливо въезжающих в это плакучее лето,
 Что суше не станет, сколь матом его не стели.
 Глядящих с презреньем на дядьку с укропным
 букетом,

На тётку с кошёлкой и серые тучи вдали.

Дороги с приставкою «эх» — это вам, господа,
 не Европа!

Ещё дураки... Ты прости меня, дуру, босяк!
 Ведь совестно вспомнить, чего пожалела —

укропа!
 Из сытой Европы в голодную Русь завезённый
 сорняк.

Он пел: «Мы наш, мы новый мир
построим...»

А после хмуро обращался к нам:
«Такие песни надо слушать стоя,
При этом руки вытянув по швам!»

Таращили лазоревые глазки
Внучата, подступавшие к нему:
«Мы встали, дед! Рассказывай нам сказки
Про эс-эс-эр — великую страну...»

И восставала Фениксом из пепла
В рассказах деда — навсегда вольна! —
Летела в космос, побеждала, крепла
СССР — великая страна.

Омытая священным стягом алым,
Вставала краше прежнего она.
И корчилась по кухням и подвалам
Бесовья диссидентская шпана.

Старуха, что слыла простой и кроткой,
Вдруг становилась строже и стройней.
И так гремела старой сковородкой,
Что все боялись подступить к ней.

Никола Зимний да Егорий Вешний,
Да Евдокия-Замочи подол.
А там — Иван Купала, друг сердешный.
И охнуть не успеешь — год прошёл!

И вот уже Семён-летопроводец
Колотит по деревьям блох и мух.
И разудалый, чуть хмельной народец
Глазеет на дородных молодух.

Покачивая статными плечами,
Кровь-лентою украсив смоль-косу
И шуточек парней не замечая,
Красу свою, как павушки, несут.

Благословен, кто проводив поклоном
Одну из них, расслышать сердцем смог
Лукавый, по-девичьи затаённый,
Крахмальных нижних юбок шепоток.

Ах, Дунюшка, Дуняша, Евдокия!
Узорчатый подол приподними.
Как окрыляют ножку расписные
Сафьяновые туфельки твои!

* * *

Страшный и давно желанный сон
 Мне сегодня на рассвете снился:
 Молния прошла небосклон.
 Грянул гром. Мужик перекрестился.
 Вроде и не Божий он пророк...
 Отчего ж так истово и честно
 Север, юг и запад, и восток
 Он соединял знаменьем крестным?
 Небосводу бил земной поклон
 И читал псаломы из Псалтири...
 Молния прошла небосклон
 И зашила аспидные дырря.

* * *

За окном взбесился ливень.
 Он хлестал дома по стёклам.
 Из набрякшей вязкой сини
 Падал на асфальт и цокал.

К хмурым приставал прохожим.
 Прыгал по зонтам-батутам.
 У черёмух придорожных
 Кудри ветреные спутал.

Дерзко крикнул розе алой,
 Что свиданья ожидала:
 «Не торчи тут, где попало!
 Попадёт ещё, пожалуй!..»

Посрывал с продрогшей липы
 Золотистые серёжки.
 А потом, повинно всхлипнув,
 Постучался к нам в окошко.

И, презрев мои запреты,
 Дочь лицом к стеклу прижалась.
 И о чём-то по секрету
 Долго с дождиком шепталась.

Невзирая на угрозы,
 Вдруг на цыпочки привсталла.
 И улыбка алой розой
 На губах затрепетала.

С той поры всё чаще, чаще
 Я в глазах её встречаю
 Этот дождик шелестящий —
 Неслучайною печалью.

* * *

Ревнивая свекровь Самара.
 Сварливый свёкор Оренбург...
 Такого жуткого кошмара
 Не заслужила я, мил-друг!

Ну, чем я им не угодила?
 Чем ко двору-то не пришлась?
 Я вброд Урал переходила,
 Переплывала Волгу всласть.

Всё им не так. Всё им не эдак.
 Всё им не в лад и невпопад.
 Ждут не дождутся, что уеду...
 Спасибо, вслух не говорят!

О, как они шипят в отместку,
 Раз не желаю лебезить:
 «С таким-то норовом, невестка,
 Могла б талантливее быть!..»

Они сошлись гневливо в главном:
 Достоин разве что Нарым
 Невестке с призрачным приданым
 Платить заоблачный калым!

* * *

Багряно-рдяным заревом расцвечен,
 Закатным пожираемый огнём —
 Как этот мир непрочен и невечен!..
 Лишь из-за вас я загостила в нём.

Чтоб не была подобной святотатству
 Любовь — добыча суетной молвы,
 Мне ль, от рожденья чуждой панибратству,
 Вас называть иначе, чем на вы?

Мы никуда друг друга не отпустим.
 Чему бывать — того не миновать.
 Родимое степное захолустье,
 Ну, что мне в оправдание сказать?

Что может послужить мне оправданьем?
 Ужели самоцветные слова?
 Мне ль откупаться стихотворной данью
 От коренного нашего родства?

Я не люблю возвышенного вздора...
 Уж лучше, улыбаясь невпопад,
 Вдыхая пыль ковыльного простора,
 Глядеть на догорающий закат.

* * *

На развалинах вечного города
 Посреди глинобитных твердынь
 Окликают ушедшую молодость
 Голубая джида и полынь.

Первобытная поступь истории...
 В азиатской прогорклой ночи
 Суховей, на полыни настоенный,
 Как ушедшая юность, горчит.

Захудалое чахлое деревце —
 Дочь скупых каракумских пустынь —
 Здесь джида со мной ягодой делится,
 Руку робкую тянет полынь.

О, бывшие мои сотоварищи!
 Неужели здесь юность прошла,
 Словно смерч, всё с дороги сметающий,
 Всё живое сжигая дотла?..

* * *

Век серебряный. Сон золотой.
 Медный Всадник взлетел с пьедестала.
 Я вослед: «Вседержавный, постой!
 Не бросай меня здесь!» — закричала.

«Сиротой оставляешь страну
 Ожиревшим ворам на расправу...»
 Он с небес: «Ухожу на войну.
 На тебя оставляю державу».

Пролетел восемнадцатый век,
 Деятнадцатый век и двадцатый...
 А с войны той и весточки нет.
 Как он бьётся там с силой проклятой?

Его внуки на вражий редут
 Буйны головы храбро сложили.
 А за ними их внуки идут
 Рядом лечь в общей братской могиле.

Нет, не видно ни края войны,
 Ни конца вековечной разлуки!
 Нет, не слышатся с той стороны
 Трубных маршей победные звуки!

Не смолкает сражения гром,
 И ложатся за ротами роты...
 Сколько можно ещё топором
 Прорубаться в глухие европы?

Вновь архангел на небе трубит,
 Громыкает крошечная битва...
 Нет, никто на Руси не забыт,
 И ничто на Руси не забыто!

* * *

Несу свою небесную поклажу
 И не смотрю с тоской по сторонам.
 Бог правду видит. Да не скоро скажет,
 Покуда правда не под силу нам.

О, где ты, слово, чтоб тебе доверить
 Предошущенье счастья и скорбей?
 Ты — слово-сокол? Или — слово-лебедь?
 Иль вёрткое словечко-воробей?

Тебе безоговорочно послушны
 Уставшие от ереси уста,
 Прихваченные раскалённой стужей
 Священного голгофского креста.

С тобой не страшно на костёр и в прорубь..
 Ты — Слово, возводящее на крест, —
 Две тыщи лет сквозь мрак летящий голубь
 Или врага разящий Божий перст?

**СТРОИТЕЛЮ
ПОКРОВСКОГО СОБОРА**

Не думать о тебе — почти измена,
 Когда душа — обитель тишины,
 И я вдыхаю, преклонив колена,
 Исконное дыханье старины.
 Потом брожу безвестной и бесправной
 Среди средневековья гулких плит.
 Не мею, обожжённая об хладный,
 Тобою отшлифованный гранит,
 Где редкая зазубринка, как вежа
 В размеренном течении веков,
 Хранит неумирающее эхо
 Тобой когда-то сделанных шагов.

* * *

Станный месяц оседанья снега...
 Долгожданный месяц, и опять
 Хочется куда-нибудь уехать,
 Хочется кого-нибудь обнять,
 Хочется к кому-нибудь прижаться
 И объятье ощутить в ответ...
 ...Хочется кому-нибудь признаться
 В той любви, которой в мире нет!

* * *

Пылит ли зной, метёт ли снег —
 Виновник бездорожий,
 Идёт по свету человек —
 Калика переходжий.

Подлунный волчий мир — тюрьма
 Рождённому для братства...
 Странноприимные дома
 Иных созвездий снятся.

Бредёт, преодолая страх
 И звёзды окликаая.
 И вязнет в снежных облаках
 Его нога босая.

Откуда он, такой-сякой —
 Отшельник и острожник,
 Таинственный земной изгой,
 Божественный безбожник?

...Россия — странная страна...
 В трудах земных измаясь,
 По небу странствует она,
 О звёзды спотыкаясь.

* * *

О, Согдиана, родина моя!
Я руку протяну, а ты отпрянешь
И остриё дамасского копья,
Обороняясь, в грудь мою направишь.

Но не спасёт усталый бог огня
Тебя, коль в нём ещё остался разум,
Ни от стихов моих, ни от меня,
Ни от моих потомков сероглазых.

Они взойдут однажды всё равно —
Суровые, как северное солнце.
В крови их, будто древнее вино,
Седая азиатчина всплеснётся.

Пустынный ветер, словно паруса,
Раздует их славянские хитоны...
Моим потомкам посмотрев в глаза,
Ты вспомнишь византийские иконы!

* * *

Нам встречи нет и нет разлуки.
Друг друга мы сожгли дотла.
Меня клянут мои подруги.
Мне льстят кривые зеркала.

Мне не приходит больше писем:
Навек разведены мосты.
Мне этот город ненавистен,
Сгубивший все мои мечты.

И вьётся шарф по ветру алый,
Подаренный — забыл? — тобой...
Нет, хорошо, что я не стала
Твоей законною женой.

Что не варю тебе обеды,
Не знаю про твою печаль.
Что не делю твои победы,
Не докучаю по ночам.

Зато сложились эти строчки,
Зато не надо ревновать...
...Зато, когда родится дочка,
Ты знаешь, как её назвать!

* * *

Уж чем же вы на этот раз
Супруге не потрафили?
Не тем ли, что так ласково
Мне глянули вослед,
Забыв, что ногти женские
Длинней, чем руки мафии?..
А забывать об этом вам,
Мой миленький, не след!

Давненько терпит бедствие
Семейное судёнышко,
На коем собирались вы
Осилить океан.

Вертайтесь-ка под крылышко
Своей любезной жёнушки!
Всё остальное — зрения
Пленительный обман.

Я мимо вас, увечного,
Пройду походкой чинною.
Вы ревностью отмечены
Сегодня чересчур.
Не только руки женщины,
Но и лицо мужчины
Наотмашь украшает
Кровавый маникюр!

* * *

Я выплакала свой Восток,
Покорная судьбе,
Всей тяжестью гремучих строк,
Поющих о тебе.

В твоём краю полно невест
Под чёрной паранджой...
А на меня одели крест —
Тяжёлый и большой.

А я слагаю новый гимн...
Ты на пути не стой!
Но как-то странно быть с другим
Счастливей, чем с тобой.

* * *

Да, это мы — стрибожьи внуки-ветры,
Вернувшиеся из гиперборей,
Впитавшие шальные километры,
Медвежий рёв арктических морей.

Впервой ли нам, устав от иностранства,
В пути вспыхившим смерчами не раз,
Врываться в неоглядное пространство,
Посильное лишь для славянских глаз?

Последний лист сорвав с него, бывало,
Его, неодолимое для ног,
Мы одаряли брачным покрывалом,
Как повелел нам дед — седой Стрибог.

Безмолвное таинственное время —
Спрядёт Макуша вьюжную кудель.
И юный бог — зеленоглазый Семич —
К губам приложит звонкую свирель.

И семена, что под землёю грелись,
Взойдут-заколятся, как всегда.
Страдая от одышки, тучный Велес
Погонит в степь стотельчие стада.

И грозно грянет клич Перуна свыше,
И Святослав пойдёт на абордаж,
И — дрогнет Старый Свет, вдали услышав
Неукротимый рёв медвежий наш.

* * *

Опять гадаешь по ромашке,
По влажным линиям руки...
И, ядом утоляя жажду,
Спокойно спишь на дне реки.

И письма ласковые пишешь.
И, перечитывая, жжёшь.
И на рассвете хрипло дышишь,
Как будто криком горло рвёшь.

Но восковые свечи тают
В холодных восковых руках...
И все ромашки облетают
На целовальных сквозняках.

* * *

Ты сядешь за руль, и появится вскоре
Лазурною чашей Ташкентское море.
Я лишь пригубить этой чаши хотела,
Но всё пересилило жаркое тело.

Волною прибитое к берегу платье —
Мы с морем раскрыли друг другу объятья.
Напрасно ты с берега кличешь и плачешь...
Ты третий. Ты лишний. Ничто ты не значишь!

В полуденном солнце сверкнув чешуёю,
Прощаюсь, прощаюсь, прощаюсь с тобою.

* * *

Конь буланный. Меч булатный.
Небеса в крови.
На священный подвиг ратный,
Русь, благослови!

Среди злой хазарской ночи
Сыновьям вослед
Голубые вдовьи очи
Льют свой слёзный свет.

И былинное раздолье
Осенил окрест
Православный ветер воли,
Посланной с небес.

Наш поклон родному дому,
Божьему лучу...
Щит к щиту. Шелом к шелому.
И плечо к плечу.

* * *

Друг о друга лбами медными стукнулись...
Ох, ты эхо наших русских побед!
По-немецки, по-японски аукнулись.
По-английски получили привет.

Снова слышим от заморских зазнобушек:
«Ай лав ю, мон шер ами, хенде хох!..»
Значит, братцы, не сносить нам головушек,
Снова по миру идти без порток.

Угостим же всех отеческой водкою —
 Ну, зараза, до чего же стройна!
 Мы такие — по зазнобушкам ходкие.
 Что Россия? Подождёт — не стена!

...Али недруги нас, братцы, посглазили?
 Эх, Россия! Три пути — три сосны.
 Меж Америкой, Европой и Азией
 Запутались мы, России сыны.

* * *

Искришься-лучишься, как полная чарка.
 Слепишь и слезу вышибаешь из глаз.
 Речушка-резвушка Сухая Самарка,
 Никак ты в бега от родни подалась?

Постой, погоди-ка! Ну, где тебя носит?
 Бежишь без оглядки на отчий исток...
 Неужто не ведаешь — родине осень
 Опять преподносит плачевный урок?

На большее и не способна — пусть плачет!
 Не осени-плаксе тебя укротить.
 Но всё холодней её слёзы, а значит,
 Сухая Самарка, умерь свою прыть!

Прощальный венок с безотчётной любовью
 Дарю тебе, сняв со своей головы, —
 Подёрнутый охрой, забрызганный кровью
 И тронутый золотом поздней листвы.

* * *

Богу — свечка. Чёрту — кочерга.
 Рай — воцерковлённым. Вольным — воля.
 А тебе — раздетый донага
 Бесприютный ветер в чистом поле.

Одичалый ветер-нелюдим
 Вновь и вновь грозит тебе бедою.
 Коль споймаешь — будет он твоим,
 Буйный ветер, что пропах враждою.

Он таков. Ему не привыкать,
 Не найдя на Родине приюта,
 Щедро мир раздором засевать,
 Пожинать плоды вражды и смуты.

В храме свечи слёзные гасить.
 Биться сизым соколом в оконца.
 По станицам бешено клубить
 Вихри, заслоняющие солнце.

Много ль, право, надобно ему?
 Приголубь да обогрей дыханьем.
 Да засунь в пустую котому,
 Да утешь, как дитяtko, сказаньем.

Ибо в мире всё растёт во сне.
 Спи, родимый, чутким сном объятый!
 Вырастешь и на большой войне
 Будешь милой Родине солдатом.

* * *

Куца смешная кацавейка.
Очи родниковой чистоты.
Девочка со станции Налейка.
А в руках у девочки — цветы.

Захудалой станции истому
Не колеблет детское «Дарю!»...
Лишь ворчит смотритель станционный:
«Лучше продавай. Хоть по рублю!»

Рядом тётка продаёт картошку,
Дядька — пиво, бабка — пирожки...
Всякий здесь торгует понемножку.
Кто чем может. Чем кому с руки.

Эх, судьба-злодейка, жизнь-копейка!
Уж не первый день, не первый год
Богом позабытая Налейка
Придорожным бизнесом живёт.

Каргала, Смышляевка, Соседка,
Варежка — да всех не перечтёшь! —
Свет и Ночка! Разве ваша сметка
Вам позволит сгинуть ни за грош?

Оттого, торгуясь лишь для виду,
Я потом в пути, не зная сна,
Всё твержу, как древнюю молитву,
Захолустных станций имена.

* * *

Порожними бутылками
Бренчит судьба-наводчица...
Из песни слов не выкинешь,
А иногда — так хочется!

Кому-то очень хочется!..
Внезапное, бестактное,
В строке словцо топорщится
Под топором редактора.

Моей судьбою ставшее
Моё словцо прицельное —
Угрюмое, уставшее,
Понурое, похмельное,

В вине не потонувшее.
Поднявшее восстание.
От горьких слёз опухшее.
Готовое к заклятию.

Какая в этом надоба —
Под лютой казнью корчиться?..
И говорить не надо бы,
Но иногда — так хочется!

* * *

Постой. Повремени немного.
Не выходи из-за стола.
Льняная скатерть, как дорога,
Меж нами вьюжно пролегла.

Тысячелетнею тоскою
Подёрнулось твоё лицо,
Когда недрогнувшей рукою
Ты положил на стол кольцо.

И, убаюканная вьюгой,
Я улыбнулась, как во сне, —
Твоя усталая подруга,
Мечтавшая об этом дне.

Постой. Повремени немного.
Не остужай тоской лицо.
Льняную вьюгу, как дорогу,
Я протяну через кольцо.

* * *

Нас не находят и уходят.
Мы тускло смотрим вслед,
Принадлежащие к породе
Блуждающих комет.

И, уплывая в злую небыль
Орбитам вопреки,

Мы перечёркиваем небо,
Как встарь — черновики.

И меркнет чёрный морок сплетен
земного бытия...
Лишь солнце — вечный нам свидетель
и вечный Судия.

* * *

Ни лаской, ни дверьми, ни хлебом
Не удержать — опять молчу.
Опять гляжу в чужое небо.
Должно быть, скоро улечу.

Впорхну в совсем другие платья
И обживусь в других сердцах.
В другие упаду объятья
И утону в других глазах.

Но ты останешься, как сполох
Навылет раненной души.
Ни яд, ни ятаган, ни порох
Иначе не могли решить!

Как песня на седом морозе,
Гортань обуглилась в тоске...
И остывающие розы
Пятном кровавым на платке.

Всплакнём, обращаясь к понурой Отчизне
(Вольно ж нам Отчизну винить!):
«За что же такая тоска вместо жизни?
И как нам с тоской этой жить?»

Что делать с тоскою чернильною этой?
Ну, разве бумагу марать!
Заложник былых графоманских обетов,
Всё стерпит старушка-тетрадь.

Вся в кляксах от наших надрывных рыданий,
Вся в клятвах, продажных вполне...
Коробит её от таких испытаний.
Уж лучше б сгорела в огне!

История пишется кровью... Едва ли
Когда усомнились мы в том.
Но там, где отцы наши кровь проливали,
Мы слёзы чернильные льём.

И что наша кровь онемелой Отчизне?
Прокишшее в жилах вино!
Рыдать вдохновенно на горестной тризне,
А большего нам не дано.

Себя сжигающий дотла,
Октябрь под ногами тлеет...
Я знаю — молодость ушла.
Она об этом не жалеет!

Ох, девка-озорь, синь-глазок!
Невосполнимая пропажа.
Под кем-то ломится ледок,
Под нею и не дрогнул даже.

О, как она хотела жить —
Вкушать сабли, носить брильянты!
Но что могла я предложить
Ей, кроме своего таланта?

За лучшей долей подалась,
Обдав меня глухим презреньем, —
Туда, где томно стонет джаз
И розы пахнут вдохновеньем.

Ни в сладком сне, ни наяву
Она уже не отзовется.
Да я её и не зову:
Избави Господи, вернётся!

* * *

Привет, любовь нежданно-роковая!
 Твои проказы знаю наизусть.
 Но никого уже не проклиная
 И ничего на свете не боюсь.

Простила все слова, что отзвучали,
 Растаяли, как сигаретный дым.
 Но помню все, как будто всё — вначале!
 Смеёмся, разбегаемся — летим!

Я помню нежность первого пожатья
 И мавританской ревности разгул.
 И тесноту девического платья,
 Которое в комодке берегу.

Мне ведом сладкий вкус вины и мести.
 И терпкий вкус тягучей сулемы,
 И вечный женский подвиг лжи и лести,
 И тяжесть горькой нищенской сумы.

* * *

Анисовая водка.
 Хрустящий огурец...
 И солоно, и горько
 Тебе, мой удалец!

Чего сидишь угрюмо,
 Молчишь, как истукан?

Не хочешь пить из рюмок?
 Давай налью в стакан.

Где мягко стелют, жёстко
 Порой бывает спать.
 На то она и жёнка,
 Чтоб мужа в гроб вгонять.

Эх, не было бы счастья,
 Несчастье — вот оно!
 Отвык, поди, стучаться
 В открытое окно?

С женой своей бедовой
 Измучился вконец...
 А у соседки вдовой
 Лебёдушко-крылец!

Он ласково встречает
 И воду пьёт с лица...
 Любого укачает
 Лихого удальца.

Соседка глянет кротко.
 И — сгинет удалец...
 Анисовая водка.
 Солёный огурец.

11 ФЕВРАЛЯ

Власьев день... Вкушай, Бурёнушка,
Хлеб с крещенскою водой!..
Пей родимую до донышка...
Слаще нет её, родной!

Пусть сметаню не доишься
Ты, кормилица семьи,
За грехи людские молишься,
Злак вкушаешь от земли.

Севастийский Власий-праведник
Не забыл про грешных нас.
И коровий млечный праздничек
Под конец зимы припас.

Молоко течёт по вымени,
По копытчку журчит...
Отзвук Велесова имени
В этом праздничке звучит.

* * *

Услышишь ли стоны телесной юдоли,
Прозреешь ли Ты наконец,
Слепой, как Гомер, и глухой, как Бетховен,
Эгидодержавный Творец?

Глухие рыдания распятой России,
В гробах молодые сыны,

Продажность пророков, картавость мессии
Ужели Тобой суждены?

Мы овцы Твои. Мы и глухи, и слепы.
Но наглухо, Высший Отец,
Скрепляют нас миру незримые скрепы
Биением скорбных сердец.

За все униженья и стоны России,
За слёзы родимой страны —
Продажность пророков, картавость мессии
Нам, как искушение, даны.

Пусть дух наш смятен и наш норов неровен,
Но в свой искупительный час
Прозревший Гомер, слух обретший

Бетховен

Воскреснут, незримые, в нас.

* * *

Мне казалось, что крепко уснул
Дикий горный чеченский аул...
Чей же остро заточенный взгляд,
Как кинжал, полоснул наугад?

Божий луч иль разбойный клинок
В темноте мою грудь подстерёг?..
И, червлёный от крови моей,
Растворился меж сонных ветвей.

* * *

О, подлецы, с которых взятки гладки!..
 Я и таких знавала на веку.
 Но вновь и вновь с лукавством азиатки
 Я вас целую в правую щеку.

Любезные мои, вы не устали?
 Не утомились от такой любви?
 Она клинок текинской пылкой стали,
 Что закалился на моей крови.

Отравленный смертельным вашим ядом,
 Он был мудрее, чем уста змеи.
 И не было почётнее награды,
 Чем вы, лихие кровники мои.

Не лгавшая ни именем, ни слогом,
 Пред вами не склонила я главу.
 И в час, когда предстану перед Богом,
 Я всех вас — поимённо! — назову.

СОЖЖЁННОЕ ПИСЬМО

Никто, ничто и звать никак —
 В саду проснувшийся сквозняк.
 Обрывок одиночества
 Без имени, без отчества.

В огне забвенья не горит.
 Не тонет в омуте обид.
 Не стынет солью на глазах.
 Не растворяется в слезах.

Клочок сожжённого письма,
 Сто раз сводившего с ума,
 Ложится на ладонь мою:
 «Узнай меня!..» — «Не узнаю!»

* * *

День ото дня уходят силы.
 Тускнеет белый свет.
 Как будто в свежую могилу
 Закопан мой портрет.

И тот, кто был отвергнут мною,
 Кого я не хочу,
 Обратной страшной стороною
 Поставил мне свечу.

Собрать рогатый мой, проказник!
 Ты сам того искал.
 И вот вся в чёрном, словно праздник,
 Я выйду из зеркал.

И в час последний полнолуныя
 Обнимемся с тобой..
 Заплачут на гитаре струны —
 Все враз, наперебой.

И скрестятся бокалы с ядом
 В последний этот час...
 Давно все сковородки ада
 Соскучились по нас.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Я родилась... Сирень кипела.
Сквозь кружева пелёнок
Отец немного ошалело
Взирал на странный свёрток.

С победным видом ветераны
Несли тюльпаны с рынка.
Скрипели так смешно и странно
Их новые ботинки.

А мне ещё неведом был
Жестокий вкус победы,
И сладкий запах вскрытых жил,
И горечь песни спетой.

Отцовский поцелуй-ожог
Горел над правой бровью...
И — целый мир лежал у ног,
Спелёнутых любовью.

* * *

Лишь на барыг от веку таровата.
Родную мать запродашь, любя.
Самара, ты ничем не виновата,
Что нет поэтов звонких у тебя!

Что и Есенин, и повеса-Пушкин,
Отговорившись тем, что недосуг,

Тебя, как дорогую побрякушку,
Страхнули с ног проездом в Оренбург.

Ну, кто поэтов-классиков осудит
За то, что не спешили в Жигули?..
Емелька, знать, покруче Стеньки будет.
Разбойники — и эти подвели!

Уж Берия старался, бункер ставил,
Тебе столичный статус приберёг...
Но и отец народов мудрый Сталин
Тобой в годину бедствий пренебрёг.

...Самара, ну, доколе можно злиться?
Доколе в затянувшемся бою
Всю спесь несостоявшейся столицы
Обрушивать на голову мою?

* * *

Между нигде и никогда
Осколком золотого детства
Ты вспыхнула, моя звезда,
Себя сжигая, чтоб согреться.

У смертной бездны на краю
В тумане лунной сулемы
Ты озарила жизнь мою,
Мне льдисто подмигнув из тьмы.

Сгорев сто тысяч лет назад,
Ты до сих пор, звезда моя,
Мне шлешь свой негасимый взгляд
Сквозь мрак и морок бытия.

Луч посылая в никуда
Средь заблудившихся планет,
На что надеешься, звезда?!
Страшнее жизни дара нет!

Подобно твоему лучу
Отвергнуть сеть земных орбит
Я не могу и не хочу...
Кто меньше знает — крепче спит!

* * *

Много грому да мало дождя...
Словно вёдра несущая баба,
Туча охает, прочь уходя
По небесным Господним ухабам.

Уж которую ночь подряд
До малейших деталей знакома
Охватившая замерший сад
Грозовая хмельная истома.

Здравствуй, месяц — сиятельный князь!
И тебе, свет мой ясный, не спится?
Ждёшь, что туча, вконец утомясь,
Долгожданным дождём разродится?

Разрыдается, брякнет ведром,
Уклоняясь от молоньи жгучей.
Безутешным соря серебром,
Свой ускорит конец неминучий.

Приголубясь у ней на груди,
Словно поздний ребёнок капризный,
Знать не знаешь, как горько, поди,
Расставаться с небесной отчизной.

Потому-то и смотришь с тоской —
Глупый, глупый! — на грешную землю,
Соблазнённый любовью земной —
Той, что я отродясь не приемлю!

* * *

На руинах рухнувшего храма
Шепчутся о вечности пески...
Что такое вечность, Согдиана?
Может быть, лекарство от тоски?

Кочевой тоски, пропахшей дымом
Массагетских сумрачных костров...
Клич царицы Томирис незримо
Сохранили мускулы ветров.

«Жаждал крови, так напейся вволю!..»
Томирис, о как же ты строга!
В бурдюке с персидской вражьей кровью
Царственная голова врага.

Голова поверженного Кира,
Преданного преданным слугой,
Попрана средь царственного пира
Женскою божественной ногой.

Вражьи жилы вытянет на струны
Массагета твёрдая рука,
Чтоб завыла кровожадно-юно
Азии двужильная тоска.

Узкоглазым муэдзином спета,
В азиатской хмари зоревой,
Где восходят в небо минареты,
Задевая небо головой!

* * *

Это однажды со мною случится...
Ласковый яшень в окно постучится.
Вздригнет притихшая бабка Акуля
В ночь на Купалу, седьмого июля.

Перекрестится. Наденет повойник.
Речка молочная брызнет в подойник.
Скажет Акуля, вдова-хлопотуха:
«Что тут было — ты только послухай!»

Что же тут было? А просто на спевки
В круг собирались окрестные девки.
И под окошком всю ночь, хохотушки,
Аж до утра голосили частушки.

Здесьние девки и впрямь голосисты.
Все до одной влюблены в гармониста.
Вечер от зорьки малиновой красен...
А гармонист всех любить не согласен!

Но что с того сиротливой вдовице,
Если ей в ночь на Купалу не спится?
Бабка Акуля протяжно вздыхает.
Боль застарелая не утихает.

Ты хоть утешь её, ласковый яшень,
В окна стуча, как соколушко-ясен,
Что на чужбине головушку сложил
И до седого июля не дожил.

Под залихватские песни гармошки
В доме вдовицы рыдают окошки...
И безутешно вздыхает Акуля
В ночь на Купалу — седьмого июля.

* * *

Выйду, сяду на крылечко...
Позабыв о том, о сём,
В темноте Почайна-речка
Обнимается с Днепром.
Погрущу при лунном свете...
Ну, когда же наконец
Ты ворвёшься, словно ветер,
Крикнешь мне: «Налей-ка щец!»

Скинешь новую поддевку...
 Лучше б был навеселе!
 Видно, засиделся в девках
 Первый парень на селе.
 То колядки, то гулянья,
 То купальский хоровод...
 У тебя, милёнок Ваня,
 Бабье лето круглый год!

Всю жизнь себя искала... А сегодня
 Лицом к лицу я встретила с собой.
 В Святое Воскресение Господне
 Придётся принимать неравный бой.

Не с теми я, кто сжёгши партбилеты,
 На шею резво нацепив кресты,
 Опять зовут, опять ведут нас к свету.
 И взгляды их надменны и чисты.

О да, чисты! Ну, прямо из химчистки.
 Перекрестившись тут и там, и сям,
 Они, номенклатурные очистки,
 Теперь псалмы гнусавет по церквям.

Нет! Сквозь елей церковных песнопений
 Я вижу: от молитвы горяча,
 Безбожница в четвёртом поколенье
 Слезами оплывает, как свеча.

Сжигает душу-живу, чтоб отныне
 На этом смутном страшном вираже
 И крестные, и красные святыни
 Единокровно ужились в душе.

Людских утешений не надо
 Моей безутешной любви...
 Скорбите со мною, цикады!
 Рыдайте со мной, соловьи!

Соперниц погубленных жалко.
 Я в пруд с головою войду:
 Там плещут хвостами русалки
 В моём воспалённом бреду.

К которой из этих колдуний
 Крадётся, как тать, в тишине
 В часы роковых полнолуний
 Мой свет ненаглядный в окне?

Угрюмый, дрожащий, отравный,
 Озябший на стылом ветру...
 Захлопну высокие ставни!
 От ревности лютой умру!

Нет-нет, ни зелёное зелье,
 Ни заговор-спас на крови
 Нас не исцелят от похмелья
 Безжалостной юной любви.

КИТАЙСКАЯ СЕНА

Кому лететь в обетованный край.
 Кому-то возводить домашний рай.
 А мне стоять китайскою стеной
 Под грозным небом Родины родной.

Спят небеса, прильнувшие к плечу.
 Я в мире легче ноши не хочу.
 Течёт сквозь время вечная река,
 Вскормив своею грудью облака.

Амур, Кубань и Терек, и Яик!
 Мне слух ласкает гордый ваш язык.
 И ваши грозные имена
 Слились в одно — Китайская стена.

Корнями в землю русскую выросла...
 И нет на белом свете ремесла
 Превыше этой связи корневой
 Меж вольным небом и родной землёй.

Покуда на груди спят облака,
 Я буду на земле стоять века...
 Пусть знает за моим плечом страна,
 Что я её китайская стена!

* * *

Неразделённая любовь
 России к Западной Европе
 Впитала всё — и боль, и кровь,
 И сладкозвучие утопий.

Любовь, низвергнувшая вдруг
 Патриархальную идею
 Под императорский каблук
 Петровской первой ассамблеи.

Любовь — гибель и тоска...
 Неразделённая? Тем больше!
 Картечь для русского виска.
 Шипящее коварство Польши.

Лукавый фряжский политес
 И сплин седого Альбиона,
 Словечко скользкое «прогресс»
 И — втопанная в грязь корона!

* * *

Я так живу, как будто не умру.
 Как будто не во сне, а — наяву,
 Где каждый встречный каждой встрече рад,
 Мне не любовник, не отец, не брат.

Но кто-то лужи ночью застеклил
 И тайно шепчет, что мне хватит сил,
 Что растоплю любую глыбу льда...
 И только ваше сердце — никогда!

* * *

Наполнен мой бокал на треть.
А ваш наполнен на две трети...
Однажды всё сравнивает смерть.
Нет ничего добрее смерти!

Последний лунный луч померк.
В свои права вступает вьюга.
Ваш детский лоб белей, чем снег.
Глаза черны, как от испуга.

Плесните мне ещё вина!
Слегка кислит вино из сливы...
Поверьте, жизнь была б скучна,
Когда бы были все счастливы.

Наполнен мой бокал на треть.
А ваш наполнен на две трети.
Вы говорите мне про смерть,
Не зная ничего о смерти.

Ах, эта дерзкая хандра
У русских мальчиков в почёте!..
Мой милый, вам понять пора,
Что от любви вы не умрёте.

* * *

Снег сойдёт... Ничего не останется
В этом городе душных ветров.
Научилась не петь, не упрячиться
И не видеть несбыточных снов.

Научилась терпенью и мужеству.
Пригодились стоять у стены.
О, мой друг, не пугайтесь, послушайте,
Неужели и вы — влюблены?

Юный друг, поседевший в скитаниях!
Вам высокая участь дана.
Если б знали вы это заранее,
Моего бы не пили вина.

Прочь ступайте. Блуждайте и бедствуйте,
И да будет вам ноша легка.
В тридевятом — моём! — королевстве
Так высоко плывут облака.

* * *

О, маргиане! Горе, горе нам!
Страшилище пустыни пожирает
дороги караванов, по которым
стремились чужеземцы в гордый Марг.
Был славен Марг! Подобно антилопам,
бегущим к водопою жарким днём,
купцы из Бактра, Согда и Хорезма
везли сюда прозрачный лазурит

и медь, и хорезмийские агаты,
свинец и бирюзу, и сердолик...
Здесь люди называли Согдианой
меня, как будто родину свою!
И кровь одна текла по нашим жилам —
священная, потомков Сиавахша.
И юноша с глазами цвета неба
глядел, как зачарованный, в мои —
чернее ночи и чернее ада...
и я его любила... может быть.
Или боялась? Вдруг расскажет всем,
какими прежде были голубыми
мои иссиня-чёрные глаза!
Но девочкой так долго и так страстно
глядела я в ночное это небо,
что даже если пристально теперь
смотреть на снег, глаза не посветлеют.
И так порой похожи на барханы
сугробы в среднерусском захолустье,
что, ущипните, я хочу проснуться!
Дикарскими монистами звенеть
и до утра молиться Заратустре.
Не пламенеть под взглядом македонца
подобно раболепной египтянке.
И жаркой кровью жертвенных животных
кропить убогий глиняный алтарь.

* * *

Душны твои объятья...
Ой, умереть с тоски!
Надену мини-платье
Да в сеточку чулки.

Ты мне твердишь про Бога,
А я люблю цыган,
Веселье и дорогу
В ближайший ресторан.

Что ты умеешь? Драться?
Взглянуть, чтоб — наповал.
Ты, окромя нотаций,
Что в жизни-то читал?

Твой нудный голос слышу...
И ясно до слезы:
Ты дождь, что долбит крышу.
Ни грома, ни грозы.

А я, прости, такая —
Люблю, ну, хоть убей! —
Грозу в начале мая
И буйством схожа с ней.

Золотые отшвырнув оковы,
По миру босое — Боже мой! —
Русское заплаканное Слово,
Ты идёшь с поникшей головой.

Не согреет мировая слава,
Не спасёт у жизни на краю...
Призывают вороны картаво
Сто смертей на голову Твою.

Расхрабрились, навалились скопом...
Что же, на миру красна и смерть!
Только всем Америкам-Европам
Всё равно Тебя не одолеть!

Бедами болезными Твоими
Русь живёт и крепнет, не шутя.
Ты у Божьей Матери Марии
Тайное любимое дитя.

Сколько б над Тобою ни клубились
Вороны в завистливой тоске,
Так и говорить не научились
На Твоём великом языке!

Не хулиганка и не истеричка,
А — юная июньская гроза.
Нахмурилась, чиркнув по небу спичкой,
И пролилась горячая слеза.

Поплачем вместе, грозная сестрица...
Ты всем дала сегодня прикурить!
Ты так юна, что мне и в снах не снится
Весенняя твоя шальная прыть!

Застань меня врасплох во чистом поле,
Слезами мне колени окропи...
А как ты хочешь? Наша бабья доля —
Плачь, громыхай, а всё равно терпи.

Покуда, как пират, Перун пирует,
Пока он рвёт и мечет, и громит,
Его подруга плачет, негодует
И грозно сковородками гремит.

Вам мало было знать — по вас страдают.
Насмешник, вам хотелось это видеть!
Навстречу дверь с улыбкой открывает
Та, что должна бы вас возненавидеть.

Пушистый кот о ноги ваши трётся.
Он помнит вас с тех пор, как был котёнком,

Она готовит кофе и смеётся.
Но как-то слишком весело и звонко.

Вы представляли это всё иначе.
Совсем иначе представляли это!..
Вас проводив, она слегка поплачет
И зло докурит вашу сигарету.

* * *

Обсевком во поле родном
Цвету назло всему.
И как я преуспела в том?
Поныне не пойму!

Не обозлилась. Не спилась.
Не скурвилась — Бог мой! —
Пока лоснящаяся мразь
Глумилась над страной.

* * *

Я речушка по имени Чу.
Я впадать никуда не хочу.
Что мне ваш золотой Иссык-Куль?
Он мелеет, лишь грянет июль.

Я бегу-убегаю туда,
Где жара, где полынь и беда.

Тихо таю в солёных песках.
Стынет соль сединой на висках.

Мы живём, чтобы таять... Что в том?
...А пока что запёкшимся ртом
Кто-то пьёт из меня забытьё
И в бреду шепчет имя моё.

* * *

Вот-вот мой звёздный час пробьют куранты!
Ни слова о любви не говоря,
Я сто столетий прождала вас, Данте!
Он мне с улыбкой отвечает: «Зря!»

Моей тюрьмою стал высокий терем...
Так, брошенная в омут вечных вод,
Кифара, разлучённая с Орфеем,
Томила сто столетий напролёт.

Я не ревную к юной Беатриче.
Да и к жене негоже ревновать...
О, мало ли какие там обличья
Порой любовь способна принимать!

Звучит средневековое анданте
У флорентийских золотых ворот...
Я сто столетий прождала вас, Данте!
Никто на свете столько не живёт!

* * *

Освободившись из объятий стужи
И небеса дразня голубизной,
Торопятся Татьяна и Кривуша
В объятия Волги — матушки родной.

Ну, как две капли в мать — голубооки
И глубоки, их вброд не перейти!
И холодны весной, как недотроги.
И всё сметают на своём пути.

Когда печаль-тоска сжигает душу
И Волга-мать за далью не видна,
Часами на Татьянку и Кривушу
Любуюсь из высокого окна.

Сияя русской красотой неброской,
Застенчиво лаская скорбный взгляд,
Они, в отличие от подруг заморских,
Ни рублика не спросят за погляд.

* * *

Прокрусты, прохвосты, пройдохи,
Правители — вам повезло!
Как лобное место эпохи,
Закатное солнце взошло.

Под вопли кликуш и ничтожеств,
Тягающих лакомый кус,
Лежит на прокрустовом ложе
Слезами залитая Русь.

Завет, остающийся в силе, —
Как скоро он нами забыт! —
Дорога к Великой России
Через лобное место лежит.

Мы пленники собственной дани,
И, видно, иначе нельзя...
Кровавая ось мироздания —
Славянская наша стезя!

* * *

Не жаль мне веселивших ножку
Атласных бальных башмачков.
Не жаль отцветших понемножку
Твоих агатовых зрачков.

Не жаль портрета в медальоне,
На коем выцвела финифть,
И слов твоих, что в котильоне
Шепнул, не смея повторить.

Не жаль мне пыльных фолиантов,
Мной не прочитанных ничуть.
Не жаль картечи бриллиантов,
К тебе слетавшихся на грудь.

Не жаль изношенного тела,
Поднадоевшего давно...
...А жаль — мазурки, что кипела
В крови, как юное вино!

* * *

Скоро пробьются и зазеленеют
 Сныть, одуванчики и лебеда.
 Сытый голодного не разумеет.
 Старая истина, как молода!

Тысячи солнышек вспыхнут над скудью,
 И распалится крапива всерьёз.
 И с облегченьем вздохнёшь полной грудью,
 Щурясь от света и радужных слёз.

До холодов распрощавшись с бедою,
 Снова надежду лелея в душе,
 Хлеб испечёшь пополам с лебедою,
 Злую крапиву уваришь в борще.

Горечь земли заключая в объятья,
 Вновь обретёшь лучезарный покой...
 Это ль не лучшее противоядьё
 Сердцу от горькой судьбины людской?

* * *

Родимое степное Оренбуржье,
 Не ты ли подрезало мне крыла?
 Твоя колючка дикая верблюжья
 Не от моей ли крови расцвела?

Что хочешь делай! Но верни, верни мне
 Хотя бы остов золотой мечты,

Хотя бы прах испепелённых гимнов,
 Что были рождены для высоты.

Не оттого ль моя судьба недужна,
 Что в ней востока с западом борьба?..
 Я, как колючка горькая верблюжья,
 Одна на два разорвана горба.

Что было сном, насущной стало быльёю.
 Вовек не скрыться от своей судьбы!
 А за спиной подрезанные крылья
 Дымятся, как верблюжие горбы.

Восток и запад! Вас кляню взаимно,
 Как ржавый остов золотой мечты,
 На коем расцветают диким гимном
 Степные оренбургские цветы.

* * *

Над стихами склонившись моими,
 Мой читатель, забудь обо мне!
 Я, по ветру пустившая имя,
 Заслужила такое вполне!

...Сытой сворой проклятьями дружно
 Сотрясались окрест небеса...
 Даже те, кому вовсе не нужно,
 Подвывали на все голоса.

И у них от священного зова
Многоликой лукавой луны
Угрожающе дыбилась снова
Первобытная шерсть вдоль спины.

В этом вражьем воинственном вое
Вдохновенья великий исток,
Если зов мой, задев за живое,
Непритворные звуки исторг!

Я, пустившая по миру имя,
Многоликой подобна луне...
Над стихами склонившись моими,
Мой читатель, поплачь обо мне!

* * *

Окольцевал лебяжью руку.
Поцеловал меня в уста.
Подёрнулась туманной скукой
Отвергнутая высота.

Что, право, может быть чудесней,
Презрев заоблачную стать,
Рукой, парившей в поднебесье,
Пылинки с милого собирать?

Почто же царственные птицы
По осени и по весне —
Мои лебёдушки-сестрицы
Гортанно плачут обо мне?

Я провожаю до порога
Свою небесную судьбу,
Печально озарив дорогу
Звездой, гаснущей во лбу.

И, всплеснувшая руками,
Вдруг выбегаю на крыльцо...
Но не даёт взлететь, как камень,
Твоё тяжёлое кольцо.

* * *

Не стал мне другом, стань врагом!
Непримирим, немногословен,
Топчи железным сапогом!
Ты и на это не способен...

Невольню ахнет люд честной.
Так перевозданно и сурово
Качнётся в небе надо мной
Луны калёная подкова.

Её сама своей рукой
Я и ковала, и прибила
На сапожок, что, враже мой,
Тебе, как другу, подарила.

Пускай, звеня в твоей судьбе
И насмехаясь над луною,
Удачу принесёт тебе
Подкова, кованная мною.

* * *

Даль беспросветная.
Грязные лужицы.
Лист опадает к усталым ногам.
В небе над городом
Вороны кружатся...
Сверху им всё-то видней, чем нам.

Лист опадает,
Словно подстреленный.
Солнце и греет, и холодит.
Век двадцать первый,
В столетьях затерянный,
Вновь за окошком, как данник, стоит,

Век мой растоптанный.
Век мой заплёванный.
Век мой с протянутой нищей рукой.
Медленно кружатся
Тучные вороны
Над уходящей под землю рекой.

Тучи лучами осенними вспороты.
Вены забвению отворены.
Ветер забвенья гуляет над городом,
Не досмотревшим весенние сны.

* * *

Схоронила я душу в девятнадцатом веке.
Медяками закрыла ей светлые веки.
С той поры лишь по ней возносила рыдания.
И за это не жду для себя оправдания.

Откружилась она на блистательном бале.
Эполеты поклонников ей отсияли.
Проводил её взглядом с рассеянным вздохом
Тот, чьим солнечным гением вспыхнет эпоха.

Он-то знал: отгорят на балу эполеты.
И метель зазмеится по белому свету.
Погребёт под собой и любовь, и надежды.
Жгучим снегом засыплет искристые вежды.

Истомится больная душа, изведётся.
Станет пятна искать на сверкающем солнце.
Перебесится и завещает: «Простите!
С моим солнечным веком меня отпустите!»

Закружусь я, как встарь, на блистательном бале.
Нет, не все эполеты ещё отсияли!
Мне целует запястье с рассеянным вздохом
Тот, чьим солнечным гением светит эпоха.

И взамен не нужны мне ничьи оправдания.
И пускай не кончается это свиданье...
Схороните меня в девятнадцатом веке,
Чтоб двадцатый — кровавый! — не видеть вовеки.

* * *

Век юных флигель-адъютантов,
Глядящих дерзко и в упор
Сквозь блеск парадных аксельбантов
И звоны лейб-гвардейских шпор.

Себя растративший в забавах
Великосветский вертопрах,
Отобразившийся в лукавых
Венецианских зеркалах.

Отравлен галльским скептицизмом,
Плетёшь вприхлёб с вином клико
Измены в стиле классицизма,
Интриги в стиле рококо.

Напудренный и разодетый —
Камзол, ливрея, экипаж —
Галантный век Елизаветы —
Запутавшийся в шлейфе паж.

* * *

Не тычьте мне в глаза, хохол и русский!
Не льстите мне, татарин и уйгур!
Что взгляд мой на Россию слишком узкий:
Я с детства на неё смотрю вприщур.

Я пристально прицеливаюсь глазом...
Так издревле ордынцы на Руси

Приценивались к северным алмазам,
Лежащим у неё на небеси.

Им завсегда внушало чувство страха
Нависшее над бритой головой,
Тяжёлое, как шапка Мономаха,
Созвездие Медведицы Большой.

* * *

Купите ошейник, и я буду вашей собакой,
Чтоб вас по утрам громким радостным лаем
будить,
Лизать вас в лицо, если будет вам нужно
поплакать,
Пинки получать, попадаясь на вашем пути.

Мне нужен ошейник... На что это, право, похоже?
У всякой хозяйской собаки на шее такой.
Купите ошейник из мягкой шагреновой кожи:
Тепло и приятно случайно коснуться рукой.

Из мягкой шагреновой кожи, которая тает.
Да так, что ничем не смущает ничью тишину.
Смотрела в глаза и была вся такая ручная,
Но вдруг, протрезвев, стала выть-голосить
на луну.

Теперь бесполезны замки и высокие ставни.
Затворены двери, но душу нельзя затворить.
Как сладко, хозяин, вливаясь в родимую стаю,
Весеннюю воду из лужи сиреновой пить!

ГУЛЯЩИЙ ВЕТЕР

Мне всё равно, мне всё равно.
Мне до рассвета слышно,
Как бродит в погребе вино
Из прошлогодней вишни.

А милый бродит по Москве.
Он не сидит со мною.
Гулящий ветер в голове
У милого весною.

Гулящий ветер мне в окно
Порывисто стучится.
Душа, как в погребе вино,
Вздыхает и томится.

Перетомясь, перебродив
Хмельной и мутной спесью,
Душа придумает мотив,
Душа затянет песню.

Среди рассветной синевы
Её подхватит петел...
У милого из головы
Уйдёт гулящий ветер.

Заглянет солнышко в окно,
Душа огнём займётся.
Созреет в погребе вино,
И милый возвратится.

И вспомнит, голову клоня
Над рюмочкой нелишней,
Как крепко целовал меня
Под прошлогодней вишней.

* * *

Ты всегда как будто снег на голову...
Да кому в июле нужен снег?
Тихо бродишь ты один по городу,
Всё ещё не веря в мой побег.

Пусть друзья из вздрогнувшего прошлого
Рюмку водки поднесут тебе.
Выпей молча за меня, хорошую!
Ведь была же я в твоей судьбе!

Выпей за меня, за непутёвую
С кипюю стихов наперевес,
Что смеялась, запрокинув голову,
Смехом, долетавшим до небес.

Выпей за далёкую туманную
Полуотстранённую уже.
Да за жизнь свою, за окаянную,
На тридцатилетнем рубеже.

* * *

Оренбургский хрен, ты не слаще самарской
редьки,
Сколько липовым мёдом тебя и её ни сласти...
Разведусь я с поэтом, и уйду я в народ,
То бишь к дворнику Федьке...
Надо ж как-то свою одичалую душу спасти?
Буду двор с ним мести по утрам, собирать
стеклотару,
Звать по имени-отчеству всех безымянных
жильцов...

Один хрен-Оренбург променяла
на редьку-Самару
И в ломбард заложила венчальное чудо-кольцо.
Буду лестницы мыть и, быть может, однажды
забуду
Малахольного мужа-поэта, что в мире продрог...
Ты катись-ка, кольцо, по пустому фамильному
блюду.
Ты лети сквозь кольцо, оренбургский пуховый
платок.
Ты прости, ты прости, ты прости меня, сирое
сердце,
Что навек заблудилась однажды на грешной
земле.

Коли счастья уже не догнать,
Так хотя бы согреться,
В остывающей мгле на чилижной летая метле.

* * *

Лишь она среди своих товаров
Обошлась без половодья слёз,
Принимая свадебный подарок —
Тернии взамен душистых роз.

Слушала, потупясь виновато,
Гордый твой дикорастущий стих.
А потом смущённо диковато
Расцвела в объятиях твоих.

Женским обожанием увенчан,
Ты избрал в подруги тишину...
Легче было покорить семь женщин,
Чем, узнав, забыть её одну.

* * *

От любви до ненависти — шаг...
Что-то не даётся он никак
Мне, рождённой верить и любить,
И беспечно в небесах парить.

От любви до ненависти — шаг!..
Злая брань не виснет на ушах.
В небе растворяется, как дым.
Ненависть оставлю молодым.

Что мне, старой дуре, делать с ней?
Ненависть для молодых нужней!

* * *

Плуг. Ярмо. Секира. Чаша...
Вот и вся премудрость наша.

Остальное — груда слов,
Что придуманы не нами.
Непосильный дар богов,
Коему цены не знаем.

Запрягаемся в ярмо.
Землю пашем отчим плугом.
Чашу с праздничным вином
Запускаем вновь по кругу.

В дружбе, верности, любви
Мы клянемся хлебом-солью...
И — секира, вся в крови,
Зависает над застольем.

* * *

Судьбы драгоценный подарок —
Вечерняя Волга... За ней
Мерцает ночная Самара,
Как горсть самоцветных камней.

Восторги купальщиков поздних
Доносятся аж до крыльца.
И сочные спелые звёзды,
Как вишни, висят у лица.

Под пенье дремучей калитки,
Смирняя душевную дрожь,
Беспечным младенцем с улыбкой
Небесной дремоты вдохнёшь.

Тот путь, что тобою был пройден,
Стал Млечным Путём, говорят...
А взгляд черноглазых смородин
Не есть ли твой истинный взгляд?

* * *

В смертельной истоме осенней поры
Бывает пора и такая:
Как в райских садах наливные дары,
Друг к другу щекой приникаем.

В прозрачной тиши всё слышной
и слышной
Падений протяжные звуки...
О, горестный всплеск материнских
ветвей

В минуту последней разлуки!

Строптивые отпрыски отчих деревьев,
Случайно слетевшие наземь...
На нас лунный серп, пожиная посев,
Напорется, словно на камень.

* * *

Не надо любви взаимной.
 Взаимная — мне скучна!
 Пройдите спокойно мимо
 Распахнутого окна.

Пройдите и не оглянитесь,
 Как юность проходит в глуши...
 Каким вы красивым мне снитесь!
 Вы в жизни не так хороши.

Расправив трухлявые плечи,
 Вам вслед подбоченились пни,
 Сирени рванулись навстречу,
 Потупился ландыш в тени.

Зарделись и затрепетали
 Кусты увядающих роз...
 И след ваших пыльных сандалий
 Сквозняк лепестками занёс.

* * *

Вновь сердце хочет вырваться из клетки
 При виде изумрудных куполов.
 Бьют по щекам платановые ветки,
 И смолк вдали трезвон колоколов.

И хочется с тобой навеки слиться,
 Века выдавший виды минарет...
 Сегодня азанчи поют, как птицы.
 Вот так они не пели много лет!

Здесь в полнолуние явственнее стоны
 Моих сестёр, что в стенах башен спят.
 Суровы шариатские законы.
 Законы шариата не простят.

И, как волчица, зализавши рану,
 На всё вокруг теперь смотрю в упор,
 Ведь венценосней не было тирана
 В моей душе с тех стародавних пор.

* * *

Эх, дородна, матушка-Самара!
 Здесь в чести купеческий уют.
 Матушке-Самаре я не пара.
 Нищим здесь, увы, не подают.

Для меня ты и такая — праздник!
 За тебя хоть в омут, хоть в огонь,
 Серебрит мороз — седой проказник —
 Мне мою развёрстую ладонь.

Прячься за вуаль от взоров шальных...
 Бог с тобою! Я не жду чудес,
 Кутаясь в морозный полушалок
 Выцветших простуженных небес.

Не вступлю с тобою в поединок...
 Господи, тебя благослови!
 Служат мне подошвами ботинок
 Мостовые стёртые твои!

* * *

Не гордая опальная принцесса.
 Не ледяной космический вулкан...
 Строптивая, как правда, поэтесса,
 Которую зовут Диана Кан.

Которую зовут? Побойтесь Бога!
 Скорее гонят истово взашей.
 У истины поклонников немного.
 Поклонников полно у миражей.

* * *

Где набраться гордости и силы
 В горле заглушить бессильный стон?..
 — Где вы были? — тихо я спросила.
 — Был в Аду, — ответил молча он.

Не дойдя три шага до порога
 И венец терновый теребя,
 Улыбнулся: «Я искал там Бога,
 А нашёл лишь самого себя».

Вечность у раскрытой настезь двери
 Простояли мы — к лицу лицом.
 Усмехался Данте Алигьери,
 Осенённый лавровым венцом.

С каждым днём всё более сурово
 Всё глядит, глядит он со стены...
 Божьи лавры со времён Христовых
 Терниями переплетены.

* * *

Коварный цветок-декабрист!
 Безжалостной русской зимою
 Вдруг вспыхнешь, зловеще лучист,
 Мятежной масонской звездой.

Дурманный душистый цветок —
 Свидетель дворянских бессонниц!
 В цветенье своём одинок
 Ты, узник золотых подоконниц.

О, знаешь ли ты, при луне
 Ловящий паркетные блики,
 Как солнцем полны по весне
 Просторы Отчизны великой?

Как жадно вздыхают поля,
 Приемля исконное семя.
 И полнится светом земля,
 Неся урожайное бремя?..

...Какой ещё новой бедой
 Ты бредишь, цветок окаянный?
 Люциферианской звездой,
 Кровавой звездой осиянный.

ЗВЕЗДА ПО ИМЕНИ ЗУХРА

Сияет в небесах Венера...
 Она для дочки офицера —
 Её небесная сестра,
 Но на азийском небосклоне —
 Здесь, на армейском полигоне,
 Её зовут звезда Зухра.

Отец... Вернётся он не скоро —
 То на ученьях, то на сборах.
 Я без отца всегда грущу.
 Звезда с погона офицера —
 Звезда любви Зухра-Венера!
 Тебе разлуки не прощу!

Есть три дыры на белом свете
 (В чём усомнятся разве дети) —
 Термез да Кушка, да Мары...
 Прости, Зухра, звезда-подружка,
 Что вновь мокра моя подушка
 От жарких слёз, не от жары.

Я выпросталась из пелёнок.
 И я не взбалмошный ребёнок,
 Что хнычет, услышав запрет.
 Мне ль проклинать дыру вселенной,
 Коль хлещет из неё нетленный
 Небесный несказанный свет?

Моя любовь, надежда, вера.
 Моя небесная сестра.
 Звезда с погона офицера!
 Сияй во мраке до утра.

Моя прекрасная Венера —
 Звезда по имени Зухра.

* * *

Поздравленья так кратки и редки.
 Росчерк букв оскорбительно твёрд.
 Содержание почтовых конвертов
 Мне известно, увы, наперёд.

На открытке широкие вязы.
 Тишина. Ледяной перезвон.
 Древнерусской загадочной вязью
 Разрисованы стёкла окон.

С Новым годом!..
 Неужто короче
 на год жизнь? Занемееет рука...
 О, никчёмность затверженных строчек:
 «Очень занят. Целую. Пока...»

Раздражённая и неживая,
 Между них пустота залегла.
 Ведь давно понимала — чужая.
 Понимала. И всё же — ждала!

* * *

Черноглазый Меджнун, разлучённый с Лейли.
Белокурый Ромео, влюблённый в Джульетту.
Кто бы плакал о вас, если б вы не прошли
Через кровоточащее сердце поэта?

Обветшалых времён проржавелая кровь
Рассыпается в прах, осыпается в Лету...
Кто бы знал, что на свете бывает любовь,
Если б не кровоточило сердце поэта?

* * *

Ну, как мы с тобой не устали
К фонарным столбам ревновать,
Цветы покупать на вокзале,
Ложиться в пустую кровать?

Ведь было же — полною чашей
То озеро у наших ног.
И тот, ну, как будто вчерашний,
В Боамском ущелье поток.

И тот старичонка занятный
(Ты звал его просто «аке»),
Что пел о любви на понятном
Ему одному языке.

Скуластые лица киргизов.
Ряды голубых тополей.
И — принятый мною, как вызов,
Взгляд женщины, мамы твоей.

* * *

Мой юный друг, что вам во мне?
Ведь вы летаете во сне!
А я уже не полечу —
И не могу, и не хочу.

Вам снятся розовые сны,
А мне дожить бы до весны.
Увидеть бы, как тает лёд,
И наш, уральский, ледоход.

В доме у вас так много книг,
А я не вижу проку в них.
Милей мне склянки и духи,
И горсть блестящей чепухи,

И звуки танго при луне,
И первый, кто придёт ко мне.
(Но это будете не вы
Иль не сносить вам головы!)

Потом? Поблекнут имена.
Была я также влюблена.
И были розовыми — сны.
Живите долго — до весны!

* * *

Июньского дождя стокатто
 Наполнило стаканы всклянь...
 Неумолимая соната.
 Неугасимая герань.

А не пройтись ли нам по парку,
 Как в детстве? Кто сказал: «Нельзя?»
 Что ты тарачишь — в цвет фиалки —
 Непревзойдённые глаза?

Я замужем... Какая скука!
 И ты женат... Не всё ль равно?
 Мне предложи скорее руку,
 Ты сердце мне отдал давно.

Не вздор. Не прихоть. Не кокетство.
 Не флирт. Не блажь...
 Чего ж мы ждём?
 И не целуемся, как в детстве,
 Под этим проливным дождём?

* * *

Били воблой по столу.
 По стаканам пиво лили.
 Всё рвались спасать страну.
 Президентов материли.

Из закуски — хрен да шиш.
 На столе — окурков блюдце.
 Вот уж зашумел камыш,
 Вот уже деревья гнутся.

Потерпи, Россия-мать!
 Много ли ещё осталось?
 Пива литров двадцать пять
 На троих — такая малость!

Не качай камыш, река!
 Деревя, замрите строем!
 Вот сейчас рванём пивка
 И — Россию обустроим.

* * *

Я только гостья, и нигде
 Не буду я своей.
 Истлеют кости. На воде —
 Сплетение ветвей.

Летит крылатая строка,
 Чтоб выклевать мне грудь.
 И — ни дождя, ни ветерка,
 Ни крикнуть, ни вздохнуть...

Ни вас, кого почти люблю.
 Я только ради вас
 Весь этот тусклый мир терплю
 Уже в который раз.

Кабы знала я, как сладки
Станут мне спустя года
Вашей ревности припадки,
Ваше злое «Никогда!»,

Дверью хлопанье и даже
Те, бледнее день за днём,
Отпечатки пальцев ваших
На запястии моём.

Я скажусь больною
И прикрою дверь.
Вечер весь за мною
Ты следил, как зверь.

Где-то воют волки
На мою луну..
Я храню осколки
Всех, кто был в плену.

Я не воск, не глина,
Не глоток воды..
Эти ночи длинны.
Долго ль до беды?

То пора охоты —
Дикой и ночной.
Ах, как беззаботно
Ты шутил со мной!

Вернулся ты, и я вдруг ужаснулась.
О, не тебя я столько лет ждала!
И не с тобою в жизни разминулась,
И не тебя в тот вечер прокляла.

Не ты глядишь с заветного портрета,
И голос, что стоит в ушах, не твой..
Но ты вернулся, чтоб отнять и это.
Тебе зачем-то нужен мой покой.

Мой тихий дом обходят нынче гости.
И дождь стучит. И самовар простыл.
Ты чаю, как прощенья, попросишь
И тихо скажешь: «Мимо проходил...»

УТРО

Печально вздыхают наяды
Над гладью зеркальных озёр.
И шепчутся девы-дриады,
Предчувствуя смертный топор.

Под сенью оливы зелёной
К ручью наклоняется вниз
В своё отраженье влюблённый
Античный красавец Нарцисс.

И нимфа-насмешница Эхо
В предутренней знобкой тиши
Порой откликается смехом
На крик истомлённой души.

* * *

Восточный ветер — вечный странник-дервиш,
 Пропахший погребальной золой,
 Опять скребётся в створчатые двери,
 В окошко машет пыльной полой.

О, вездесущий, где он только не был!
 И даже там, где, словно явь с мечтой,
 С поверженной землёй сомкнулось небо
 Недостижимой смертному чертой.

Он в ветренности вечной одинаков —
 Могильным пыльным прахом занесёт
 Проклятье хорасанских падишахов,
 Ушедших за бактрийский горизонт.

Там, заживо погребена в темнице,
 Лишённая владык своих и слуг,
 Моя душа томится, словно птица
 Бессмертная и вещая — Симвург.

* * *

Его монаршие замашки
 И ненавижу, и люблю.
 Полуподросток-замарашка,
 Тайком томлюсь по королю.

Он осторожен. Осторожен!
 О самом главном он — молчок.
 Тоскует по чумазой ножке
 Хрустальный звонкий башмачок.

* * *

«Прости меня!..» — кричу вдогонь,
 От ветра заслонясь.
 Но в степь уносит чалый конь
 Тебя, мой юный князь!

Уносит прочь мою судьбу
 Твой верный чалый конь
 С каурой вызвездью во лбу,
 Рождённый для погонь.

Лишь ветер с губ моих сорвёт
 Любви напрасный зов.
 Небесной пылью занесёт
 Певучий след подков.

И будет сниться в вещих снах —
 Таких, что свет немил! —
 Стремян порожних перезвяк
 Да перезвон удил.

Когда же через тыщу лет
 Обрато долетит
 Прощальным эхом твой ответ:
 «Родная, Бог простит!..» —

Приблудный ветер — твой дружок,
 Что весточку принёс,
 Покорно ляжет возле ног
 И заскулит, как пёс.

НАДПИСЬ НА ФОТОГРАФИИ

Простите, что теперь я рядом
И что совсем вдали.
За то, что становилась ядом,
Когда к губам несли.

Что с каждым годом всё моложе
Гляжу я со стены,
Невольно ваши дни итожа,
Прокрадываясь в сны.

Простите ласковые речи —
И в шутку, и всерьёз.
Простите мне глаза и плечи,
И блеск моих волос.

Что истомила долгим взглядом,
И что замкнулся круг.
Что не растопит пламень ада
Моих холодных рук.

Простите, что учусь на «тройки»,
С врагом делю обед,
Что вы, такой морально стойкий
Столичный почвовед,

Не говорите комплиментов,
Не любите стихов,
Что вы, наверно, самый смертный
Из всех моих грехов!

* * *

Восторженный девичий возглас.
Озноб черёмуховых вьюг.
Неплюевский кадетский корпус.
Весна. Присяга. Оренбург.

Эпоха верности старинной!
Замедли свой державный шаг
В кругу надменных кринолинов
И намертво скрещённых шпаг.

Пусть честь и доблесть, и победа
Ведут по жизни сыновей.
И чепчики взмывают в небо
Искристой стайкой голубей.

Где светом радужным лучится
Душа Воскресшего Христа...
Она, святая голубица,
Как Русь цветущая, чиста!

* * *

Раздольная русская грусть
Осенний простор осенила...
Я знаю её наизусть —
Неволя, недоля, могила.

Летит над заблудшей землёй,
Теряясь в заоблачной сини,
Всесильная, словно пароль,
Исконная песня России.

В ней всплеск половецкой камчи,
 Ямщицкая боль-безысходность,
 Сиянье царьградской парчи,
 Угрюмых полей худородность.

Рыдает она и звенит
 На русском, лихом порубежье...
 И — рвётся в кромешный зенит,
 Как рвутся в объяття медвежьи.

Где-то за речкой,
 За говорушкой,
 С грустью сердечной
 Плачет кукушка.

Голос взлетает —
 Протяжно и звонко,
 Ищет, зовёт
 Своего кукушонка.

Словно надеется,
 Верит во встречу...
 Жалобный голос
 Плывёт по заречью...

И над опушкой,
 Где светят опята,
 Плачет кукушка
 Во мгле виновато.

Табынская икона Божьей Матери!
 Дожди хлестали Твой пресветлый лик...
 Вилась дорога поминальной скатертью,
 Вела за ледяной Карасарык.

Рубцом легла передовая линия
 Последней бранной воле вопреки,
 Где, как лампасы яицкие синие,
 Китайские сияют ледники...

...Ужель забыл про атамана Дутова
 Высотками застроенный Форштадт?
 Яицкий ветер не окреп покудова,
 И корни русские во льдах азийских спят.

Прощаю вас, дома многоэтажные,
 За то, что, вырастая без корней,
 Вы вознеслись, надменные и важные,
 Над стороной растоптанной моей.

Средь суеты станичной вдруг почудится:
 Не помнящий ни дедов, ни отцов,
 Сидит малец на лавочке и щурится
 На цепь чужих заснеженных венцов.

Но если приглядеться вдаль внимательно,
 Сверкнёт во мгле мерцающий ледник —
 Табынская икона Божьей Матери,
 То светит Твой неугасимый лик!

Подошёл. Ресницы опустил.
Наклонился долу.
Робкие кувшинки положил
К моему подолу.

Он сказал: «Я видел вас вчера;
Вы купались... Вы не рады встрече?»
Он сказал: «Прохладны вечера...»
И накинул мне пальто на плечи.

Стала даль упряма и чиста,
И заклято ала.
С чешуи змеиноного хвоста
Тишина стекала.

Я сидела с ним на берегу,
Глаз поднять не смела.
Я клялась ему, что сберегу
Голубое тело.

Заживём в кувшинковом раю,
Милый мальчик, всем другим на зависть!..
Бедный мальчик, баюшки-баю...
Я в реке живу, а не купаюсь.

Закованный в божественный металл,
Послушливый властителюному грому,
Алмаз на пальце молнии метал,
Когда я руку отдала другому.

Ах, не о том ли в рыцарских веках
Имеется печальное присловье,
Как остывают клятвы на устах,
Скреплённые неверной женской кровью?..

«Неверная!..» В любые времена
Летели вслед искристые каменья...
А я была неверности верна,
Уверовав в своё предназначенье!

Быть может, яхватила через край,
Но лишь затем, чтоб крайней не остаться.
Из-за меня Адам покинул рай
И не спешит обратно возвращаться.

Наперсница любовного огня,
Готова я стерпеть любую муку...
Кто упрекнёт в неверности меня,
Тому сама вложу я камень в руку.

И не о том ли, милый, ты мечтал,
Чтоб лишь тебе — и никому другому! —
Алмаз на пальце молнии метал,
Закованный в металл подобно грому?..

* * *

К священному приникши изголовью,
 К отверстой ране припадая всласть,
 Упейтесь золотой славянской кровью,
 Что хлещет вам в оскаленную пасть.

Удавка — ересь чёрная — змеится.
 Скорбят берестяные письма.
 Георгия победная десница
 С карающим копьём занесена.

Покуда медлит, наклонившись низко,
 Калёное имперское копьё,
 Вампирствуйте, исчадья василиска,
 Превознося ничтожество своё!

* * *

А хочешь, я свои грехи
 Возьму и обращаю в стихи —
 В собранье сочинений
 Сердечных огорчений.

И появленье горьких строк
 Ты мне простишь... Ты мудр и строг!
 Так испокон ведётся.
 Пусть превращаются грехи

В созвучия... Мои стихи —
 Печаль на дне колодца.

На дне колодца — тишина.
 А на дворе — почти зима.
 Ленивая, густая,
 Вода с ведра стекает.

* * *

Я мечтанья о несбыточном оставила.
 Закудыкала сама свои пути.
 Заколодела дорожка, замуравела...
 Не проехать, а тем паче не пройти!
 Как же вышло так?
 Я шла в первопрестольную
 Мимо логова шального соловья...
 Почему же оказалась вдруг окольной
 Прямоезжая дороженька моя?
 По камням, по стерне и по болотинам,
 По угольям изошедших светом звёзд
 Неужели это мною было пройдено
 Тьмы и тьмы непроходимых русских вёрст?
 Мимо тучных заливных лугов некошенных,
 Мимо вскачь и вдаль несущихся веков...
 Неужели это мною было сношено
 Ажно десять пар несносных башмаков?
 ...Глажу, словно малых деток по головушкам,
 Грустным взором золотые купола...
 И свистит вдогонку мне шальной соловушка,
 Выжигая землю отчую дотла.

* * *

Вились по ветру волосы,
Похожие на дым.
Звук собственного голоса
Казался мне чужим.

В чужих руках истаяла
Ледышкой ладонь...
Я стала старой тайною,
Которую — в огонь!

Я отравилась ладаном
Последнего письма,
Сама собой разгадана
И — приговорена.

* * *

То бранная, то бражная потеха...
Ох, суженый! Тебе не до меня!
На отчий двор, ишь, не успел заехать,
Уже велишь седлать тебе коня.
Вновь меч востришь. Любуешься подпругой.
И жеребца за холку теребишь.
Когда же ты возьмёшь меня за руку,
Рядком-ладком со мною посидишь?
Я жду-пожду. Ты заполночь вернёшься.
С утра проснёшься — снова был таков!
Да что ж ты из моих объятий рвёшься,
Как будто бы из вражеских оков?

Твои друзья, когда напьются в стельку,
Кричат: «Ты променял нас на жену...»
И не честней ли был разбойник Стенька,
Что утопил персидскую княжну?!

* * *

Мужчин меняю, как перчатки...
Чтоб не иссяк огонь в крови,
Не оставляю отпечатки
Своей любви на их любви.

За тысячу мужских бессонниц
Одной слезой не заплачу...
Пусть ледовитые ладони
Сжигают замшу и парчу.

Мне дёгтем выпачкают платье,
Но бровью я не поведу —
Сквозь ад признаний и проклятий
Несу небесную звезду.

Не расплескать бы этот звонкий,
Тобой во мне зажжённый свет,
Когда восторженной девчонке
Ты ласково ответил: «Нет!»

...Мужчин меняю, как перчатки,
Пока горит огонь в крови.
Но — проступают отпечатки
Твоей любви на их любви.

* * *

Я приеду гостьей
В детство и пойму
С изумлённой злостью:
«Я здесь ни к чему!»

Городок мой! Жалость
Ты мою отверг.
Без меня ты также
Вширь растёшь и вверх.

В узеньких арыках
Весела вода.
Помнишь, звали дикой
Здесь меня всегда?

По камням, по стёклам,
В сердце — сорок дыр...
Дай обнять твой тёплый
Глиняный тандыр.

* * *

Глядеть готова до утра
(Зачем свинцово тяжки веки?),
Как ты стоишь среди двора
В расшитой мною тубетейке.

Какой-то крошечный сюжет
Мне год от года всё дороже.
В душе — печаль. Ей сносу нет.
А может быть, и — быть не может.

Пускай я прах дорог твоих.
Пусть ты попрал его ногами.
Пускай я лгу... Но этот стих
Правдивей моего дыханья.

ПОДОРОЖНАЯ

С нами Бог, а за нами — Россия!
Прочь с дороги, картавый мессия.
Рвёт поводья (была не была!)
Конь-огонь, закусив удила.

Свет в окне — дорогая маманя,
Драгоценнейший мой дружок!
Предстоит мне кровавая баня...
Наливай-ка на посошок!

Эх, долгонько же мы запрягаем,
Но поедем — эгей! — с ветерком.
На юру на ветру поиграем
Разудалым казацким клинком.

Подноси-ка, свет-милка-любаша,
На прощанье горилки своей.
Стремянную угрюмую чашу
Пью до дна без заздравных затей.

Покидаю родительский дом,
Мать родную, жену молодую...
Раздели со мной, батюшка-Дон,
Закордонную чару хмельную!

* * *

Адью, мой милый адъютант!
Всё было очень мило.
Вы — развлекать большой талант.
Я это оценила.

Вы комплиментами сорить
Так складно научились,
Что в вас, признаюсь, так и быть,
Я чуточку влюбилась.

Да будут ночи вам тихи,
Приятны сновиденья...
Вы, верно, пишете стихи
Про чудное мгновенье?

А я купаюсь в грешных снах
До самого рассвета
И как-то не могу в стихах
Увековечить это.

Хотите дружеский совет?
Меня — остерегитесь!
Не дай вам Бог в расцвете лет
Ко мне попасться в милость.

Не дай вам Бог изведать то,
Чем травятся поэты...
Потом — ни славы, ни пальто,
Ни даже сердца нету.

Меня послушался мой друг.
Меня же проклинает.
Да оглянитесь же вокруг...
Глядите... Рассветает!

* * *

Я отпустила под откос
Тебя и поезда...
Но на единственный вопрос
Я не сказала «Да».

И губы сжав до синевы,
А пальцы — добела,
Не поднимая головы,
Я на восток пошла.

Я растоптала горизонт
Израненной стопой.
Потом иссиня-звёздный зонт
Раскрыла над тобой.

А кровь закатная взошла...
Не подходи! Не тронь!
Мне золотые купола
Позолотят ладонь.

Пусть глухо стонут поезда,
Пронзающие ночь...
Моё измученное «Да»
Не сможет нам помочь.

* * *

Божественной сусальной позолотой
В моём саду подёрнулась листва.
Меня сразила тяжкая дремота.
Как колос, наклонилась голова.

Наверное, вот так приходит старость —
Морщиниста, согбенна и скупа.
Подступит к сердцу зябкая усталость,
Остудит взгляд, как лезвие серпа.

Погибельная сладкая ошибка
Ты, юность, промотавшаяся в прах!
Голодная зловещая улыбка
Мерцает на обветренных губах.

Презревшая сварливые советы,
Влюблённая в ночные кутежи,
В кругу друзей — отпITYтых и отпетых! —
Ты никнешь головою цвета ржи.

А то внезапно вдруг впадаешь в ярость...
К чему себя надламывать зазря?..
Процентщица безжалостная — старость —
Скупила долговые векселя.

В конце концов мы все пред ней банкроты —
И сад, и рожь, и в поле трын-трава...
Божественной сусальной позолотой
Подёрнулась увядшая листва.

* * *

Кто в расшитой мною тюбетейке
Накрывает щедрый дастархан?
Что, не ждали? Ассалам аллейкум!
Я вернулась из далёких стран!

Я пришла, джигит мой чернобровый,
Не на зов твоих цветистых слов —
На знакомый с детства запах плова,
Что дурманит слаще райских снов.

Крупный рис, как перекатный жемчуг,
Дымным пряным запахом объят...
Выпьем, что ли, милый мой, за встречу?
Только ты, мне кажется, не рад?

Я согласна стать твоей царицей...
Я и впредь навеки предпочту
Горестно оплачивать сторицей
Неосуществимую мечту.

* * *

Угрюм и жизнью утомлён,
Как затянувшейся затеей,
Не снизойдёт Пигмалион
До чувств высоких к Галатее.

Издревле сам себе закон
Резец, что занесён над бездной...

Каррара и Пентеликон,
Сопротивленья бесполезно!

Античный лоб, по-детски чист,
И гул глубинных содроганий,
Скупые вспышки божьих искр
Таит в себе надменный камень.

Рождённое пленять сердца
И быть предметом вдохновенья,
С упрёком смотрит на творца
Его бессмертное творенье.

* * *

Ты спишь на короткой казённой кровати.
А я прихожу, как обычно, некстати.
А я приношу тебе веточку вишни.
А я среди книг себя чувствую лишней.

Ведут в коридорах ночные беседы
Высокие, как на подбор, почвоведы.
Сочувственны их загорелые лица...
Ах, только б, пройдя мимо них,
не смутиться!

Ты учишь меня говорить по-киргизски.
Ты учишь меня уходить по-английски.
И смотрят с улыбкой со стен китаянки
На то, как шампанское пью я из склянки.

В последнюю полночь столичного мая
Скажи мне, что любишь, ведь я это знаю!
Но клеишь на стены какие-то рожи...
И вовсе они на меня не похожи!

* * *

Чудная станция с названьем Пачелма...
Сойти бы здесь и здесь навек остаться.
Пусть сиротливым снегом дотемна
Взрываются созвездия акаций.

Пчела, как пуля, жадно льнёт к виску.
Бездомный пёс хвостом приветно машет.
Гляжу и наглядеться не могу...
Мне кажется, я здесь жила однажды.

О, беженки бездонная сума —
Собачья обездоленная участь!
Ещё не раз меня сведёшь с ума,
Пока стихами говорить научишь.

...Такая же акация цвела.
Пчела, как пуля, у виска жужжала.
Я вспомнила: я здесь уже жила
И на восток составы провожала.

Я по слогам твердила: «Па-чел-ма...»
Но я ещё тогда не понимала,
Зачем во снах парчëвая чалма
Надменно и призывно мне сияла.

ТУЛЬГАНОЙ

Девочка-узбечка Тульганой
 Протянула мне кусок лепёшки...
 Увезу, как сувенир, домой
 И в пути не оброню ни крошки.
 Мы сидим вдвоём — она и я
 (От жары листва чинары сникла)
 На высоком берегу ручья...
 Ну, конечно, Тульганой, арыка!
 Пахнет золотой лукум-рахат
 Приворотней заповедных зелий.
 Слышится в напевном «мархамат»
 Рокот голубых памирских селей.
 И когда ты говоришь всерьёз:
 «Больше всех на папу я похожа...» —
 Пламенеть по-детски и до слёз
 Не пристало моей взрослой коже.
 «Папе передать от вас привет?»
 Тульганой, лукавая подружка!
 Всё съешь свой нос, куда не след.
 Растрезвонишь, коль шепнут на ушко.
 Я прижму к смущённому лицу
 Детскую чумазую ладошку:
 «Ничего не говори отцу,
 А тебе спасибо за лепёшку.

Я её за тридевять земель
 Увезу в страну берёз и елей,
 Чтоб приснился доченьке моей
 Рокот голубых памирских селей.

Там укрыл бескрайние поля,
 Словно хлопок, русский снег глубокий...
 Пусть узнает девочка моя
 Голос милой Родины далёкой!»

* * *

Мы пасынки своей земли родной
 Под блеклой остывающей луной.
 Немые тени на глухой стене
 И — солнце, отбродившее в вине.

Отпело в скифских золотых веках
 И запеклось на сомкнутых губах
 Угрюмое славянское вино,
 От коего в глазах темным-темно.

Бредём ли пеше, скачем на коне
 Иль стынем в ледяном крещенском сне —
 Полынного похмелья тяжкий вздох
 Тревожит тишину былых эпох.

Высокая повинность не вина!
 Но нам и впредь оплачивать сполна
 Прозренья мира и его покой
 Своей вселенской скифскою тоской.

* * *

Мне в грудь вошла парфянская стрела
 И в полнолуние розой расцвела.
 И заполошный майский соловей
 Запел над розой о любви моей.

Плачь, безутешный соловей, в ночи.
 Всей кровью заклинаю: «Не молчи!»
 Пусть пламенеет роза, чуть дыша,
 В груди, как рана алая, свежа.

Плачь о стране, погубленной дотла,
 Которую сберечь я не смогла.
 И рану раскалённую в груди
 Крылами хоть немного остуди.

Стрела врагов, отравленная тьмой,
 Ты зацвела на сердце, как привой.
 Пускай вдыхает грозный Митридат
 Любви моей смертельный аромат.

Пока цветёт стрела в груди моей,
 Плачь обо мне, согдийский соловей!

* * *

От недостойной склонности к другому
 Флоренцию сумел предостеречь
 Накоротке с изменою знакомый,
 Священной мезтью обгрённый меч.

И на руках, по-детски тонкопалых,
 Когда она склоняется в поклон,
 Мерцают отрешённо и устало
 Каменья приснопамятных времён.

Лоренцо! Как античное наследство,
 Тебе вручает гордую судьбу
 Флоренция — надменная невеста
 С клеймом разбойным на лилейном лбу.

Восторг толпы с великосветской ложью
 В преданьях перепутаны равно...
 Но мудрый меч свои не режет ножны,
 Поскольку с высшей правдой заодно.

В груди теснятся слёзы и сонеты.
 Проклятья Ватикана щёки жгут...
 Лоренцо! Итальяские поэты
 Тебя Великолепным назовут!

* * *

Теперь ни дня без строчки:
 Шью милому сорочки...

Я так заботливо строку
 Не выводила на веку!..

Вокруг досужая родня
 Стрекошет без умолку.
 Сорочья эта трескотня
 Собыёт любого с толку.

А я стараюсь, хлопочу,
Глаз не смыкаю ночью,
Чтобы к орлиному плечу
Прибить строку сорочью.

Чтоб на орлиное крыло
Легли лучами строки...
Вздыхают люди: «Повезло
Сороке-белобоке!

Она невеста хоть куда.
Такая мастерица!
Не для сорочьего гнезда:
Уж больно важна птица!..»

...Пуцу по вороту каймой
Лазоревы цветочки.
И скажет людям милый мой:
«Родился я в сорочке!»

Всегда свободы в жизни я хотела
И вот шепчу: «Немного потерпи!» —
Пока своё поверженное тело
В казачьей вольной хороню степи.

Так было Богу и душе угодно,
Чтоб воссияло в грешной темноте:
«Вовеки и воистину свободна...» —
Распятою строкою на кресте.

Моё шальное неказачье имя,
Предательских не ведавшее слёз,
Губами повторённое твоими
Всем прочим именам наперехлёт.

Ни в бранной суете, ни в житейской суете
Его напрасно не произноси,
Как слово наговорное от пули,
Спасяющее в битвах на Руси.

Так Богу и душе моей угодно,
Чтобы оно сияло в темноте —
Вовеки и воистину свободно,
Распятою строкою на кресте!

Наконец-то ты стал моим прошлым.
Оборвалась крепчайшая нить.
Неужели такое возможно —
Мне взаправду тебя позабыть?

И, встречаясь с подругами — с теми,
Что поныне нас помнят вдвоём,
Вскользь касаться единственной темы,
О тебе говоря как о «нём».

И не скучно без прежних прощаний,
И не больно от горьких потерь,
И не надо грядущих свиданий —
Ни в раю, ни в аду, ни теперь.

Буйная, увязшая в общагах,
Юность разлитая моя!
Половодьем певшая в оврагах
Под шальные трели соловья.

Юность, почитавшая Отчизной
Стайку в небо рвущихся берёз.
Ничего не знавшая о жизни
И её любившая до слёз.

Облака с небес смотрели грустно,
Как, сметая гниль и вороньё,
Клокотало, презирая русло,
Безрассудство юное моё.

И неслись проклятия из мрака,
Наклика тусклые дожди.
И браталась нищая общага,
Разорвав рубаху на груди.

Пусть легенды разнесут изустно
То, что не смогу поведать я:
Как в мытарствах обретала русло
Юность разлитая моя.

*Илье Семёновичу Павлову,
поэту-фронтовику*

Всё реже озаряет дали
Послевоенный бравый сон...
Ещё звенят твои медали,
Но это — поминальный звон.

За то ль с молитвою и матом
Вставал последний батальон,
Не флагом звёздно-полосатым,
Но красным флагом осенён?

За то ль в клубках слепящей пыли
Строчил охрипший пулемёт,
На плаху девочки всходили,
Ложились мальчики на дот?

А мы бредём с пустой котомкой
В европы — не подаст ли кто?
Мы, победителей потомки,
Своё поправшие родство.

Проснись и пой! Нас обокрали.
Была страна и — нет её!
Кому нужны твои медали
И вдохновение моё?

* * *

Поутру с причитаньями снимут.
Сложат руки на стылой груди.
Домотканую простынь накинут...
Стой поодаль! И не подходи!

Не глядя на меня на такую.
От такой невелик тебе прок:
Не смеюсь, не грущу, не ревную,
Не целую в кудрявый висок.

Не ищу для тебя оправданий —
Тех, которым ты верить не прочь...
Не утешу старинным гаданьем
В новогоднюю страшную ночь.

* * *

Наивная, влюблённая, смешная,
Я выходила замуж — навсегда!
И — плакали последние трамваи,
И — в полночь уходили поезда.

А я стояла на сыром перроне,
Продутая ветрами всех сторон.
«Красивая!..» — картавили вороны,
Но я уже не слышала ворон.

Билет на скорый — слишком скорый! — поезд
Не жёг мою холодную ладонь.
Несбывшейся любви скупую повесть
Своей рукой швырнула я в огонь.

Наивная, счастливая, смешная,
Замёрзшая — смотрела жадно вдаль...
Туда, где стерегла меня иная —
Уже неизлечимая! — печаль.

* * *

Отчаянье перечеркнёт лицо...
Но даже если сердце расколосось,
Не выбегу босая на крыльцо,
Не закричу, не зарыдаю в голос.

Вихры волос, вплетённые в сквозняк,
Не усмирят платок из кашемира.
Не миновать. Вот и случилось так!
И — раскалилась лунная секира.

И рожь влюбилась в этот лунный серп.
И под луной, покорная, склонилась.
И мир от света лунного ослеп,
Забыв про сострадание и милость.

Коси, коси наотмашь, наугад,
Навзрыд коси, выкашивай под корень!
Пусть кровь течёт на запад, на закат —
Свободная! — никто над ней не волен.

В пути подстережёт её песок —
Голодный, жадный и зыбуче-зыбкий...
...И улыбнётся западу восток
Победной вековой своей улыбкой.

* * *

Я влюбилась... Разве это ново?
Горестно руками развела...
Уж который раз меня сурово
Отпевают под колокола.

Так за гранью выдоха земного
Отпевают под колокола...
Только ведь и это всё не ново.
Я уже не раз и там была!

То, что не допито, не допето,
То, что расплескалось, не сбылось —
Всё впадает в медленную Лету,
Как слеза, прозрачная насквозь.

Тяжела ты, певческая участь, —
Жить навзрыд, как в роднике вода.
Ни на что не жалуясь, не мучась,
Песней захлебнуться навсегда.

И уже из времени иного,
Отболев и отгорев дотла,
Слушать, как печально и сурово
На Руси поют колокола.

КИНО

Пригласите в кино. Я приду
Целоваться в последнем ряду
Под шипенье седой билетёрши.
На экране — большая любовь.
Звон бокалов, дуэльная кровь...
Только в жизни скучнее и проще!

Будет вечер. Пойдём в ресторан.
Будет наш скоротечный роман
Словно приступ внезапной чахотки.
На прощание брошу: «Звони!» —
Но подумаю: «Бог сохрани!
Что-то я захмелела от водки!»

Пригласите в кино. Я приду
Лузгать семечки в первом ряду
И молчать равнодушно и хмуро.
И, косынку рванув на груди,
На прощание брошу: «Не жди!
И чего я нашла в тебе, дура!»

На экране — большая любовь.
Звон бокалов, дуэльная кровь.
Только нет мне до этого дела.
Приглашайте в кино. Я скажу:
«Извините, в кино не хожу.
Мне такое кино — надоело!»

* * *

Твоё высокое окошко
На тридевятом этаже
Луна, как вкрадчивая кошка,
Подкараулила уже.

Скользнула по твоим коленям
И улеглась на простыню...
И, дрогнув, оборвали тени
Свою мышиную возню.

В каком неведомом испуге
Который год уже подряд
Твои полночные подруги
От глаз твоих отводят взгляд.

Луна ли в этом виновата?
Иль замуж им пора уже?
Но оставаться страшновато
На тридевятом этаже.

* * *

Вы меня никогда не любили.
И за это я вас не виню.
Что ж так плачу на вашей могиле,
Будто нашу любовь хороню?

Затаивши немую угрозу
И устав от возвышенной лжи,

Погребальные белые розы
Ощетинились, словно ежи.

Это было уже, это было
В давнем розовом девичьем сне...
Я давно это всё позабыла...
Так зачем вы напомнили мне?

Я давно этот сон схоронила
И посыпала пеплом главу.
Старой раной открылась могила,
Воплощая кошмар наяву.

Мне рыдать бы на той давней тризне,
Сдвинув горестно дуги бровей,
Когда вы уходили из жизни —
Из девической жизни моей.

Но теперь запоздалые слёзы
Не искупят спасительной лжи...
Погребальные белые розы
Ощетинились, словно ежи!

* * *

Любовь поселилась под сердцем,
Под сердцем тихонько растёт.
Смешное разбитое скерцо
Рояль за стеною поёт.

Гостей намывает котёнок,
 И маятник мерно снуёт...
 За окнами яростно звонок
 Сосулек сиреневый лёд.
 Швырнуть бы усталые спицы
 На мягкий пушистый ковёр,
 Но предков суровые лица
 Глядят с фотографий в упор.
 И некуда, некуда деться
 От маленьких этих забот.
 Любовь копошится под сердцем
 И с миром свидания ждёт.

* * *

За мною по пятам, по следу
 Идут свирепые дожди...
 В конвертах вечное «Приеду!»,
 Междугородний хрипнет: «Жди!...»
 Не обо мне мой милый бредит.
 Письмо приходит раз в году.
 Я знаю точно — не придет.
 И ничего уже не жду.
 Ничем ему не докучаю,
 Ни в чём его я не виню,
 Но всё ж на письма отвечаю
 И ровно раз в году звоню.
 Пора бы нам закончить, милый,
 Любви несбывшейся комедь.
 И не сорить пред ней, унылой,
 Как перед нищенкою медь.

* * *

— Куда-куда, окольная дорога,
 Бросаясь прямо в ноженьки, ведёшь?
 — Веду тебя в село Большая Ёга.
 Да не боись, милоч, не пропадёшь!

Что ни бабулька — то ягулька в Ёге.
 Напарит в баньке и накормит всласть.
 Как сына, перекрестит на пороге.
 Научит, как в дороге не пропасть.

Свои-то хлопцы поспились когда-то...
 А ты какой ни есть, а всё — жених!
 Ты на ягулек не лупи глаза-то,
 Внимательней взгляни на внучек их.

Поднимутся ранёшенько с постели:
 За всем в хозяйстве надобен догляд.
 Они прядут тонёшенько кудели.
 Они белым-белёшенько белят.

Забудешь всё, когда сметаны кринку
 Подаст тебе такая егоза,
 С дерзинкой, ждинкой, льдинкой
 и грустинкой
 Пытливо посмотрев в твои глаза.

На кой те ляд заморские красотки,
 Когда своих самарских — завались!
 На дело спорых, а на слово кротких
 Премудрых Распрекрасных Василис?!

* * *

Бесновато хохотнула юность.
Виновато прослезилась старость.
Я на ровном месте поскользнулась.
Кто-то тьявкнул в спину: «Долеталась!»

Пошатнулась, но не повалилась
От злословья шалого шакала.
И земле родимой поклонилась,
Что меня, дурёху, приласкала.

Испокон шакал на падаль падок.
Поднимает вой по падшей плоти.
Но сквозная боль между лопаток
Говорит, что я ещё в полёте.

Отболела юношеской спесью.
Не виню сочувственную старость.
Трудная привычка к равновесью —
Всё-то, до чего я долеталась.

* * *

Под шум чужой крутой попойки,
В сыром преддверии весны
На впалой общежитской койке
Смотрю несбыточные сны.

Несбыточные? В самом деле!
Немыслимые — про уют!

И, отпечатавшись на теле,
Пружины жалостно поют.

Мне снится сладкий запах хлеба.
А между тем впадает в раж
Похожий на седьмое небо
Седьмой прокуренный этаж.

Пока я плачу в одиночку
И усмехаюсь над собой,
Мои нечаянные строчки
Становятся моей судьбой.

* * *

Пальто. Ботинки. Зонтик. Шляпа.
Дорожный чёрный чемодан.
Мой Оренбург, не надо плакать
И кутаться в сырой туман!

Не площади на привокзальной
Спокойно мне взгляни в лицо...
Пусть нету зрелища печальней,
Чем на руке моей кольцо.

И не бывало в нашем крае
Дождливой осени досель...
Отставший, плачет, умирая,
В набрякшем небе журавель.

Уже, зелёным загораясь,
Вдали маячит семафор.

Попутчик мой, не улыбаясь,
Глядит так странно и в упор.

И виновато, как собака,
Я отвожу печальный взгляд...
И глухо — через дождь и слякоть
Колеса чёрные стучат.

* * *

На границе миров, на границе времён
(Непосильная честь сторожить этот сон!)
Спит мой город — мой данник и кровник,
и брат,
Нашей встрече, похоже, нисколько не рад.

В запоздалой любви не признавшийся мне,
Спит мой город и что-то бормочет во сне.
Спит мой город, раскинувшись на берегу.
Спит мой город, который забыть не могу.

Спит Беловка, и Берды станичные спят.
Карачи, Пугачи и надменный Форштадт.
Сладко спит озаряемый полной луной
Весь продутый ветрами посёлок Степной.

Отраженье в Урале задумчивых звёзд.
Породнивший Европу и Азию мост...
Мне, похоже, одной в эту ночь не до сна.
Оренбург. Зауральная роща. Весна.

* * *

Тебя лягают и — копыт не прячут.
Клянут тебя, Россия, в хвост и в масть.
Как так из кобылиц да сразу в клячи
Тебя разугораздило попасть?

Бывалочке, кося лиловым оком,
Неслась ты вскачь навстречь своей судьбе.
Ты вдохновляла Пушкина и Блока,
И сам Есенин плакал о тебе.

Кто эти, что тебя столь зычно хаот,
И чей язык — погано помело?
Подковы золочёные сбивают
И рвут твоё черкальское седло.

Сборище бесноватых замухрышек,
Хватающих тебя за стремена.
Продажных наполнители кубышек —
В базарный день полушка им цена!

Очнись, горда седёлышком черкальским
И разудалым русским седоком —
Донским ли, терским, сальским,
забайкальским
Не раз выдавшим виды казаком.

Вот степь твоя — от края и до края.
Закусывай покрепче удила!
Ведь только шашка — шашка воронья
Тебе всегда попутчицей была.

* * *

Вы первый мне напомнили так странно,
 Коснувшись этой дрогнувшей руки,
 Что я была и буду Согдиана —
 Всему и всем на свете вопреки.

Как долго я искала вас меж прочих,
 Часть имени при этом растеряв —
 По злым дорогам азиатской ночи,
 По тишине тоскующих дубрав.

Был страшен свежей крови плеск и запах...
 Но кто виной, что в имени моём
 Шуршат плащи персидские сатрапов,
 Дамасской стали раздаётся звон,

Языческие стонут кастаньеты,
 Проклятья умирающих слышны...
 Ну, кто виной, что я иду на этот
 Свирепый зов моей родной страны?

* * *

И царь, и кузнец, и строитель, и плотник...
 Но ропщут угрюмо деды:
 «Табачник. Скоблёное рыло. Щепотник,
 У нас исторгавший брады!..»

Кружатся над Русью имперские вихри,
 Врываются в сон золотой.

Крепись, император Петрушка-антихрист!
 Державный топор под рукой.

Опять на душе неприятно и тяжко —
 Вокруг то дурак, то подлец.
 «Наполни мой кубок, ты где, Алексашка?..»
 «Я тут, — подлетает, — мин херц!»

Противиться воле царёвой не смея,
 Замкнувшись молчком в терему,
 Посконная Русь, как жена Евдакея,
 Глядит в непроглядную тьму.

* * *

Осень-несмеянушка ронит дробны слёзыньки.
 Золотые-рдяные расплетает косыньки.
 Светится опятами и горчит рябиною,
 Исходя крылатою песней журавлиною.

Очи Несмеянушки очень заглядчивы,
 Даром что печальные очи не улыбочивы.
 Речи Несмеянушки ласковы да вкрадчивы,
 А хоромы ейные очень засидчивы.

Век бы просидела на пёнушке берёзовом,
 Всё её бы слушала без тоски и грусти я.
 Век бы проглядела я в эти очи слёзные,
 Кузовок с опятами схоронив под кустики.

Не затмят плакучую, сколько ни стараются,
 Так не вдохновят меня — даром только тешатся! —
 Зимушка-лебёдушка — первая красавица
 И весна-голубушка — первая насмешница.

Сеногнойный дождичек косохлестом сменится.
 Заметёт снежинками все смешинки летние...
 Полно, Несмеянушка! Полно, красна-девица!
 Мы с тобой не первые, мы и не последние.

* * *

Речушка именем Светлынь
 Впадает в облака...
 А по земле, щедра на синь,
 Течёт Теплынь-река.

Между болот, между запруд
 Упорно, не спеша,
 Торит земной тернистый путь,
 На небо не греша.

Вызванивает, серебрясь,
 Излюбленный мотив.
 И рассекает речку язь
 Теченью супротив.

По дну Теплынь-реки пройдуся
 (Какой уж тут загад!),
 Сама не чаявши, споткнуся
 О самородок-злат.

Знать, здесь прошёлся сумасброд
 Ярило-удалец,
 Роняя от своих щедрот
 Девицам на венец.

И матушка Теплынь-река,
 Неспешна и светла,
 То подаренье на века
 Для деток сберегла.

* * *

Глубинка русская, держись!
 Трудись, родная, дотемна!
 Такая, знать, приспела жисть,
 Что ты столице не нужна.

Задорно заголивши пуп,
 Кокошник сдвинув набекрень,
 С любимым залётным — люб не люб! —
 Ей нынче пировать не лень.

С любимым, как с любимым, в пляс идёт,
 Весельем чумовым зайдясь...
 Поберегись, честной народ!
 Ей всё равно, что грязь, что князь.

Москва, Москва... Как та свинья,
 Которой не до поросят,
 Когда залётные князья
 Её саму вовсю палят.

БАЛЛАДА О СЕМИ БОГАТЫРЯХ

Стою, озирая родные просторы,
И с Богом беседу веду:
— О, дай же мне, Господи, точку опоры —
Что перевернуть, я найду!

Что это за жалкая торба пустая
Лежит не сворохнется здесь?
Маманя родная! То ж — тяга земная,
Родимой сторонушки весть.

Не скрянется торба, с родимой землёю
Сроднясь с незапамятных пор.
Поди, разлучи их! Занятье пустое,
Будь даже ты сам Святогор!

Пред солнышком-князем,
Пред чинным боярством,
Пред всем богатырством честным
Не он ли вчерась на пиру похвалялся,
Что мне не соперничать с ним?

Да нет! Не горазд Святогор похваляться.
О том, кого хочешь, спроси.
Ему недосуг по пирам прохлаждаться,
Пока супостат на Руси.

А мы на пиру после жаркого боя
Сошлись, одолевши врага...
Не дорого нам угощенье хмельное,
А княжья нам честь дорога.

Медок княженецкий во братину лился...
Алёша Попович младой
То силой, то напуском дерзко кичился,
Микула женой чернобровой хвалился,
Чурила — злачёной уздой.

Добрыня Никитич, и тот не сдержался —
Из ножен свой выхватил меч —
Мечом-кладенцом потрясал-похвалялся,
Держа богатырскую речь.

Но всех переплюнул Михайла Казарин —
Калёные стрелы достал.
Хвалился — Михайлушка в том
не бездарен! —
Какую почём сторговал.

Перённую белым пером лебединым
Сумел сторговать на пятак.
Перённую сизым пером соколиным —
За рупь, а дешевле никак!

Вельми на подсчёты Михайлушка прыток,
Не по-богатырски умён.
Коль биться-ратиться — себе не в убыток,
Таков у Михайлы закон!

Ишь, как распалился!.. Похлеще закуски
Хмельной княженецкий медок —
Болярин ли ты, богатырь святорусский,
Не хошь, а повалишься с ног!

Власть будешь хвалиться смазливой
женою,

Несметной-несчётной казной,
Червлёным щитом, золочёной уздою,
Избой, под конёк расписной.

Что проку? Разлюбит жена молодая.
Тебя принесут на щите.
Несчётной отецкой казною владая,
Под старость умрёшь в нищете.

Твой конь златоуздый падёт под тобою.
В болото стрела угодит.
Лягушка окажется Бабой Ягою —
Тебя извести захотит.

Тогда, коль недоля приспела такая,
К родимой земле припади.
И, щедро слезами её окропляя,
Окрепни у ней на груди.

...Поклон вам земной,
богатырство-боярство,
Я вас осуждать не берусь...
Ан мне самолучшее в мире богатство —
Родимая матушка-Русь!

С того и молчу, не боясь показаться
Без роду, без племени я,
Что всеу, за кубком, не смею касаться
Священного имя Ея.

* * *

Не похвалялся, едуци на рать.
Не похвалялся, воротясь с победой.
С устатку сел, обнял старушку-мать,
Родной воды колодезной отведал.

Во глубину колодца заглянул...
И, вздрогнув от внезапного волнения,
Вода вернула ласково ему
Геройское — в медалях! — отраженье.

«Вкусна водица!» — крикнул и как есть
Всего себя он окатил водою —
Живой водой, что водится лишь здесь:
Колодезной, родимой, ключевойю.

Она текла, беспечна и вольна.
Она текла-текла, не утекала.
Не только по усам текла она,
Но золото медалей омывала.

Не зря живой в народе прослыла:
Она бальзамом врачевала раны.
И мёда слаще та вода была,
Что венчана с родной землёй песчаной.

Она роднилась с солнцем и тогда
Высокой тучей в небо поднималась...
Стремилась в Волгу отчая вода,
Текла сквозь пальцы, в руки не давалась.

...Была большая трудная война.
Душа солдата воевать устала.
Святой водой родная сторона
С души солдата копоть отмывала.

* * *

Печальники и воины славянства!
В дни осквернённых свёрнутых знамён,
Во дни раздрая, смуты, окаянства
Спасает евразийское пространство
Сиянье ваших солнечных имён.

Покуда незатменно в небе солнце
И льёт на землю царственный покой,
То лишь ленивый всуе не смеётся
Над вашу божественной тоской.

Но в дни затмения да пребудут с нами
Олега щит и Святослава меч,
Орлёное распахнутое знамя,
Неспешная аксаковская речь.

Не из гордыни и не для забавы
Над бездной, паже падши, воспарим...
Славяне, обречённые на славу
Исконным славным именем своим!

* * *

Молотила, косила, пахала
И молилась, и шла в смертный бой...
Спит Россия... Россия устала.
Отдохни, чтоб проснуться — собой!

Зацелована жгучей метелью
До крещенского сладкого сна,
Почивай на лебяжьей постели.
Да пребудет в тебе тишина!

Под своим покрывалом пуховым
Ты заспишь и усталость, и грусть.
Ни упрёком, ни вздохом, ни словом
Потревожить твой сон не решушь.

Ты пленительной юной царевной
Возрождалась, как в сказке, не раз.
Твой уклад целомудренно-древний
Обозначен морщинкой у глаз.

Голубая славянская жилка
Чуть пульсирует возле виска...
Жив ли, жив ли твой витязь-курилка?
Иль его залучила тоска?

* * *

Несу свою небесную поклажу
И не смотрю с тоской по сторонам.
Бог правду видит. Да не скоро скажет,
Покуда правда не под силу нам.

О, где ты, слово, чтоб тебе доверить
Предошущенье счастья и скорбей?
Ты — слово-сокол? Или — слово-лебедь?
Иль вёрткое словечко-воробей?

Тебе, безоговорочной, послушны
Уставшие от ереси уста,
Прихваченные раскалённой стужей
Священного голгофского креста.

С тобой не страшно на костёр и в прорубь...
Ты — Слово, возводящее на крест, —
Две тыщи лет сквозь мрак летящий голубь
Или врага разящий Божий перст?

Покуда брюзжало тайком диссидентство
В курилках, на кухнях за сытным столом —
Смеялось-искрилось счастливое детство,
И синие ночи взвивались костром.

Оно отсмеялось, оно отыскрилось.
Подёрнулось горестным пеплом утрат...
И не объяснит, как всё это случилось
Уже не товарищ, не друг и не брат.

Ужель нас за то упрекнёте? Едва ли!
Вы, дети великой и страшной войны,
Что не холодали мы, не голодали,
Что звонко смеялись и в ногу шагали,
Что самое лучшее время застали
Мы — дочери ваши и ваши сыны.

Вот так и живём с ощущеньем утраты
Огромной страны, превращённой в туман...
Мы не диссиденты и не демократы.
Мы — дети рабочих и внуки крестьян.

Не ждите от нас покаянья — пустое!..
В своей ностальгии отнюдь не вольны,
Мы дети советской эпохи застоя —
Желанные чада великой страны.

* * *

Мы на пустые сожаленья падки,
Пока сочится траурный елей,
Пронзая воздух ароматом сладким
Цветочных обезглавленных стеблей.

Что в мире обречённой алых роз,
Согретых благодатным солнцем мая?
Прости мой риторический вопрос,
Ни словом на него не отвечая!

Пусть у плетня, облезшего вконец,
Презревшие смертельную угрозу,

Сбежав с чертополохом под венец
Вновь расцветают царственные розы.

Мой милый друг, не оскверняй уста
Ни словом, ни слезою незаметной...
О, как красноречива немота!
Возвышенное чувство безответно...

* * *

Ветер, вдрызг пропахший ноябрём, —
Детище самарских подворотен —
Мы по Красной Глинке с ним идём
И опять мечтаем о свободе.

Почему — убейте, не пойму! —
Будучи влюблённой в розы мая,
Я опять, потворствуя ему,
Красные гвоздики покупаю?

Вновь дыханьем каждый лепесток
Грею, не умея надыхаться,
Хоть давно не верю — видит Бог! —
Я в свободу, равенство и братство.

Да, не верю!.. Почему ж подчас,
Словно в золотом застойном детстве,
От лукавых вольнодумных фраз
Сладко захолаживает сердце?

Захолонет и — щемит, щемит...
Не пора ль уже охолонуться?
В предвкушенье будущих
На печальный опыт оглянуться.

И — неважно мне, кто лев, кто прав!..
Сраму только мёртвые не имеют.
Революционный красный шарф
Ветер-бомж закинул мне за спину.

* * *

На родину, которая до срока
Сказала мне: «Вот Бог, а вот — порог!..
На родину, которой одиноко,
Спешу я, под собой не чуя ног.

Туда, где сладкозвучнее сирены
Все те, кто мне был когда-то в душу вхож...
Где друг мой Хомутов с лицом гиены
Всё точит на меня свой ржавый нож.

Туда, где я сама всему виною,
Но где ещё душа моя светла.
Где под ковыльной светлою звездой
Я не умела долго помнить зла.

Туда, где, не нашедши оправданья,
Слезой вспять седой Яик течёт.
Где над могилой мамы звёзд мерцанье...
Всё остальное, право же, не в счёт...

И Тамара, всё ещё бледна,
Кроху-дочь укутав одеяльцем,
Гордо улыбаясь из окна,
Высока грозит шутливо пальцем.

Ну а я в толпе друзей семьи
Лихо пью шампанское из горла...
И — поют на сердце соловьи,
А в зобу навек дыханье спёрло.

* * *

С юностью покончено... И точка!
Я её проплакала, пропела,
Втиснула в рифмованную строчку,
И строка по свету полетела.

Расставаясь, я не голосила.
Головой вослед лишь покачала.
С потаённым вздохом отпустила
И с победой ждать не обещала.

Отпустила юность я... И точка!
Даром слёз не тратила на сборы.
А она во сне приходит ночью
И в глаза глядит с немым укором.

Что так опечалилась, подружка?
Горевать о прошлом слишком поздно.
Женская поэзия-кукушка
Бросила детей в чужие гнёзда.

* * *

У Игреньки очи в пол-лица.
Говорит Игреньюшка как пишет.
Нам в речах Игреньки Бубенца
Лучше, братцы, каждую букву слышать!

Ах, Игренья, пламя из очей!
Не оттуда ли надыбал имя,
Где ты крал игреньевых коней
Вместе с бубенцами золотыми?

А потом на краденых конях
(Так гласят окрестные преданья!)
Крал молодец в серьгах, вдов в перстнях
И невест в венчальных одеяньях.

Похититель девичьих сердец,
Матерущий бражник и ватажник,
Атаман Игренька Бубенец
Никогда не повторяет дважды.

Кто мечтал: нальёт полной стакан
Братовьям, что третий день пируют,
Будет нам и князь, и атаман —
Бубенец того разочарует.

Всякому ослушнику — конец!
Вмиг вскипит в Игреньке ярость-злоба...
Дважды бьёт Игренька Бубенец:
Первый — в глаз, второй —
по крышке гроба!

* * *

Включишь старый телевизор
И припомнишь всуе мать...
Лизоблюды, блюдолизы
Рвутся Родину спасать.

То непряхой, то неткахой
Русь-кормилицу клеймят.
Виртуально рвут рубахи,
Дружно выстроившись в ряд.

Шатко-валко, сыто-пьяно
(ТЬфу, какая срамота!)
Ажно валяются с экрана
В избу с пеною у рта.

Всяко-разно, розно-вкупе
На трибунах и в Кремле
Мелют, мелют воду в ступе,
Словно черти на метле.

То в сортирах стены мочат,
То войной грозят войне.
Людам головы морочат —
Не дают вздохнуть стране.

Всюду выстрелы да взрывы.
Бабы пляшут в неглиже...
Не пойму никак: мы живы
Или померли уже?

Столько нечисти и срама,
Как в аду — числа им нет!..
Ах, зачем меня ты, мама,
Родила на белый свет?!

* * *

О, эти чудо-одуванчики,
Льняными бывшие и рыжими —
Совсем как новобранцы-мальчики,
Палёным ветром бриты-стрижены.

Они по отчим неудобиям
Встают рядами поредельми.
Иль жмутся к воинским надгробиям
С их матерями поседелыми.

Ужели им (уже не верится!)
Под всхлипы вешнего соловушки
Весной венки сплетали девицы
И водружали на головушки?..

Ужель совали им в карманчики
Гостинцы ласковые матушки?..
Вчера лишь — маменькины мальчики...
Сегодня — русские солдатушки.

Они взойдут на поле ратное
И сложат буйные головушки...
И — отцветут цветочки ранние —
Недолгие, как вдовьи солнышки.

Вешний свет — небесный гость.
Он бликует, он играет,
Скачет зайчиком и гроздь
Виноградную лобзает.

Он струится, словно мёд,
На ладонь твою, Гульнара,
Вешний свет небесных сот
С листьев старого чинара.

Вездесущ, незаменим,
Он само непостоянство!
Зацелованная им,
Покрываешься румянцем.

Ты пока ещё мала,
Но с утра под пенье птичек
Струи вешние вплела
В сорок смоляных косичек.

Смоль-косички теребя,
Не терзай напрасно сердце,
Потому как от тебя
Никуда ему не деться.

Он звенит в твоих ушах —
Божьей музыки посланник.
Твой мюрид и падишах,
И — пожизненный избранник.

Кремлёвские романтики.
Прагматики бредовые.
Форсит в бубновом ватнике
Страна моя бедовая.

Исчадье закулисное.
Отродье зазеркальное.
Там тиснули, тут свистнули...
Эх, Русь лесоповальная!

О, сколь тобою сдюжено!..
И как ты только выжила,
Чужими отутюжена,
Под ноль своими стрижена?

Попсовая, загульная,
Засечная, заплечная,
Смиренная и буйная,
Продольно-поперечная.

Саманная, хрущобная...
Любая ты — красавица!
Пыхтят сыны утробные —
Продать тебя стараются.

Россия беспорточная,
Осторожная, гулажная,
Урочная, оброчная...
И всё же — непродажная!

* * *

Милый снится... Знать, помина просит.
 Али мы не люди? Помянем!
 Наполняй-ка, золотая осень,
 Всклянй стаканы проливным дождём.

Помянем любимого по-русски.
 Выпьем и ещё полней нальём.
 Гроздь рябины в качестве закуски —
 Догорай-гори она огнём!

Слёзная небесная водица,
 По могильным камушкам звеня,
 Глубоко под землю просочится...
 Выпей, мой любимый, за меня!

И вино не пьяно на том свете.
 Я тебя вовек не разлюблю.
 Кто умел любить, как ты, до смерти,
 Тот и после смерти во хмелю.

Пусть земля родимая сырая
 Будет тебе пухом, мой дружок!..
 Далеко ещё идти до рая.
 Выпей за меня на посошок.

По-людски, по-божески, по-русски...
 Я судьбу-разлуку не виню...
 Гроздь рябины в качестве закуски
 На могильный холмик уроню.

Догорай-гори, моя рябина!
 Береди запёкшуюся кровь.
 Ну, какого надобно помина
 Для тебя ещё, моя любовь?

* * *

Неужель ты дожил до седин
 И не вспомнил ни о чём ни разу,
 Милый мальчик Женька Чикильдин
 С вечным синяком под левым глазом?

Помнится, я бешено тебя
 Ревновала к белобрысой Ленке —
 Вот уж где разлучница-змея
 С пятнами зелёнки на коленке!

Только Ленке ты вовсю грубил,
 Дёргая за жидкую косицу.
 Лишь её одну портфелем бил...
 Тоже мне, подумаешь, царь-птица!

Ни излом своих крутых бровей,
 Ни души лирическую замять
 Той любви возвышенной твоей
 Не смогла я противопоставить.

И казалось — это на века...
 Но уже, вальяжный, как сановник,
 В пыльных палисадах городка
 Наливался кровушкой терновник.

И откуда мы — то ох, то ах! —
Ревновали, плакали, любили,
Мальчиков в запаянных гробах
По Термезу ночью провозили.

И врывались в наш застойный плен —
Детский плен, с которым жаль расстаться, —
Ветры эпохальных перемен —
Дикие угрюмые афганцы.

* * *

То икона, то дубина —
Всё из нас, родная Русь!..
Край родной, навек любимый.
Непутёвый? Ну и пусть!

То кольём-дубиной ухнешь,
Век, непротивлённый злу...
То перед иконой рухнешь,
Как подкошенный, в углу.

Край то буйный, то убогий.
Сотни раз простивший зло.
Заколодело дороги,
Замело и развезло.

Что нам поступь бонопартья?
Здесь свои с трудом пройдут.
Край, где не было бы счастья,
Да несчастье тут как тут.

...Что нам стоит дом отстроить,
Путь-дорожку проложить?
Не тужи, мой край, пустое!
Нарисуем — будем жить!

* * *

Самара самостью сильна.
Всё у Самары самое:
Без края ширь и глубь без дна —
Нехилое приданое.

Внимает Волге — хороша! —
Седой Урал-соседушка...
Пусть вечно длится, не спеша,
Их ладная беседашка.

В Самаре и скворец свистит
Громчее, чем соловушка.
И Волгой-матушкой мнит
Себя любая воложка.

Ах, эти воложки! Галдят,
Стекая прямо с небушка.
Живой водицею поят
Самарский скусный хлебушко.

Одна другую вразной
Перекричать стараются...
И — с Волгой — матушкой родной —
В объятиях сливаются.

* * *

Затируха-объедуха...
 Вот свекруха-крапивуха.
 Деверь — жгучий чесночок —
 Щёчки сношеньке обжёт.

Вот золовка-вековуха —
 Прошлогодня свеклуха.
 Едкий свёкор — старый хрен —
 Доконал меня совсем!

Вот ядрёная редиска —
 Ядовитые уста.
 Без неё, кумы, и миска
 Хлебосольная пуста.

Вот и муженёк любимый —
 Мой лучок слезоточивый:
 «Береги-ка, жёнка, соль!
 Всё слезьми солить изволь!..»

В старом жбане запотелом
 Искромётный русский квас
 Задремал...
 Но между делом
 Копит силы про запас.

Ох, отдали молодую!
 Ах, попала — спасу нет! —
 Во семью, семью чужую...
 На семь бед варю обед.

* * *

Пеку для всех. Пекусь о каждом.
 И ты зовёшь меня женой.
 Но по ночам, томима жаждой,
 Я обращаюсь в дым печной.

Презрев обеды и обеты,
 Я долетаю до небес.
 И странствую по белу свету,
 Когда черным-черно окрест.

О, сколько, сколько по России
 Дымков избушек лубяных!..
 Всех тех, что счастья не просили,
 Смирившись: счастье не для них.

Сулят не первой, не последней
 Мне инквизиторский костёр,
 Шипя, что улетаю ведьмой
 Туда, где месяц-нож востёр.

Ну, что ж, Бог видит — не обидит.
 А я одно сказать могу —
 Любя, тоскуя, ненавидя,
 Хоть дымом от костра сбегу.

Но коль и вправду не бывает
 На свете дыма без огня,
 Поймёт лишь тот, кто сам летает,
 Неугомонную меня.

Уж ты пойми меня такую.
И виноватую прости.
С родной земли невыездную,
Хоть дымом в небо отпусти!

СКАЗ О ВОЛГЕ

Вячеславу Лютому

Плывущая вдаль по просторам, как пава,
И речь заводящая издалека,
Собой не тончава, зато величава
Кормилица русская Волга-река.

По чуду рождения ты тверитянка.
Слегка по-казански скуласта лицом.
С Ростовом и Суздалем ты, угличанка,
Помолвлена злат-заповедным кольцом.

Как встарь, по-бурлацки ворочаешь
баржи —

Они и пыхтят, и коптят, и дымят...
Нет-нет да порой замутится от саж
Твой, матушка, неба взыскующий взгляд.

Устанешь под вечер... Позволила б только
Водицы испить с дорогого лица,
Красавица-Волга, работница-Волга,
Заботница-Волга, сказительница.

Покуда студёной водицы вкушаю,
Мне шепчут о чём-то своём камыши,
Лениво закат за рекой догорает,
И перья хребтовые кажут ерши.

О, матушка-Волга, не будь так сурова!
Устав от речей балаболки-ручья,
Опять срифмовать не сумевши ни слова,
К тебе на поклон заявлася я.

Мила твоя речь о былинных верховьях,
О том, как роднишься с Москвою-рекой.
И как в астраханских твоих понизовьях
Цветёт дивный лотос, омытый зарёй.

Прости, не взыщи, не могу по-иному
Я речь издаля заводить-затевать...
Усну близ тебя... Ну а ты мне сквозь дрёму
Все лучшие песни нашепчешь опять.

Надменной Волги робкое лобзанье
Босой ногою сладко ощутив,
Стою на берегу июньской ранью...
Щенком в колени тычется прилив.

Вовек себе не знающая равных
Могучая свободная река!
Всё ей к лицу — надменная державность
И нежность беззащитного щенка.

Здесь ветерка сквозное дуновение
 Хранит пьянящий аромат ухи.
 Здесь так легко в приливе вдохновенья
 Стихия превращается в стихи.

Здесь хорошо, проснувшись спозаранку,
 Босой к подружке-Волге прибежать...
 Всё то, что не пристало горожанке,
 Волжанке непоседливой под стать.

Шершавые мозоли наживая,
 Без усталости орудовать веслом.
 По плёсам бегать, ноги обжигая,
 Секретничать с прибрежным камышом.

Хоть он не сват, не брат мне, не приятель —
 Я с волжским камышом накоротке:
 Мне рядом с ним не стыдно, скинув платье,
 Плескаться по-русалочьи в реке.

И знать, что ни в одном из всех течений
 Мне Волга, исповедница моя,
 Не станет изрекать нравоучений,
 Приняв меня такой, какая я!

Содержание

<i>Вячеслав Лютый. Глазыньки самурайские.....</i>	3
«Ну, какое же мне прощение?..»	8
«Кто-то едет на Мальдивы...».....	9
«Белый и чёрный князь...».....	10
«Багрец всему — и тополям, и клёнам...».....	11
«Край мой мятежный...»	12
«Приснилась ночью дочка Стася...»	13
Памяти Анатолия Передреева.....	14
«Даже неважно, с кем засыпать...»	15
«Ох уж эти пестравские бабушки...»	16
«Любимой меня не зови...»	17
«Мы поэты... А значит, нам так и надо!..»	18
«Самару в Оренбурге помнят чаще...»	19
Памяти митрополита Иоанна	20
«Причешись, причепурись...»	21
«Овладев античным гекзамётром...»	22
«Накануне ночью, жёстко жизнь итожа...».....	24
«Пусть вы не торжество добра и света...»	24
«Здесь растут без всяких привилегий...»	26
«Эх, не ето, не пито, не курено...»	26

«Жигулёвская вольница стонет: «Вернись!..»...»	28
«Редька-триха и редька-ломтиха...»	28
«Щелчком смахнула пепел с папиросы...»	29
«Здесь ещё чужая. Там уже чужая...»	30
«Волгой, Волгой, а потом Мологой...»	31
Пушкин	33
«Левый берег правой Волги?..»	34
«Не надо цитат из Рубцова...»	36
«Соратник, друг, товарищ, враг...»	37
Разговор с психиатром о рае	38
«Всю жизнь рифмуя розы и морозы...»	39
«Он вёл их молча по былинным...»	39
«Мир озарён прощальной улыбкой...»	41
«Стихи, неожиданные, как дети...»	41
«Сама себя спросила нынче: «Та ли я?»...»	43
«Распилы-откаты. Откаты-распилы...»	44
«Ах, зима! Столбовая боярышня!..»	45
Новая марсельеза	46
«Неприкаянно, неприкаянно...»	47
«Пора отрешиться от чепухи...»	48
«Куда от прошедшего деться?..»	49
Белгородский кисель	50
«Нам спасение с неба Принесший...»	51
«Осерчавшая вьюга бранится...»	52
Вьюжная соната	53
«Измельчали мы, измельчали...»	54
«Коварной волей фотомастера...»	54
«На землю снизошед с небесной выси...»	56

«Средь тёмной ночи, среди бела дня...»	57
«И вновь мы устоим, когда, мечи попрятав...»	58
«Ты взahlёб с другими целовался...»	59
«Сбежавшая с картины Хокусаи...»	60
«Пускай меня зовут последней стервой...»	61
«Когда заря запылала ало...»	62
«Неуёмное сердечко уйми...»	62
«Вокруг твердят: ты сущий Лель!..»	63
«Уснул и не проснулся...»	64
«Мой гений, ты умён и мил...»	65
«Ужель тебе к лицу твоя судьба...»	66
«Если женщина обмолвилась: «Ты мой!..»...»	67
«По соседству с могучим бурьяном...»	68
«Когда на небе полная луна...»	69
«Да что же вдруг случилось с нами?..»	70
«Не Самара, не Саранск...»	71
«Там, где вставали в полный рост хлеба...»	72
«Тот сказ до сих пор не прочитан...»	73
«Блинный дух и дух былинный...»	75
«Спеша из ниоткуда в никуда...»	76
«Медной горы хозяйка!..»	78
«Событий смутных нам темно значенье...»	79
«Вновь одна на пристани стою...»	80
«Здесь время течёт иначе...»	80
«Собирай, зима, котомку...»	81
«Если от горя народ обезножен...»	82
«Царевщина, прима-ка на постой!..»	84

«Рус...» — читаю нынче на заборе...».....	85
«А я хотела просто быть любимой...».....	86
«Казалась вся из инея и льда...».....	87
«Ты любимым таким ещё не был...».....	88
«Пью за здоровье бывших мужей!...».....	89
Посвящение на книге.....	90
«Я запомню себя в заповедном забывчивом мае...»	90
«Сладкими восславленная снами...»	93
«Россия, Русь... А дальше многоточие...»	94
«Небритый неприкаянный уставший...».....	95
«Спой обо мне, обманутая Тоска!...».....	96
«Караван-Сарайская — не райская!...»	97
«Дом аспиранта МГУ...»	98
«Пока ещё ты славой не заласкан...».....	100
«Да как же это, как же это вышло...»	101
«Я узнаю твой знаменитый зной...».....	102
«Над рюмками взлетевшая бутылка...».....	103
«Ты, кого я высотой окрыляла...».....	104
«Январской вьюги чувственные стоны...».....	105
«Кровавые рябины справа...»	106
«Ты долго по миру блукал...»	107
«Кто мы? Что мы? С кем мы? Где мы?...».....	108
«На кобылу всадницу променяв...».....	109
«Улица сутулится под ветром...»	110
«Пуглив и странен, диковат и тих...»	111
«Ныне и присно уже не приснится...»	112
«Велика кобыла — воду возит...»	113
«Причёска «Полюби меня, Гагарин!»...»	114

«Что ты смотришь с надменной насмешкой...»	115
«Солнышки-подсолнушки...»	117
«Загулял, однако...»	118
«Знай, скрипи своим оралом...»	120
«Когда я, задыхаясь от бессилья...»	121
«Старуха, сносившая тело дотла...».....	122
«Ракитов куст. Калинов мост...»	122
«В кругу молчаливых монашек...»	123
«Мне кажется, я где-то вас встречала...».....	124
«Отзвенели знойные мониста...».....	124
«Первый гост за бабушку Гугниху...»	125
«Растерзанная проклятая жизнь...».....	126
«Одиночество — Ваше Высочество!...».....	127
«Пятый день я сама не своя...»	128
«Рояль в лирическом миноре...»	129
«Прости-прощай, уездный город Эн!...».....	130
«Полуодета, полуумыта и полунакрашена...».....	131
Фике	132
«Я подданная русских захоlustий...».....	133
«Золотая осень разбазарена...»	134
«Дрожь понурых станционных клёнов...».....	135
«Что не сплыло — былём поросло...»	135
«Степь примеряет вешние ручки...».....	136
«Переодеваюсь впопыхах...».....	137
«И заглянула в мой бокал луна...».....	138
«Всё чаще, неизбежней и шальней...»	138
«Послушайте, юный послушник...»	139

«Выпей, Моцарт! И вздохни свободно...».....	140
21 декабря	141
«С твоими несравненными устами...».....	142
«Непогода за окном ярится...»	142
«Со смуглых горячих ладоней твоих...».....	143
Русское воинство.....	144
«Пора крещенских водосвятий...».....	144
Колыбельная.....	145
«Пусть трубных похвал благородный металл...»	146
«Здесь сугробы, как волны Босфора...»	147
«При вас мне этот город тесен...»	148
«Я полюблю однажды этот город...».....	148
«Отныне даже не знакомы...»	149
Хомут.....	150
«Под плач ночной самарской вьюги...»	152
«Мы на пустые сожаленья падки...»	153
«Дерут друг друга за грудки...»	154
«В часы унынья, грусти и печали...»	154
«Брови чёрные соболиные...»	155
«В России холодное лето две тысячи третьего года...»	156
«Он пел: «Мы наш, мы новый мир построим...»...»	158
«Никола Зимний да Егорий Вешний...»	159
«Страшный и давно желанный сон...»	160
«За окном взбесился ливень...»	160
«Ревнивая свекровь Самара...».....	161
«Багряно-рдяным заревом расцветен...».....	162

«На развалинах вечного города...»	163
«Век серебряный. Сон золотой...»	164
«Несу свою небесную поклажу...».....	165
Строителю Покровского собора.....	166
«Странный месяц оседанья снега...»	166
«Пылит ли зной, метёт ли снег...»	167
«О, Согдиана, родина моя!.. ..».....	168
«Нам встречи нет и нет разлуки...».....	168
«Уж чем же вы на этот раз...»	169
«Я выплакала свой Восток...»	170
«Да, это мы — стрибожьи внуки-ветры...»	171
«Опять гадаешь по ромашке...»	172
«Ты сядешь за руль, и появится вскоре...».....	172
«Конь буланный. Меч булатный...».....	173
«Друг о друга лбами медными стукнулись...»... ..	173
«Искришься-лучишься, как полная чарка...»	174
«Богу — свечка. Чёрту — кочерга...»	175
«Куцая смешная кацавейка...».....	176
«Порожними бутылками...»	177
«Сегодня — ты... А завтра...»	178
«Поёт струной натянутая леска...».....	178
«В судах да пересудах много ль толка?...»	179
«Постой. Повремени немного...».....	180
«Нас не находят и уходят...».....	180
«Ни лаской, ни дверьми, ни хлебом...»	181
«Всплаknём, обращаясь к понурой Отчизне...»	182

«Себя сжигающий дотла...»	183
«Привет, любовь нежданно-роковая!..»	184
«Анисовая водка...»	184
11 февраля	186
«Услышишь ли стоны телесной юдоли...»	186
«Мне казалось, что крепко уснул...»	187
«О, подлецы, с которых взятки гладки!..»	188
Сожжённое письмо	188
«День ото дня уходят силы...»	189
День Победы	190
«Лишь на барыг от веку таровата...»	190
«Между нигде и никогда...»	191
«Много грома да мало дождя...»	192
«На руинах рухнувшего храма...»	193
«Это однажды со мною случится...»	194
«Выйду, сяду на крылечко...»	195
«Всю жизнь себя искала... А сегодня...»	196
«Людских утешений не надо...»	197
Китайская стена	198
«Неразделённая любовь...»	199
«Я так живу, как будто не умру...»	199
«Наполнен мой бокал на треть...»	200
«Снег сойдёт... Ничего не останется...»	201
«О, маргиане! Горе, горе нам!..»	201
«Душны твои объяття...»	203
«Золотые отшвырнув оковы...»	204
«Не хулиганка и не истеричка...»	205
«Вам мало было знать — по вас страдают...»	205

«Обсевком во поле родном...»	206
«Я речушка по имени Чу...»	206
«Вот-вот мой звёздный час пробьют куранты!..»	207
«Освободившись из объятий стужи...»	208
«Прокрусты, прохвосты, пройдохи...»	208
«Не жаль мне веселивших ножку...»	209
«Скоро пробьются и зазеленеют...»	210
«Родимое степное Оренбуржье...»	210
«Над стихами склонившись моими...»	211
«Окольцевал лебяжью руку...»	212
«Не стал мне другом, стань врагом!..»	213
«Даль беспросветная...»	214
«Схоронила я душу в девятнадцатом веке...»	215
«Век юных флигель-адъютантов,	216
«Не тычьте мне в глаза, хохол и русский!..»	216
«Купите ошейник, и я буду вашей собакой...»	217
«Гулящий ветер	218
«Ты всегда как будто снег на голову... ..»	219
«Оренбургский хрен, ты не слаще самарской редьки...»	220
«Лишь она среди своих товарок...»	221
«От любви до ненависти — шаг...»	221
«Плуг. Ярмо. Секира. Чаша...»	222
«Судьбы драгоценный подарок...»	222
«В смертельной истоме осенней поры...»	223
«Не надо любви взаимной...»	224

«Вновь сердце хочет вырваться из клетки...».....	224
«Эх, дородна, матушка-Самара!..».....	225
«Не гордая опальная принцесса...».....	226
«Где набраться гордости и силы...».....	226
«Коварный цветок-декабрист!..».....	227
Звезда по имени Зухра.....	228
«Поздравленья так кратки и редки...».....	229
«Черноглазый Меджнун, разлучённый с Лейли...».....	230
«Ну, как мы с тобой не устали...».....	230
«Мой юный друг, что вам во мне?...».....	231
«Июньского дождя стокатто...».....	232
«Били воблой по столу...».....	232
«Я только гостя, и нигде...».....	233
«Кабы знала я, как сладки...».....	234
«Я скажусь больною...».....	234
«Вернулся ты, и я вдруг ужаснулась...».....	235
Утро.....	235
«Восточный ветер — вечный странник-дервиш...».....	236
«Его монаршие замашки...».....	236
««Прости меня!..» — кричу вдогонь...».....	237
Надпись на фотографии.....	238
«Восторженный девичий возглас...».....	239
«Раздольная русская грусть...».....	239
«Где-то за речкой...».....	240
«Табынская икона Божьей Матери!..».....	241
«Подошёл. Ресницы опустил...».....	242

«Закованный в божественный металл...».....	243
«К священному принижи изголовью...»,.....	244
«А хочешь, я свои грехи...».....	244
«Я мечтанья о несбыточном оставила...».....	245
«Вились по ветру волосы...».....	246
«То бранная, то бражная потеха...».....	246
«Мужчин меняю, как перчатки...».....	247
«Я приеду гостьей...».....	248
«Глядеть готова до утра...».....	248
Подорожная.....	249
«Адью, мой милый адъютант!..».....	250
«Я отпустила под откос...».....	251
«Божественной сусальной позолотой...».....	252
«Кто в расшитой мною тюбетейке...».....	253
«Угрюм и жизнью утомлён...».....	253
«Ты спишь на короткой казённой кровати...».....	254
«Чудная станция с названьем Пачелма...».....	255
Тульганой.....	256
«Мы пасынки своей земли родной...».....	257
«Мне в грудь вошла парфянская стрела...».....	258
«От недостойной склонности к другому...».....	258
«Теперь ни дня без строчки...».....	259
«Всегда свободы в жизни я хотела...».....	260
«Наконец-то ты стал моим прошлым...».....	261
«Буйная, увязшая в общагах...».....	262
«Всё реже озаряет дали...».....	263
«Поутру с причитаньями снимут...».....	264
«Наивная, влюблённая, смешная...».....	264

«Отчаянье перечеркнёт лицо...».....	265
«Я влюбилась... Разве это ново?...».....	266
Кино.....	267
«Твоё высокое окошко...»	268
«Вы меня никогда не любили...».....	268
«Любовь поселилась под сердцем...»	269
«За мною по пятам, по следу...»	270
«— Куда-куда, окольная дорога...».....	271
«Бесновато хохотнула юность...»	272
«Под шум чужой крутой попойки...».....	272
«Пальто. Ботинки. Зонттик. Шляпа...».....	273
«На границе миров, на границе времён...»	274
«Тебя лягают и — копыт не прячут...».....	275
«Вы первый мне напомнили так странно...»	276
«И царь, и кузнец, и строитель, и плотник...»...	276
«Осень-несмеянушка ронит дробны слёзыньки...».....	277
«Речушка именем Светлынь...».....	278
«Глубинка русская, держись!...».....	279
Баллада о семи богатырях.....	280
«Не похвалялся, едучи на рать...»	283
«Печальники и воины славянства!...».....	284
«Молотила, косила, пахала...».....	285
«Несу свою небесную поклажу...».....	286
«Мы на пустые сожаленья падки...»	287
«Ветер, вдрызг пропахший ноябрём...».....	288
«На родину, которая до срока...»	289
«А мы ещё — ого! Совсем не стары!...».....	290

«Где ты, вдохновение моё?...».....	291
«С юностью покончено... И точка!...»	292
«У Игреньки очи в пол-лица...».....	293
«Включишь старый телевизор...»	294
«О, эти чудо-одуванчики...»	295
«Вешний свет — небесный гость...».....	296
«Кремлёвские романтики...»	297
«Милый снится... Знать, помина просит...»	298
«Неужель ты дожил до седин...»	299
«То икона, то дубина...»	300
«Самара самостью сильна...»	301
«Затируха-объедуха...»	302
«Пеку для всех. Пекусь о каждом...»	303
Сказ о Волге	304
«Надменной Волги робкое лобзанье...»	305

Диана Елисеевна Кан

ПОДОРОЖНАЯ

Книга избранных стихотворений

Компьютерная вёрстка — *Александр Громов*

Корректурa — *Алексей Сыромятников*

*В оформлении книги использована
репродукция картины «Степнянка»
члена Союза художников России Ольги Нагорной*

Издание подготовлено творческим объединением

«Русское эхо»

Самарской областной писательской организации

Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,

телефон: (846) 333-48-01

Подписано в печать 08.02.2021. Формат издания 84x108/₃₂.

Объём 16,8 печ.л. Гарнитура Adonis.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Слово».

443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1;

тел.: (846) 267-36-82.

e-mail: izdatkniga@yandex.ru